Материалы по **А**рхеологии и **И**стории **А**нтичного и **С**редневекового **К**рыма

выпуск I



Materials in **A**rchaeology and **H**istory of **A**ncient and **M**edieval **C**rimea

volume I

Симферополь
2008

Тюменский государственный университет
Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Издается по решению Ученых советов
Института истории и политических наук Тюменского государственного университета
и Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. I.
Сб. / Ред.-сост. В.В. Хапаев, М.М. Чореф. – Симферополь, 2008.
160 с. – илл.

ISSN 2219-8857

Предисловие

Древняя Таврика всегда была под вниманием историков. И к настоящему времени сформировалась обширная библиотека крымоведческой литературы. Однако до сих пор многие важнейшие проблемы истории полуострова не освещены в полной мере, ведь слабая изученность памятников древности лишает нас возможности однозначно их трактовать. Так, к примеру, и сейчас остаются спорными многие доктрины, призванные осветить историю античных и средневековых городищ, датировать памятники христианства или интерпретировать свидетельства письменных источников. Ожесточенная полемика существует и по вопросу атрибуции монетного материала.

Однако, с нашей точки зрения, поиск желанного консенсуса вполне возможен. Для этого достаточно просто попытаться проанализировать все логичные и аргументированные предположения. Действительно, на многочисленных конференциях, проводимых под эгидой крымских университетов, звучат и обсуждаются доклады, авторы которых пытаются как ввести в научный оборот новый материал, так и обосновать свою точку зрения по важнейшим, на их взгляд, вопросам истории. Но, к сожалению, эти сообщения остаются неизвестными широким научным кругам. Ведь часто организаторы конференций не имеют возможности издавать сборники материалов.

С целью исправить это упущение мы создаем сборник «Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма», в котором, для начала, собрали статьи ученых, как нам кажется, пытающихся найти новое решение старых проблем.

Уверены, что предположения и неординарные трактовки или неизвестного, или уже давно изданного, но неизученного в полной мере материала должны привлечь внимание общепризнанных специалистов. Возможно, будут и споры. Но ведь в них и рождается научная истина.

Редколлегия

АРХЕОЛОГИЯ

А.В. Шевченко

КУЛЬТ АФРОДИТЫ В АНТИЧНОМ ХЕРСОНЕСЕ (ПО ДАННЫМ КОРОПЛАСТИКИ)

Культ Афродиты в Херсонесе Таврическом известен с начального периода формирования полиса, но первостепенной роли в херсонесском пантеоне раннего периода и эллинистической эпохи он не играл. Тем не менее, культ Афродиты был в числе наиболее популярных, хотя и оставался долгое время в сфере частных культов. Государственным культ Афродиты становится в Херсонесе лишь в первые вв. н.э.

В эпоху раннего эллинизма самыми популярными типами херсонесских терракот являются протомы, погрудные изображения богинь, олицетворяющих собой производящие силы природы и наделенные одновременно чертами хтонических подземных божеств. В этом ряду известна и Афродита как олицетворение женской производительной силы [1]. Протомы Афродиты времени IV-III вв. до н.э. трудно отделить от протом с изображением Коры, особенно, если учесть, что терракоты, как правило, доходят до наших дней в обломках. Не всегда помогают и атрибуты богинь – так, к примеру, птица и цветок могут сопутствовать как Афродите, так и Коре (Рис. 1).

Иконография Афродиты выработалась в Афинах к IV в. до н.э., тогда же появляются разнообразные типы ее изображений. К этому времени древние греки знали как бы двух Афродит – Афродиту Уранию и Афродиту Пандемос. Афродита Урания («небесная») властвует над всей природой и, по выражению Эврипида, «низводит на землю любовь и плодородие» [2]. Афродита Урания, простирающая власть свою на небо, землю и море [3], богиня строгая, одетая в хитон и гиматий.

В херсонесской коллекции терракот этот тип представлен двумя статуэтками. Одна из них («Афродита на лебеде») (Рис. 2), по всей видимости, малоазийского производства, а вторая («Афродита и Эрот») (Рис. 3) местного производства, но оттиснута, скорее всего, в привозной форме. Обе статуэтки происходят из раскопок в 1903 г. в центральной части городища. Терракоты фрагментированы: в первом случае отсутствуют голова и верхняя часть фигуры богини, а также голова и шея лебедя.

Афродита в хитоне и гиматии, восседающая на лебеде, одно из самых ранних изображений Афродиты Урании. Посвященный ей лебедь в представлениях древних греков, является птицей, связанной с тайнами плодородия [4]. Тип, переданный терракотой, есть тип Афродиты Урании великого Фидия. Монументальная статуя богини, по всей вероятности, стояла в Афинах и принадлежала резцу выдающегося художника V в. до н.э., близкого кругу Фидия [5].

Терракота «Афродита и Эрот» также фрагментирована: утрачены голова и нижняя часть фигуры богини, а также ноги Эрота. Афродита, судя по сохранившемуся фрагменту, изображена сидящей, нижняя часть фигуры скрыта гиматием, конец которого, перевитый жгутом, проходит под грудью богини. Гиматий скрывает также левое плечо Афродиты.

Верх фигуры, возможно, облачен в тончайший хитон, на плечах – концы вьющихся волос. Эрот обнаженный, на фоне короткого плаща, голова, украшенная пышным венком, наклонена к левому плечу. Удлиненные пропорции фигур указывают на послепраксителевское время.

Культ Афродиты Пандемос («всенародная») тоже связан с Афинами, откуда он затем попал в Малую Азию, где, возможно, и «родилась» иконография этого образа. Афродита Пандемос – олицетворение народного союза и единства, а также покровительница брака (последнюю функцию имеет и Афродита Урания, что «роднит» обеих богинь. Однако, Афродита Пандемос олицетворяет собой именно идею плотской любви).

Из дореволюционных раскопок происходит терракота «Афродита с голубем» (Рис. 4). Обстоятельства и место ее находки неизвестны. Богиня изображена сидящей (на алтаре?), в левой руке голубь. Голова, часть правой руки и ступни ног утрачены. Гиматий плотно драпирует фигуру богини. Статуэтка выполнена местным мастером во II в. до н.э.

В эпоху эллинизма понимание Афродиты как богини простой человеческой любви усиливается, что выразилось в распространении почитания Афродиты Пандемос и

стирании граней между Афродитой Уранией и Афродитой Пандемос (Рис. 5 а,б) [6].

Образ Афродиты не был в Херсонесе строго каноническим, тем более, что в самой древней Греции в период V-IV вв. до н.э. скульпторами и художниками был создан целый ряд художественных произведений, посвященных «прекраснейшей из богинь».

Лучшие изображения Афродиты связаны, безусловно, с именем великого афинянина Праксителя. Его Афродита «книдская» считалась идеалом женской красоты. Прославленная статуя вызвала к жизни бесчисленное количество подражаний и вариантов, одним из которых можно считать терракоту, найденную в 1908 г. в одном из помещений северо-восточного района городища [7] (Рис. 6). Мастер-херсонесит изобразил обнаженную богиню в момент, когда она собирается войти в воду (мотив праксителевской Афродиты). Левой рукой она придерживает гиматий, соскользнувший с плеч, правая нога обнажена и слегка выступает вперед. Голова и верх правой стороны фигуры, к сожалению, утрачены.

Образ Афродиты обнаженной или полуобнаженной становится в эллинистическом Херсонесе самым популярным (Рис. 7). Афродита Анадиомена («морская», «выходящая из пены морской»), Афродита в раковине (Рис. 8), Афродита с лебедем или дельфином – все это варианты «морской» Афродиты, они также подчеркивают «чувственный» аспект в характере богини. Афродита «морская» могла выступать в Херсонесе и как покровительница мореплавания.

Херсонесские мастера-коропласты, вдохновляясь творениями великих мастеров, создавали и свои, подчас оригинальные произведения, к числу которых принадлежит фрагментированная терракота Афродиты из дореволюционных раскопок – одна из самых замечательных терракот херсонесской коллекции [8] (Рис. 9). Она также была создана под сильным влиянием работ Праксителя и мастеров его школы. У Праксителя «заимствованы» вся композиционная схема построения фигуры и наличие подпорки, которая всегда составляла часть композиции. Херсонесская Афродита изображена спокойно стоящей на фоне подпорки, играющей в данном случае чисто декоративную роль, т.к. фигура богини ее не касается, а стоит самостоятельно. Верхняя часть фигуры обнажена, а нижняя изящно прикрыта драпировкой. Красота общего контура фигуры, плавные его линии, мягкое движение слегка отведенной назад левой руки, придерживающей, по всей видимости, край гиматия, ямочка в основании шеи, локон на левом плече в виде крупной длинной пряди, мастерство драпировки – все исполнено выразительно и умело, так, что явные просчеты в построении нижней части фигуры просто не бросаются в глаза.

К числу оригинальных творений херсонесских коропластов принадлежит объемная протома Афродиты. В Херсонесе известны две такие находки. Лучшая по сохранности происходит из раскопок в 1975 г. эллинистического помещения в I квартале северо-восточного района городища [9] (Рис. 10). Протома представляет собой погрудное изображение богини в фас. Пышные, вьющиеся волосы венчает стефана, украшенная рельефными круглыми розеттами. Это Афродита Урания («небесная»), символ света, символ рождения жизни. На голове богини – высокая подставка с чашечкой (кернос). Голова Афродиты на херсонесской протоме точно повторяет изображение Афродиты на фигурной вазе из Фанагории [10]. Судя по всему, и фанагорийская ваза, и херсонесская протома восходят к одному и тому же образу, созданному, очевидно, в греческой монументальной скульптуре V-IV вв. до н.э. и который «был удивительным созданием искусства» [11]. По всей видимости, образ Афродиты, вдохновивший мастеров этих двух античных центров, был создан, скорее всего, в Афинах, а затем через Малую Азию попал в Сев. Причерноморье.

Вторая аналогичная протома была обнаружена в слое над ранним некрополем на северном берегу Херсонеса с материалом IV – начала III вв. до н.э. [12] (Рис. 11). Находка протомы на некрополе вполне объяснима и осмысленна, т.к. Афродита еще со времен архаики была наделена хтоническими чертами. Ее протомы нередки среди инвентаря древнегреческих погребений, где она выступает как символ возрождения и бессмертия. Вполне возможно, что этот тип протомы создавался специально для погребального ритуала и предназначался для установки в могилу. В херсонесском некрополе эпохи эллинизма погребения с терракотами очень редки и, тем не менее, помимо упомянутой протомы, известная статуэтка Афродиты, найденная в 1910 г. на некрополе в юго-восточной части городища [13]. По составу инвентаря погребение датируется II-I вв. до н.э. Афродита в хитоне и гиматии изображена стоящей у алтаря, на который помещена птица. Правая ладонь богини касается птицы (голубь?), левая опущена вдоль тела. На голове высокая прическа (?) и гладкий венок

(символ хтонического божества). Хтонические культы, как известно, очень консервативны и мало подвержены изменениям. В данном случае терракота воспроизводит тип Афродиты, известный со времен классической эпохи, но который без особых изменений «перешагнул» в эпоху позднего эллинизма. В данном погребении изображение Афродиты олицетворяет собой идеи возрождения и бессмертия.

В первые вв. н.э. культ Афродиты становит-ся государственным, что однако не исключает ее из состава частных культов. Среди скульптурных находок в Херсонесе есть ее изображения и, судя по ним, по-прежнему популярен тип Афродиты эпохи эллинизма – полуобнаженная богиня. Но среди немного-численных терракот первых вв. н.э. ее изображения не известны.

Таким образом, культ Афродиты в античном Херсонесе был одним из самых популярным. Терракоты с ее изображением создавались в местных мастерских под впечатлением прославленных работ Фидия и особенно Праксителя, они запечатлели и сохранили для нас ныне утраченные скульптурные шедевры. Типы херсонесских терракот Афродиты разнообраз-ны, но основное внимание сосредоточено на Афродите Урании («небесной»), богине света, любви, покровительнице браков. Как хтоническая, богиня Афродита олицетворяла собой идеи возрождения и бессмертия. И в первые вв. н.э. характер ее культа особых изменений не претерпел.

Примечания

1. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1892. С. 907.
2. Там же. С. 907.
3. *Сокольский Н.И.* Святилище Афродиты в Кепах // СА. № 4, 1964. С. 116.
4. *Мавлеев Е.В.* Греческие Диомеды и этрусский «человек-лебедь» // Художественные изделия античных мастеров; Л., 1982. С. 95.
5. *Вальдгауэр О.Ф.* Афродита Урания и Афродита Пандемос // ИРАИМК. Вып. II, Пгр., 1922. С. 214.
6. *Сокольский Н.И.* Указ. соч. С. 118.
7. *Белов Г.Д.* Терракоты Херсонеса из раскопок 1908-1914 гг. // ХС. Вып. III. 1930. С. 234, рис. 19.
8. *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. № 139.
9. *Золотарев М.И.* Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тб., 1982. С. 266, рис. 5.
10. *Фармаковский Б.В.* Три полихромные вазы в форме статуэток, найденных в Фанагории // Записки РАИМК. Вып. I. Пб., 1921., табл. III.
11. Там же. С. 17.
12. *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. Крым, 1938. С. 230, рис. 54.
13. *Лепер Р.Х.* Дневники раскопок херсонесского некрополя. // ХСб. Вып. II. 1927. С. 224, рис. 10; 4.



Рис. 1. Атрибуты Афродиты и Коры: птица и цветок



Рис. 2. Афродита на лебеде



Рис. 3. Афродита и Эрот



Рис. 4. Афродита с голубем



а



б

Рис. 5. Афродита Урания и Афродита Пандемос



Рис. 6. Афродита «книдская»



Рис. 7. Афродита обнаженная



Рис. 8. Афродита в раковине

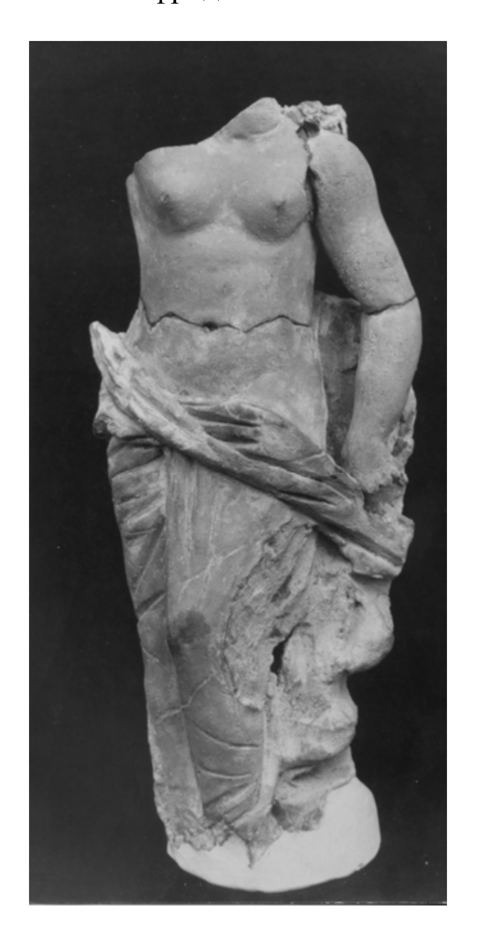


Рис. 9. Афродита. Подражание Праксителю

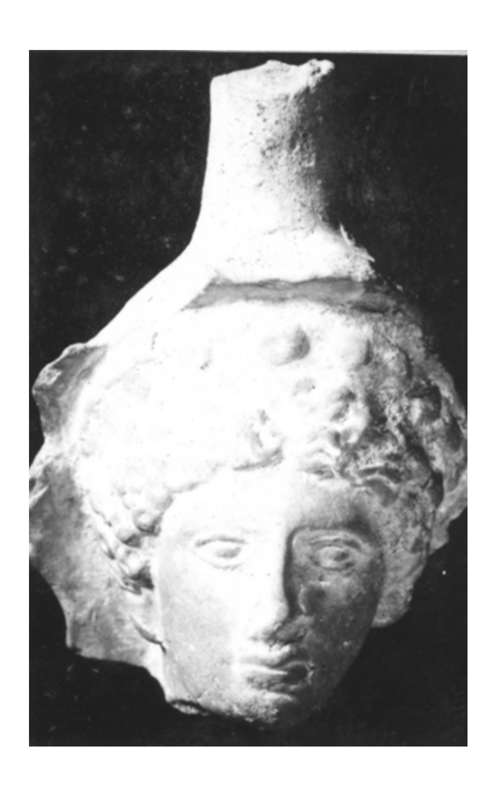


Рис. 10. Протома Афродиты



Рис. 11. Протома Афродиты

Л.А. Ковалевская, И.Ю. Суханова

ВИНОДЕЛЬНЯ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ХОРЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В 2006 году Херсонесской охранной экспедицией, работающей на городской территории Севастополя, которая в античное время входила в состав сельской округи Херсонеса Таврического, проводилось доследование усадьбы земельного надела 340.[1] Усадьба античного земельного надела 340 расположена, на северном склоне Верхне-Юхариной балки, на территории современного Севастопольского городского кладбища. Систематические археологические раскопки памятника археологии были начаты в 1986 году в связи с расширением территории действующего кладбища. С этого времени работы с небольшими перерывами проводятся до настоящего дня.

Исследуемый памятник археологии является многослойным. На усадьбе, основанной в период освоения греками Гераклейского полуострова, как ближней сельской округи Херсонеса, жизнь продолжалась в римский период, а позже, в средневековье. Раскопками выявлена башня, окруженная с 4-х сторон так наз. «противотаранным поясом», имеющая размеры по внешнему периметру 11,5 м х 13,5м. Внутреннее пространство башни разделено на два помещения, в одном из них располагался склад, где размещалось восемь пифосов, в южном углу второго – имелся колодец. В центре постройки находился двор, вымощенный каменными плитами, и окруженный с трех сторон хозяйственными помещениями.

В 2005 году с целью определения общей площади, занимаемой памятником археологии, в 20-30 м на северо-запад от выявленных остатков усадьбы были разбиты контрольные шурфы. В результате были обнажены мощные культурные напластования - слой горения и завал керамики. Работы на данном участке были приостановлены, открытая площадь законсервирована. [2]

В настоящий полевой сезон продолжено исследование северо-западного раскопа. Общая площадь раскопа была расширена в юго-восточном направлении почти до 150 м кв. На указанной площади обнаружены строительные остатки здания, в котором, по-видимому, основную площадь занимало помещение винодельни. Выявленное здание углами, как и сама усадьба, направлено по сторонам света. Винодельня размещается в прямоугольном помещении площадью около 35 кв. м, которое имеет размеры 7,00 х 5,00 м и образовано с юго-запада стеной 1, с северо-запада – стеной 3, с юго-востока – стеной 6, с северо-востока – стеной 5. Западный и восточный углы помещения разрушены (рис. 1, 2).

Стены 1, 5, 6 – по конструкции аналогичны, имеют не регулярную кладку, состоят из бутовых камней средних и мелких размеров. Толщина стен 0,60 – 0,70 м, сохранился 1-2 ряда кладки на высоту 0,30 – 0,45 м. В основании стены - скала, местами суглинок. В центральной части стены 1 находится проход шириной 0,80 м, в северо-западной части стены 5 - проход шириной 0,40 м.

Стена 3 – более сложной конструкции, толщина стены 3 на юго-западном участке 0,90 м, на северо-восточном – 1,25 м. Явно прослеживается 2 строительных периода: юго-восточная сторона стены перпендикулярна стенам 1 и 5 относится к первому этапу, северо-западная - под неправильным углом к вышеупомянутым стенам, но перпендикулярно к стенам 2 и 4 соседнего помещения 2, скорее всего, перестроена позднее.

В настоящий полевой сезон помещение винодельни было исследовано почти полностью. В результате по всей площади вышли на поверхность скалы. В ходе проведенных работ были сняты: Дерновый слой, слой 1 и слой 2 со следами горения, общей мощностью 0,45-0,65 м. Следует отметить, что по всей площади помещения прослеживаются зольные пятна тёмного цвета с рыхлым сыпучим грунтом. Самая большая концентрация зольных пятен разных форм с большим количеством мелких древесных углей наблюдается в углу стен 3 и 5. Имеются следы сильного горения вдоль северо-восточной стороны стены 1 (пятна диаметром до 0,40-0,50 м овальной формы), а также фиксируются с юго-восточной стороны площадки. На указанных участках фрагменты керамических изделий, а в углу стен 3 и 5 целые формы черепицы сильно обгоревшие. Также обращает внимание уже упомянутое большое количество

мелкодробленной черепицы в центральной части помещения на поверхности скалы.

С юго-восточной стороны стены 3, почти впритык к ней, продолжено выявление площадки (часть которой была обнаружена в прошлом году). Площадка почти прямоугольная в плане, размерами 1,80 х 1,35 м, верхняя поверхность довольно гладкая, покрыта хорошо сохранившейся глиняной обмазкой светло-коричневого цвета с розоватым оттенком. Высота площадки 0,30 – 0,35 м, в её основании прослеживаются камни, пространство между которыми заполнено глиной. Вся эта вышеописанная конструкция расположена на скале. В центральной части помещения на поверхности скалы сохранилась глиняная обмазка, подобная покрытию поверхности вышеописанной площадки. В северо-западной части помещения, где находится площадка, на расстоянии 1,80 м от стены 3, выявлен ряд камней (6 штук), крупных и средних размеров, расположенных с юго-запада на северо-восток, стоящих на поверхности скалы. Ещё один большой камень сохранился у самой стены в 0,40 м на северо-восток от площадки. На камнях имеются следы глиняной обмазки.

Почти в центральной части помещения, в его юго-восточной половине выявлен ряд из трёх квадратных вырубов в скале, расположенных с юго-запада на северо-восток. Грунт в заполнении внутреннего пространства углублений очень отличается от культурных напластований в помещении 1, представляет собой суглинок довольно плотный, светло-коричневого цвета, без содержания камней и с единичными мелкими невыразительными фрагментами керамики. Исследования показали, что перед нами три приёмника для виноградного сусла. Приёмники вырублены в скале, неправильно-квадратные в плане, размерами: первый (северо-восточный) – 1,05-1,30 м; второй (центральный) – 1,20-1,10 м; третий (юго-западный) – 1,15-1,10 м. На некоторых участках внутренних стенок сохранилась довольно прочная обмазка (цемянка) желтовато-розового цвета. Наблюдаются также следы подтёски скалы. Углубления не исследованы до дна, а только на глубину от 0,15 до 0,50 м, так как внутри каждого приёмника были обнаружены пифосы без сохранившейся верхней части. Наиболее разрушенный пифос - в центральном приёмнике.

Грунт в заполнении пифосов до самого дна - темный, мягкий со следами горения, имеются мелкие угольки. В пифосе №1 обнаружены 11 зерен пшеницы и плод спорыньи, а также выявлены фрагменты краснолакового кувшина, часть которого была ранее обнаружена в углу приёмника. В заполнения пифоса №2 обнаружены крупные куски сгоревшего дерева (сосна обычная). В пифосе №3 найдены кости крупного рогатого скота.

У юго-восточной стены 6, на расстоянии 0,30 м, в углублении, вырубленном в скале, выявлена верхняя поверхность камня-противовеса. Каменная гиря расположена в скальном углублении квадратной формы размером 1,00 х 0,80 м, глубиной 0,45 - 0,50 м, размещена вплотную к северо-западной и юго-восточной стронам ямы, значительно придвинута к юго-западному борту. Грунт в заполнении ямы светло-коричневый с сероватым оттенком, неплотный с небольшим содержанием камней и фрагментов керамики. Камень противовес плохо сохранился, имеет невыразительную, неправильную форму, довольно сложной конструкции. Общие размеры каменной гири 0,50 х 0,75 х 0,90 м, она состоит из двух частей: верхней и нижней. Верхний камень меньшего размера имеет на верхней поверхности неглубокое, нечеткое углубление-паз шириной 0,10-0,12 м. У нижнего камня на юго-западной и северо-западной сторонах наблюдаются более широкие (до 0,35 м) пазы глубиной 0,10 м.

Ещё одна важная конструктивная особенность помещения 1 – это небольшие ямки, которые явно принадлежат к общей идее устройства винодельни. Всего таких ямок обнаружено пять, все выбиты в скале. Две расположены в юго-восточной части помещения: первая – овальной формы, размерами 0,18 х 0,25 м, глубиной 0,11 м, находится во внутреннем углу стен 5 и 6; вторая – неправильно-округлая в плане диаметром 0,16 м, глубиной 0,15 м, находится во внутреннем углу стен 1 и 6. Две следующие ямки находятся у юго-западной стороны стены 1, на участке расположения приёмников сусла: третья – овальной формы, размерами 0,17 х 0,26 м, глубиной 0,20 м; четвертая – тоже овальной формы, размерами 0,23 х 0,32 м, глубиной 0,37 м (локализуется на поверхности прохода в стене 1). Пятая ямка расположена во внутреннем углу стен 1 и 3 – неправильной формы, размерами 0,23 х 0,18 м, глубиной 0,44 м.

К сожалению, элементы внутреннего устройства обнаруженной нами винодельни сохранились недостаточно для точной реконструкции процесса производства вина. Самому большому разрушению подверглись

давильные площадки. Только по имеющимся трем приемникам сусла можно судить, что винодавильных площадок было тоже три. От элементов устройства центральной имеются только остатки основания под каменную плиту, служившую в качестве платформы, на которую помещалась масса виноградной мезги, подлежащая выжиманию с помощью пресса [3]. Эта площадка, описанная нами выше, расположена в центральной части участка, с юго-восточной стороны стены 3. Дополнительным доказательством служит расположение камня-противовеса напротив сохранившейся площадки. В таком случае рычаг мог достигать в длину 7,00 м. Такая платформа являлась составной частью центральной площадки, выдерживала большое давление, поэтому на ней, как правило, размещали каменную плиту и промазывали тонкими слоями цемянки. С двух сторон от вышеописанной площадки находились боковые, на которых виноград давили ногами. Можно предположить, что сохранившиеся семь камней с сохранившимися слоями глины и многочисленные мелкие фрагменты черепицы могли быть составной частью субструкции под давильные площадки, которая часто состояла из утрамбованных бутовых камней и мелких кусков черепицы.[4] Как поверхность каменной платформы, так и поверхности самих трех площадок покрывались цемянкой. Площадки, как правило, доходили до края приемников сусла, поэтому в нашем случае достигали в длину 3,30 м. Сок с каждой площадки стекал по сливам в соответствующий приемник. К сожалению, сливы как и остатки цемянки нами не обнаружены. Цемянка сохранилась только на стенках резервуаров, как мы отметили при описании остатков винодельни. Интерес представляет камень-потивовес, состоящий из двух блоков, по конструкции аналогичный гирям из тиритакских виноделен Т2, Т3, Т7.[5] Конструкция камня свидетельствует о рычажно-винтовом способе пресования в обнаруженной нами винодельне.[6]

Что касается хронологии выявленной винодельни. Исследования в настоящий полевой сезон на участке этого помещения предоставили керамический материал, относящийся в основном к римскому периоду. Из основных находок следует отметить следующие. На поверхности стены 5 её центрального участка найдена монета – тетрасарий 96 (98) г. н.э.[7] С этой же стороны стены 5 на участке выявленных квадратных приемников, также на уровне пола обнаружены фрагменты глиняного светильника. Второй аналогичный светильник - археологически целая форма найден в пространстве между юго-западной стороной камня-противовеса и стенкой ямы, почти у самого дна (рис. 3). Светильники относятся к типу VIII (Loeschcke), [8] Вальдгауэр О.Ф. их называет «римским» типом, [9] широко распространены в античном мире в II-III вв. н.э. Вместе со вторым светильником обнаружены фрагменты краснолаковой чашечки (Hayes-Pontic Sigillata-form 5).[10] Подобная форма широко распространена в первых веках в Понтийском регионе. Таким образом наиболее вероятное время функционирования винодельни II-III вв. н.э. Судя по конструкции приемников сусла, можно предположить, что винодельня на усадьбе 340 пережила два периода жизнедеятельности: в первый период функционировали квадратной формы приемники, во втором - установленные внутри приемников пифосы, обьем которых значительно меньше.

Винодельня, обнаруженная на земельном наделе 340 является, без сомнения, уникальной. Это первая винодельня на хоре античного Херсонеса с тремя винодавильными площадками. Этим она значительно отличается от устройства виноделен на сельских усадьбах эллинистического периода, в которых размещалось самое большое 2 площадки.[11] Выявленная винодельня по устройству аналогична винодельне с тремя винодавильными площадками в Херсонесе,[12] и широко распространенному типу виноделен в первых веках н.э. на Боспоре.[13] Надеемся в ходе дальнейших исследований получим дополнительный материал для более точного выяснения общей конструкции и отдельных элементов устройства обнаруженной винодельни.

Примечания

1. *Кругликова И.Т.* Земельные наделы херсонесcцев на Гераклейском полуострове // КСИА 1981. Вып. 168. С. 9-16; *Николаенко Г.М.* Хора Херсонеса Таврического. Севастополь. Часть II. 2001 С. 126-127.
2. *Суханова И.Ю., Ковалевская Л.А.* Отчёт Херсонесской охранной экспедиции об исследовании усадьбы земельного надела 340 в 2005 году \\ НА НЗХТ. Д. № 3784. 67 л.
3. *Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // МИА 85. 1958. С. 410. Рис. 57.
4. *Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // МИА 85. 1958. С. 411. Рис. 59.
5. Там же. С. 420. Рис. 66-67.
6. *Андрушенко Н.П., Бажанова Т.И.* Реконструкция античных винодельческих прессов по сохранившимся каменным остаткам (на примере виноделен

Херсонеса Таврического) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Киев-Судак. 2004. С. 7-16. Рис. 1.

7. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. К., 1977. С. 150-155. Табл.XV. Рис. 2; Табл. XVI. Рис. 3. № 236, 237.

8. *Loeschcke S.* Lampen aus Vindonissa. Z?rich. 1919. P. 305.

9. *Вальдгауэр О.Ф.* Античные глиняные светильники.СПб. 1914. С. 9.

10. *Hayes J.W.* Sigillate orientali // Ceramika fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia Italiana dell'’arte antica, classica e orientale. Roma. 1985. P. 94. T. XXIII, 6.

11. *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь. 1961. С. 114-131.

12. *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л. 1948. С. 112-113. Рис. 2; *Андрущенко Н.П.* К вопросу о реконструкции античных виноделен: херсонесский «дом винодела» // ХС. Вып. XIV. Севастополь 2005. С. 45-52.

13. *Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // МИА 85. 1958. С. 409-441; *Винокуров Н.И.* Виноделие античного Боспора. М. 1999. С. 35-39. Рис. 33-39.

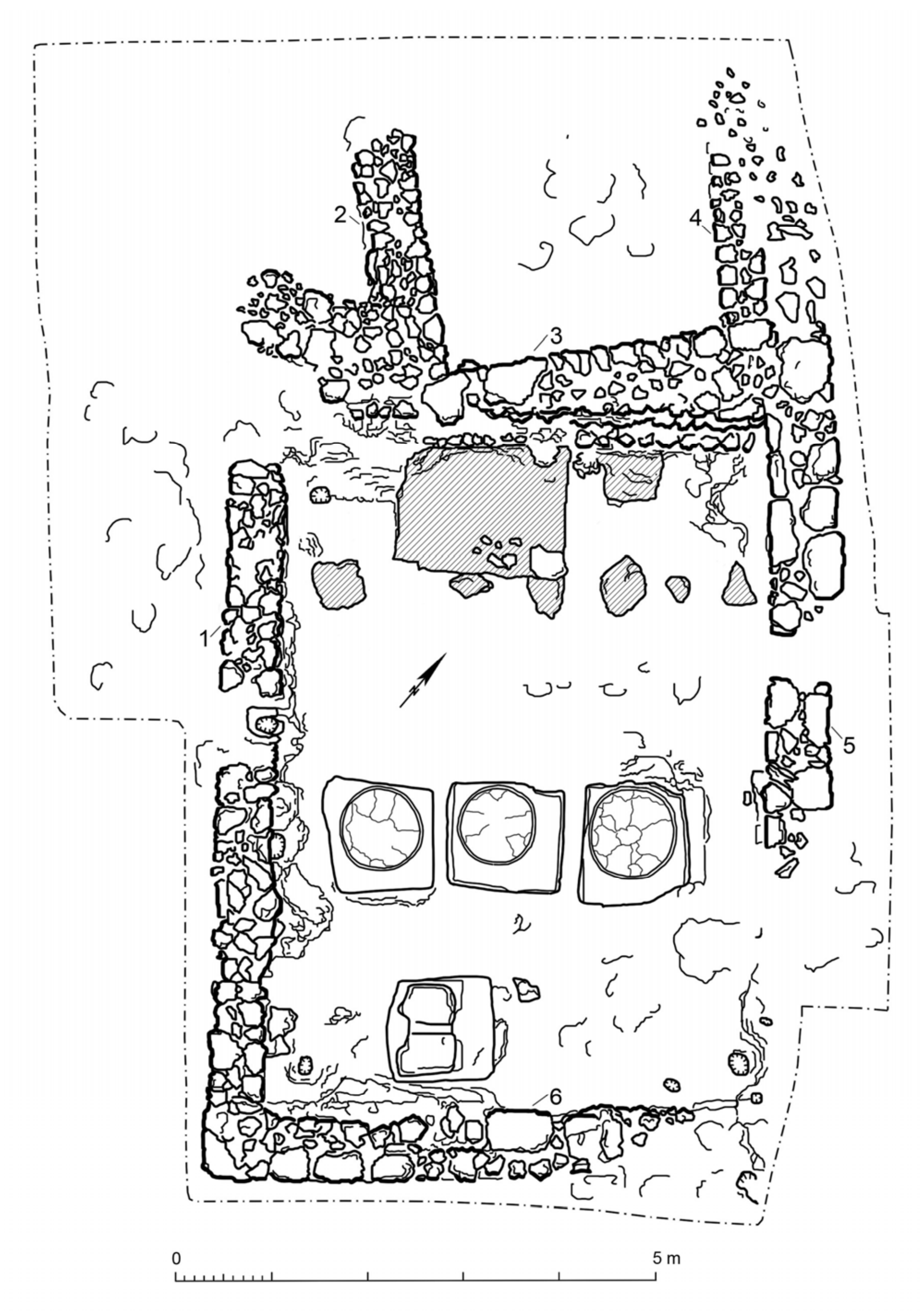


Рис. 1. План винодельни на земельном наделе 340.



Рис. 2. Помещение винодельни на земельном наделе 340 (вид сверху).



Рис. 3. Глиняные светильники II-III вв. н.э. из помещения винодельни.

Л.А.Рыжова

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЮЖЕТА РЕЛЬЕФНОЙ КОМПОЗИЦИИ КРАСНОЛАКОВОГО БЛЮДА ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА «СОВХОЗ-10»

В 1961 году, при раскопках могильника, расположенного на территории совхоза "Севастопольский" ("Совхоз-10"), в подбойной могиле № 40, было найдено краснолаковое блюдо с горизонтально отогнутым краем и невысоким, простым, без какой-либо профилировки, кольцевым поддоном (Рис.1). Инв. № 62/36562.

Диаметр края сосуда 26,5 см., высота - 2,8 см, диаметр поддона - 16,4 см. Глина светло-коричневая, розового оттенка, хорошо отмученная, с примесью мельчайших частиц извести. Лак тусклый, красновато-оранжевый, жидкий, сильно потерт. Блюдо малоазийского происхождения. Учитывая же всю совокупность признаков (состав и качество глины и лака, сюжет изображения), то можно отнести его к изделиям пергамских мастерских. По комплексу находок сосуд датируется II– III в. н. э.

Вся поверхность блюда заполнена многофигурной композицией, выполненной в низком плоскостном рельефе. Изображения не всегда четкие, поэтому контуры фигур "продублированы" острым инструментом. Характерной особенностью стиля оформления рельефа является то, что его детали дополнены вдавлениями, сделанными круглой полой палочкой диаметром 0,25 см - это гирлянды, розетты, змея на посохе Асклепия, огонь жертвенника, треугольники, расположенные возле ног Эротов. Известны многочисленные фрагменты краснолаковых рельефных сосудов этого же времени, выполненных в той же манере, найденные в Херсонесе, городах Боспора, Неаполе Скифском [1].

Композиционная схема рельефа блюда достаточно сложна и насыщена. (Такой же многофигурный сюжет, но с изображением подвигов Геракла, можно видеть на пергамском краснолаковом кубке II-III вв.н.э. из Тиритаки.) [2].

В центре, в медальоне диаметром 9 см, помещен стоящий Асклепий. (Рис.2-*1*). Торс его развернут немного влево, один конец плаща перекинут через левое плечо, другой обернут вокруг пояса и ниспадает широкими складками. Трактовка складок плаща очень обобщенная. Правое плечо и часть торса фигуры обнажены, правая рука упирается в бедро. Согнутой в локте левой рукой Асклепий опирается на посох, обвитый змеей. Слева расположен жертвенник, на котором горит священный огонь. Композиция вписана в три рельефные концентрические окружности. Иконография традиционна для статуарных изображений Асклепия и наиболее близка эпидаврскому эллинистическому прототипу [3]. (Рис. 2-*2*). Таким мы его обычно знаем в скульптуре и в репликах, исполненных в других видах прикладного искусства.

На остальном поле тарелки симметрично расположены четыре стоящих Эрота, поддерживающих схематично выполненные растительные гирлянды. (Рис. 3 –*1, 2, 3*). (Одна фигура сохранилась не полностью - край тарелки отбит еще в древности). Интерпретация этой части сюжета не вызывает сомнений. Интересна деталь - между ног Эротов, на уровне ступней, помещены треугольники, заполненные штампованными кружочками. Можно предположить, что это жертвенный огонь, тем более что эти треугольники оттиснуты таким же штампом, что и огонь на жертвеннике Асклепия [4].

Между Эротами, чуть выше гирлянд, стоят еще четыре фигуры, которые в статье Т.Н.Высотской и Г.И.Жестковой, опубликовавших блюдо с группой рельефных краснолаковых сосудов из могильника "Совхоз-10", определены - одна как Афродита Анадиомена, вышедшая на поверхность моря и отжимающая мокрые волосы, другая - как Аполлон-Кифаред, третья не определена вообще [5].

Попробуем еще раз обратиться к сюжету рельефа и взглянуть на него несколько в другом аспекте. К сожалению, качество его исполнения не всегда дает возможность подробно рассмотреть детали.

Начнем с фрагмента, которому нет определения в публикации. (Рис.4-*1)*.

Фигура, стоящая развернувшись чуть вправо, в плаще, перекинутом через плечо, с пальмовой или лавровой ветвью в левой руке, скорее всего, Асклепий. Справа от него, по всей видимости, расположен вотив в виде анатомической модели сердца или легких человека, принесенный в дар божеству в надежде исцеления. (У Т.Н. Высотской это какой-то неопределенный плод).

Следующая, также мужская фигура, в которой можно видеть Аполлона (Аполлон-

Кифаред по Т.Н.Высотской), стоит, развернув торс влево. (Рис.4-*2*). Руки подняты на ширину плеч и согнуты в локтях, мышцы рук выпуклые. Прическа в виде пучка волос, собранного на затылке, характерна для изображений Аполлона на краснофигурных сосудах. (Пучок волос подчеркнут с помощью вдавлений круглой полой палочкой). Присутствие этого божества в сюжете вполне закономерно, т.к. родственные отношения Аполлона с Асклепием были самыми близкими. Как известно, в греческой мифологии Аполлон был отцом Асклепия. Кроме того, одной из многочисленных его эпиклез была и целительная. Оба божества имеют некоторые общие атрибуты, и даже храмы. Однако Аполлон с ипостасью Кифаред, пожалуй, никакого отношения к культу Асклепия не имеет [6].

Третья фигура, которую Высотская Т.Н. считает Афродитой Анадиоменой, по нашему мнению, не женская, а обнаженная мужская фигура, стоящая в рост, развернувшись немного вправо. (Рис.4-*3*). Руки подняты на ширину плеч и согнуты в локтях, как в предыдущем случае, мышцы рук такие же мощные. Овальный предмет, расположенный справа от бедра, возможно, губка или сосуд для оливкового масла - предметы, необходимые для занятий гимнастическими упражнениями и массажа тела.

Поза четвертой фигуры, не сохранившейся полностью (видна только нижняя часть ног), скорее всего, идентична предыдущей.

Можно предположить, что здесь мы видим мужчин, выполняющих какие-то физические упражнения. И, судя по положению рук, эти упражнения производились с гирями в руках. Как известно, в системе греческого врачевания простые и естественные средства лечения играли огромную роль. Особенно это относится к храмовой медицине. Об этом писал Жебелев С.А., опираясь на свидетельства письменных источников и в частности на свидетельства Павсания. Уже в эллинистическое время Асклепиеоны, расположенные при храмах, стали прекрасными лечебными учреждениями, где были гимнасии, палестры, стадионы и другие сооружения, позволявшие пациентам укреплять свое здоровье такими доступными средствами. Гимнастические и более простые физические упражнения, массаж рекомендовались врачами "от усиленных занятий и сидячего образа жизни" [7].

Что касается образа Афродиты Анадиомены, то, рассматривая, как правило, очень сложные родственные и прочие связи древнегреческих богов, мы не находим никаких сведений о каком-либо отношении Афродиты Анадиомены к культу Асклепия. Единственное, что можно отметить, это лишь тот факт, что ее изображение, созданнное великим греческим художником Апеллесом (жил в IV в. до н.э. и был придворным художником Александра Македонского), находилось в храме Асклепия на острове Кос, известном своим знаменитым святилищем этого бога. Это было лучшее произведение Апеллеса и, скорее всего, именно поэтому оно было помещено в наиболее почитаемый храм острова. Однако сомнительно, что это может быть как-то непосредственно связано с культом Асклепия.

Небольшие выпуклые овалы, симметрично расположенные чуть ниже розетт, остаются пока не поддающимися объяснению. Возможно, изображения не пропечатались из-за несовершенства штампа.

Культ Асклепия был широко распространен во всем греческом мире. Свидетельств тому, что в Херсонесе культ этого божества, как частный, так и официальный, отправлялся жителями города уже с эллинистического времени и почти вплоть до раннего средневековья, достаточно много. Это статуарные изображения бога в мраморе и бронзе, на керамических сосудах, монетах, геммах, вотивные предметы, служившие приношениями в храм Асклепия больными, каменные яйца, граффити, теофорные имена [8].

В эллинистическом Херсонесе культ Асклепия носил частный характер и широкое распространение получил уже в первых веках нашей эры с приходом в город римских легионеров, среди которых было много выходцев из Фракии и Мезии, где Асклепий был особенно почитаем [9].

Не вызывает сомнений и то, что в Херсонесе было святилище и храм, посвященные Асклепию. Этот факт убедительно доказывают находки лапидарных эпиграфических памятников: проксении I в.н.э. (случайная находка. 1877 г.), двух вотивных надписей, посвященных Асклепию и Гигиее, найденных в 1971 году в районе античного театра, в римском слое конца II - начала III в.н.э. (раскопки О.И.Домбровского) [10]. По мнению Э.И.Соломоник, храм находился, вероятно, в районе южной оборонительной стены, недалеко от античного театра [11]. В 2001 году, в квартале Х-б северного района Херсонеса (раскопки С.Г.Рыжова), найден фрагмент еще одного декрета, в тексте которого указано место, где он должен быть установлен – святилище Асклепия.

И.А.Макаров, опубликовавший декрет, датирует его первой половиной I в.н.э. [12]. Таким образом, эти находки позволяют говорить о том, что уже с конца I – начала II вв.н.э. культ Асклепия в Херсонесе становится официальным [13].

В заключение хочется отметить, что блюдо из могильника «Совхоз-10» с его многофигурной рельефной композицией, посвященной культу Асклепия, безусловно, выделяется среди всей краснолаковой керамики не только Херсонеса, но и Северного Причерноморья. Прямых аналогий ему пока не известно. Сюжет рельефа оригинален и выбран явно не случайно: уже изначально сосуд не был предназначен для бытовых целей, а использовался как атрибут ритуального действия. Кроме того, заполнение сплошным выпуклым рельефом внутренней, рабочей части блюда, очень низкое качество лакового покрытия (лак жидкий, нестойкий, нанесен очень тонким слоем, сильно потерт) вызывают сомнение, что такой сосуд можно было использовать в быту.

Эроты с гирляндами - мотивы, широко распространенные в малоазийской погребальной архитектуре. (Рис.4-*4)*. Аналогии им хорошо известны на херсонесских стенках саркофагов из раскопок базилики 1935 года. (Рис.3-*4*). Эрос относился к одному из космогонических начал и был связан с царством мертвых. Выпуклые розетты, расположенные между фигурами, по-видимому, служили апотропеями. Подобные атрибуты часто можно видеть на надгробиях именно в этом качестве. Да и само присутствие в композиции Асклепия и Аполлона, культ которых имел неоднозначное толкование, в том числе и хтоническое, еще раз подтверждает невозможность утилитарного использования этого сосуда. Безусловно, блюдо имело назначение, связанное с отправлением погребального обряда. В могильнике "Совхоз-10", как и в других крымских некрополях римского времени, есть и другие многочисленные примеры использования в погребальном ритуале предметов, изготовленных специально для этих целей, и служивших обязательными атрибутами древнего погребального обряда. Все это является еще одним свидетельством того, что в первых веках нашей эры в римских провинциях существовали мастерские по производству специальной продукции ритуального назначения, в том числе и погребального инвентаря [14].

В той же могиле № 40 в числе сопровождающего покойного погребального материала находилось блюдо овальной формы с рельефным изображением Геракла, укрощающего керинейскую лань. (Рис.5). Наряду с хтоническим характером, культ Геракла имел и другие черты. Так, по мнению Э.И.Соломоник, Геракл с эпиклесой Сотер, дает возможность сблизить его с богами-целителями, в том числе и с Асклепием. Кроме того, Геракл считался покровителем гимнасий, атлетов и спортивных состязаний [15].

Предложенная интерпретация сюжета композиции блюда из могильника «Совхоз-10» не может претендовать на окончательный и единственный вариант. Это всего лишь еще одна версия, безусловно, имеющая много спорных моментов, а потому открывающая путь для новых умозаключений.

Примечания

1. *Лепер Р.Х.* Раскопки херсонесского некрополя в 1912 году. НА НЗХТ. Д. № 105-106. Л. 43. Инв. № 2524/12; *Силантьева Л.Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА 1958. № 85. М.-Л. С. 302, рис.16; *Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса (Раскопки 1955-1958 гг.) // МИА 1961. № 98. М. Табл. XXXIX (10); *Борисова В.В.* Раскопки в цитадели в 1958-1959 гг. // Сообщения Херсонесского музея, III. Симферополь, 1963. С.52, рис.5-а; *Раевский Д.С.* Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник Государственного Исторического музея, 1965-1966. М., 1970. С.96, табл.II(2); *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.* Отчет об археологических исследованиях в северо-восточном районе Херсонеса в 1994 году // НА НЗХТ. Д. № 3219 (I). Л.75. Рис. 19 (63).
2. *Наливкина М.А.* Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла // МИА 1958. № 85. М.-Л. С. 312-316.
3. *Reinach S.* Répertoire de la statuaire Grecque et Romaine. Tome II, Vol. I. Paris, 1930. S. 31(3).
4. Д.С.Раевский, вслед за В.А.Городцовым, считает такие треугольники схематичными изображениями храмов (См.: *Раевский Д.С.* Комплекс краснолаковой керамики… С. 94).
5. *Высотская Т.Н., Жесткова Г.И.* Рельефная краснолаковая керамика из могильника «Совхоз-10» // Херсонесский сборник, вып.Х, Севастополь, 1999. С.33-34.
6. Можно было бы предположить, что это изображение дочери Асклепия Гигиеи, которое нередко сопутствует Асклепию. Однако смущает поза, совершенно не соответствующая не только позе женской фигуры, но и традиционным изображениям Гигиеи.
7. *Жебелев С.А.* Религиозное врачевание в древней Греции // ЗРАО. Т. VI. Вып. 3-4, новая серия. СПб., 1893. С.415, 425; *Блаватская Т.В.* Из

истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 94.

8. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1986. С.401; *Соломоник Э.И.* Древние надписи Крыма. К., 1988, С. 57-60; *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III вв.н.э.). Харьков, 1996, С. 131, 135, 159-160.

9. *Златковская Т.Д.* Мезия в I и II веках нашей эры. М., 1951. С. 131; *Голенко К.В., Щеглов А.Н.* О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом // Dacia. 1965. Vol. 9. S. 373; *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979. С. 17; *Сон Н.А.* Греческие культы Тиры первых веков н.э. // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К., 1980. С. 134; *Карышковский П.О.* Посвятительная надпись врачей из Тиры // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К., 1987. С. 55; *Межерицкая С.И.* Культ Асклепия и психология античного общества II в.н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб. 2004. С. 376, 378; *Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н.. Рыжова Л.А., Жесткова Г.И.* Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз-10» // Stratum plus / 2003-2004. № 4. С. 105.

10. IOSPE. I^2, № 376; *Solomonik E.I.* Neues zum Asklepiuskult in Chersonessos. Klio. 1975, S.433. Abb.1, 2; *Соломоник Э.И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. № 48.С. 53.

11. *Solomonik E.I.* Neues zum Asklepiuskult… S. 435.

12. *Макаров И.А.* Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2006. №4. С.83-85.

13. *Мещеряков В.Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического в I-IV вв.н.э. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 1980.С. 9; *Щербакова В.С.* Античные печати Херсонеса как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 1986.С. 12.

14. *Мещеряков В.Ф.* Религия и культы Херсонеса… С. 13; *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Погребально-поминальная обрядность как религиоведческий источник (по материалам археологических раскопок некрополей малых городов европейского Боспора) // Труды Государственного музея истории и религии. Вып.4. СПб, 2004. С. 242, 243.

15. *Соломоник Э.И.* Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984. С.15,16.



Рис. 1. Краснолаковое блюдо с рельефной композицией, посвященной Асклепию.

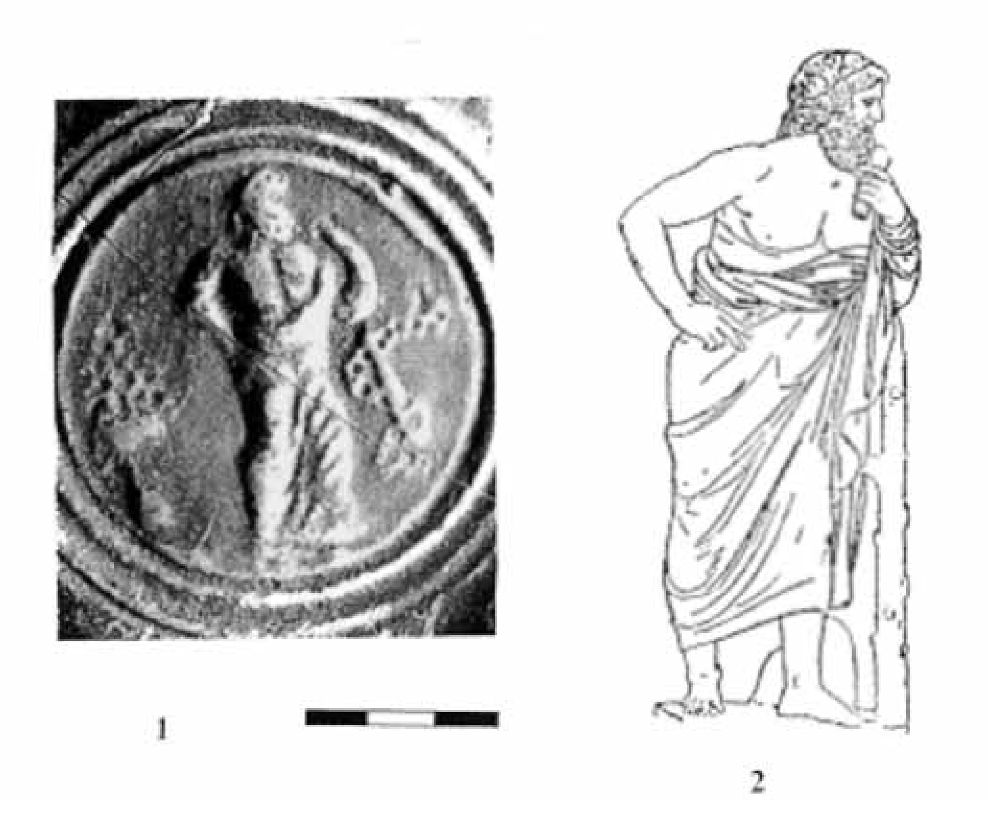


Рис. 2.

1– изображение Асклепия в центральной части блюда;
2 – статуя Асклепия из Эпидавра.

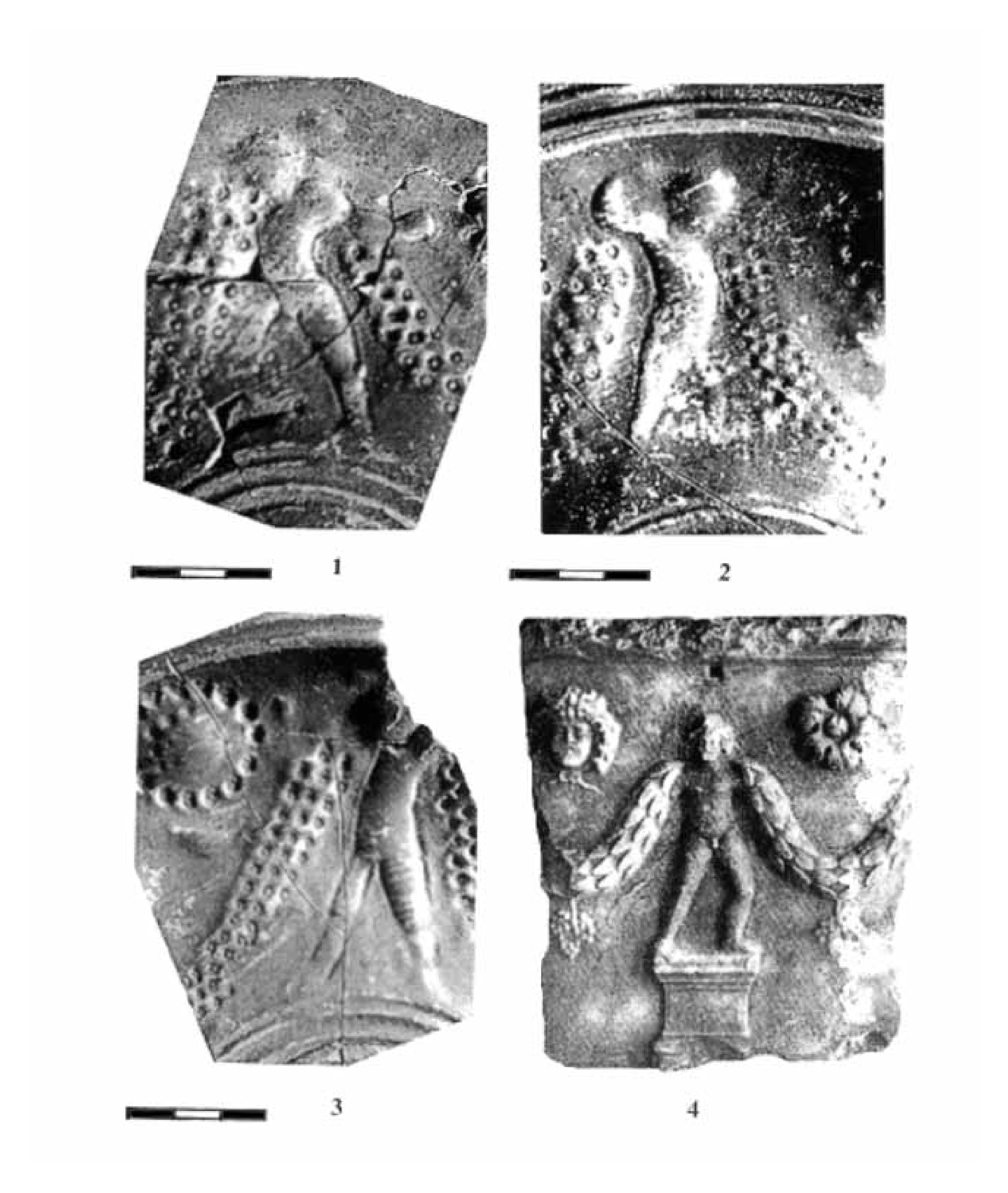


Рис. 3.

1, 2, 3 – Эроты, поддерживающие гирлянды (фрагменты рельефа краснолакового блюда);
4 – фрагмент мраморного саркофага из раскопок Базилики 1935 г.

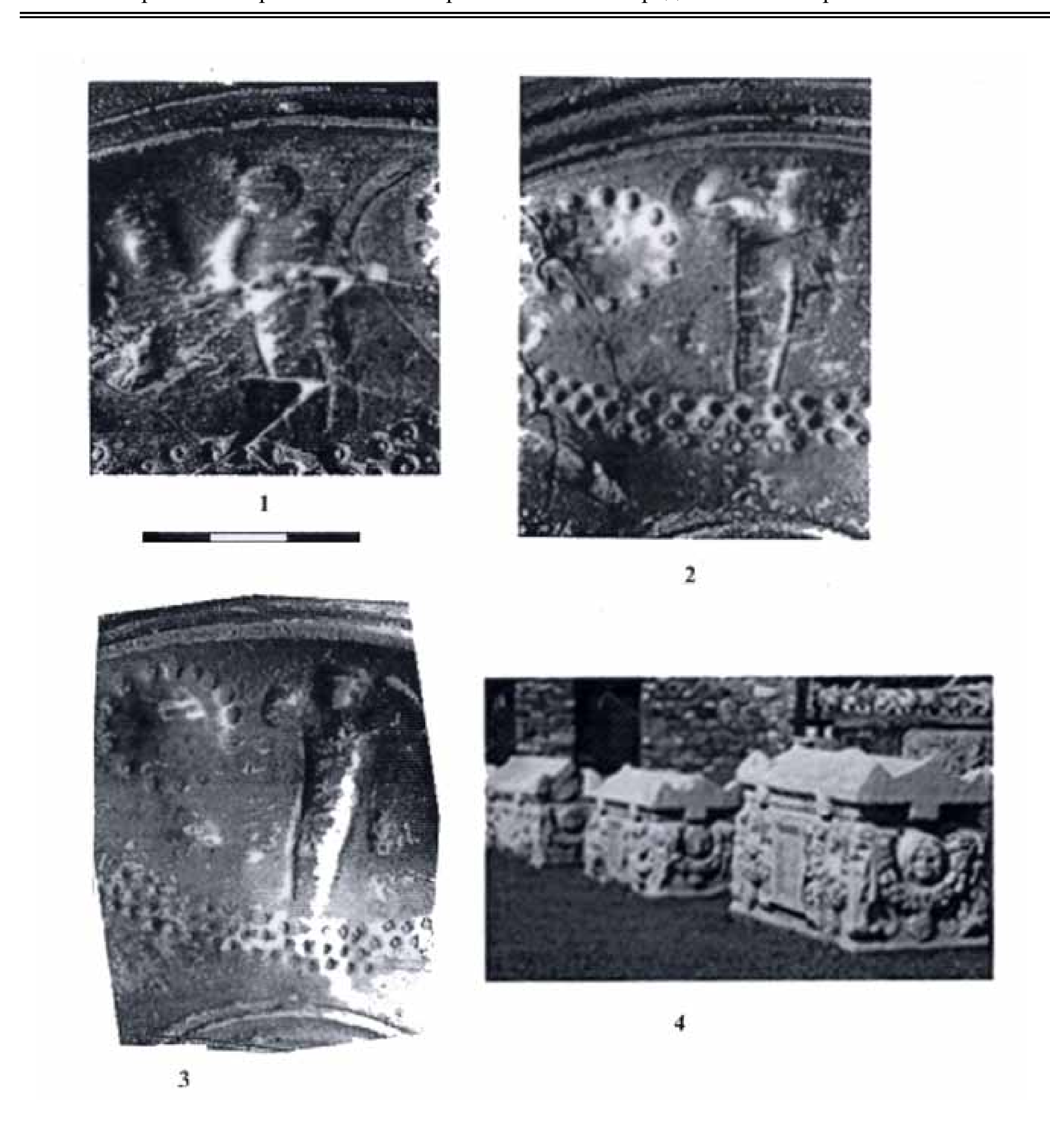


Рис. 4.

1, 2, 3 – детали композиции краснолакового блюда из могильника «Совхоз-10»;
4 – саркофаги из Афродисия.

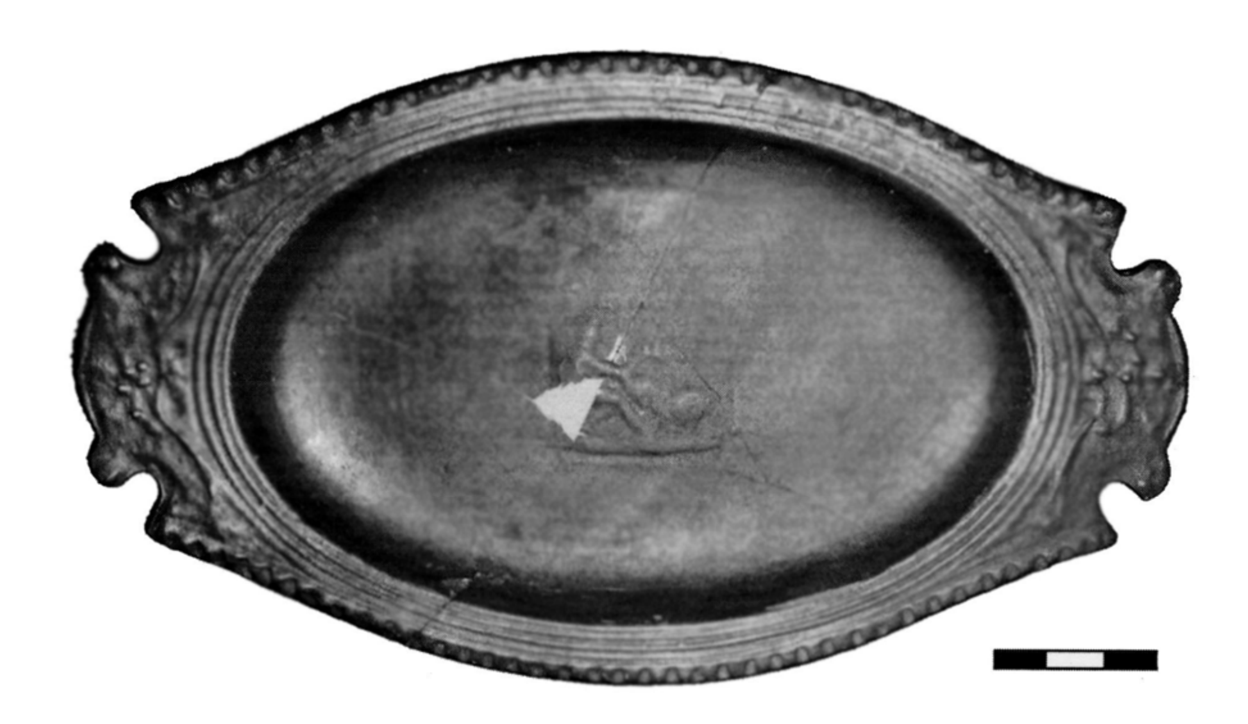


Рис. 5.

Краснолаковое блюдо с изображением Геракла (Могильник «Совхоз-10», подбойная могила №40)

Е.Н. Жеребцов

АНТИЧНЫЕ ЛАПИДАРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ РАСКОПОК «БАЗИЛИКИ 1935 ГОДА»

В культурном слое херсонесского квартала XIX представлены все основные разделы стратиграфии города с IV в. до н.э. до конца его существования. В первой половине IV в. до н.э. здесь, на склонах загородной (в то время) балки находился некрополь, перекрытый на рубеже IV-III вв. до н.э. жилой застройкой. Эллинистические кварталы северного берега Херсонеса составляли последний ряд перед несохранившейся боевой стеной со стороны открытого моря, образующего здесь неглубокий залив с галечным пляжем. Эти приморские кварталы сравнительно невелики, причем рассматриваемый нами XIX-й квартал, будучи в III в. до н.э. весь занят одним жилым домом, был наименьшим. Все кварталы северного берега в плане представляли собой неравнобокие трапеции, общее расположение которых было согласовано с вогнутой береговой линией, близкой к современной [1].

К следующему строительному периоду принадлежит здание с фресками, не раз менявшее свое назначение, будучи попеременно богатым жилым домом, синагогой или еврейской школой, а с IV в. н.э. – христианским храмом. Для приспособления к христианскому культу отнятого у иудеев здания, в его северную стену была встроена пятигранная апсида.

На руинах этой первой, однонефной базилики (далее – **базилика I**) в VI в. возводится трехнефная **базилика II**, разрушенная землетрясением [2].

Вскоре после гибели базилики II внутри ее среднего нефа строится маленькая **базилика III**, сохранившая мраморный пол IV в.[3], при этом боковые нефы базилики II служили кладбищем. Базилика III впоследствии, в свою очередь, позднее, служила каменоломней. Отчетливые следы предшествующих корыстных раскопок отмечены Г.Д. Беловым [4].

Переделанная из синагоги, базилика I не имела внутренних колоннад. Сохранившаяся в слое ее разрушения ранневизантийская капитель с ажурной резьбой листьев аканфа (т.н. феодосианская) и фрагменты еще нескольких капителей, наряду с разбитыми известняковыми колоннами неизвестных ломок, могли принадлежать либо входному притвору, либо атриуму. Возможно, этому же храму принадлежала верхняя часть статуи доброго пастыря IV в. н.э., поврежденная огнем [5].

Комплекс колонн для базилики II был почему-то доставлен в Херсон неполным. В этой связи особенный интерес среди мраморного убранства базилики II представляют многочисленные детали, изготовленные в самом Херсонесе из античных мраморов. Кроме дополнения колоннад, где таких деталей до наших дней сохранилось мало - всего две базы колонн и один пилястровый импост, мраморы II в. н.э. почти полностью послужили материалом для изготовления обрамления входов в нартекс и средний неф, алтаря, оконных столбиков и т.д. Особенно много расчлененных саркофагов проконнеской работы, повернутых вниз рельефами и надписями, пошло на вымостку пола в среднем нефе базилики II [6]. Так как рельефы саркофагов неоднократно издавались, рассматривать их заново мы не будем.

Помимо преобладающих мраморов херсонесского некрополя, при нашем доследовании базилики II в 1954 – 1956 гг., были выявлены мраморы, происходящие из позднеантичного теменоса и других мест Херсонеса. Большая часть этих камней до сих пор не издана, иные, на наш взгляд, не получили верной трактовки. Попробуем это сделать теперь (для описания памятников принят хронологический порядок).

1. Угловой блок известнякового карниза с порезками (рис 1, деталь I). Украшен овами и лесбийским киматием. Нависающая часть стесана при вторичном использовании в качестве скамьи (с правой стороны сохранился профиль астрагала). Раннеэллинистическое время.

2. Часть древнееврейской стелы с врезным изображением семисвечника, пальмовой ветви и рога - символа воскрешения мертвых (рис 3, деталь IX). Средняя ветвь семисвечника несколько выше боковых, прорезанных по концентрическим дугам. Передняя и боковые стороны стелы обработаны начисто, задняя сохранила естественную кору известнякового пласта. Передние углы срезаны фасками под 45^0. Верхняя часть стелы (с надписью?) грубо срублена при вторичном использовании в синагоге, может быть, в качестве сакрального

символа над входом в молитвенный зал. Надгробия относятся к позднеэллинистическому времени. Не позднее рубежа I в. н.э. Камень был заложен в фундамент апсиды базилики II.

3. Мраморная плита с изображением орлиноголового грифона (рис.1, деталь II). Монстр представлен сидящим в угрожающей позе, с приподнятой левой лапой, приоткрытым клювом и задранным хвостом. Изображения крыльев и гребня орнаментализованы. Плита имеет четырехстороннюю профильную рамку. Между головой и левой лапой грифа имеются следы тщательно забитой надписи.

Рельеф издан в качестве торцовой стенки саркофага [7]. Однако такая трактовка не объясняет небольшие размеры плиты с четырехсторонней рамой, совсем не свойственной торцам детских саркофагов с апотрофическими изображениями грифов [8].

Плита с рельефом спутника Аполлона является вотивом из святилища этого бога. Использована в VI в. н.э. для изготовления пилястрового импоста. Первые века новой эры.

4. Часть известнякового жертвенного стола с изображением клубящейся змеи (рис.1, деталь III). Поверху продольный выруб для оконной рамы (?). Универсальность змеи в качестве спутницы богов не позволяет говорить о культовой принадлежности алтаря. Первые века новой эры.

5. База пилона лестницы монументального мраморного алтаря с жертвенником на возвышенной площадке (рис 2, деталь IV). Одноторусная трехсторонняя база на толстой плинте. Верх срублен при вторичном использовании для вымостки пола базилики II. Первые века новой эры.

6. Известняковый постамент статуи (рис. 2, деталь VI). Параллелограмм без обломов. На верхней поверхности углубление для статуи. Спереди прямоугольный выруб со следами розовой цемянки, как видно, для мраморной доски с надписью. Заложен в первый ряд лицевой кладки апсиды базилики II. Первые века новой эры.

7. Мраморный постамент статуи (рис. 2, деталь V). Плита толщиною всего 100 мм с тонким плинтом и двойным ремешком понизу. На поверхности крупное углубление для правой ноги статуи. Использовалась для вымостки пола базилики VI в.н.э. Найдена на берегу моря в двух метрах от северной стены базилики II.

8. Плита с углублением для левой ноги небольшой статуи. Толщина 90 мм. В VI в.н.э. использована как основание алтарного возвышения (солеи), будучи перевернута и снабжена простейшим профилем и вырубами для алтарной преграды (рис. 2, деталь VII).

9. Плита с текстом декрета г. Тия в честь херсонессца… сына Папия [9]. Использована в VI в. н.э. для изготовления базы колонны (рис. 3, деталь VIII). Мрамор.

Таким образом, ко времени строительства базилики II VI в. н.э., памятники античного общественно-религиозного центра Херсонеса оставались еще не полностью разобранными.

Примечания

1. *Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф.* Кварталы XV-XVI // МИА. № 34. 1953. С. 78.
2. *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Севастополь, 1938. С. 92-93.
3. Благодаря вековым религиозным традициям населения храмовые развалины Херсона использовались только для нового церковного строительства и никогда не служили свалками. Поэтому археологи после удаления верхнего слоя разрушения сразу оказывались на дневной поверхности ранневизантийского времени.
4. *Белов Г.Д.* Указ. соч. С. 90-91.
5. *Колесникова Л.Г.* Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 58-60.
6. *Белов Г.Д.* Указ. соч. С. 114-117. Каталог № № 455, 468, 430, 180, 181, 183, 185, 469, 465, 474, 196, 454.
7. *Иванова А.П., Чубова А.П., Колесникова Л.Г.* Античная скульптура Херсонеса. Каталог. Киев, 1976. С. 158. Кат. № 501, иллюстрация 159.
8. Античная скульптура из собрания государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва, 1987. С. 149, фиг. 93.
9. *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 36-41.

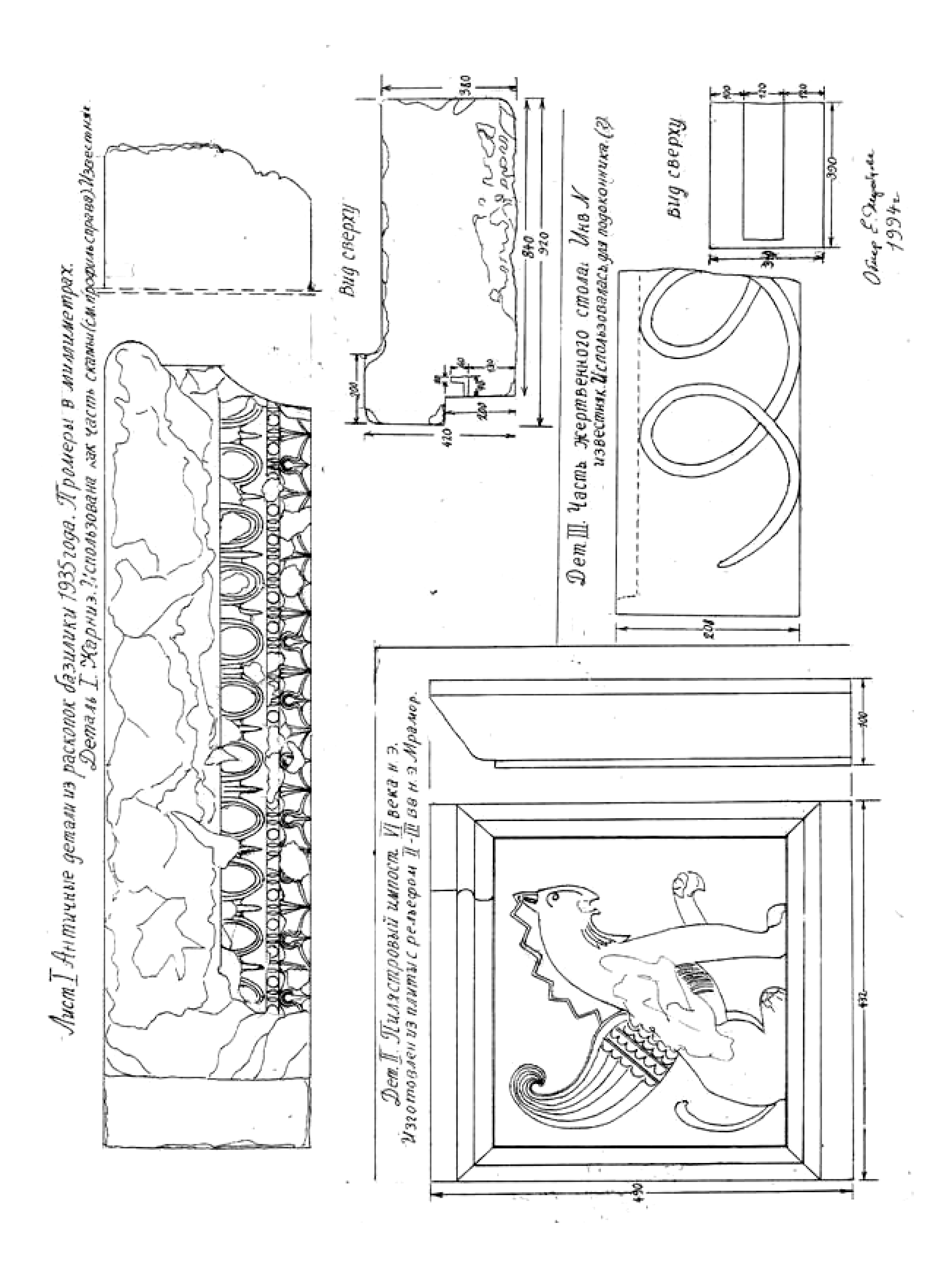


Рис. 1. Античные детали из раскопок «Базилики 1935 года».
Промеры в миллиметрах.

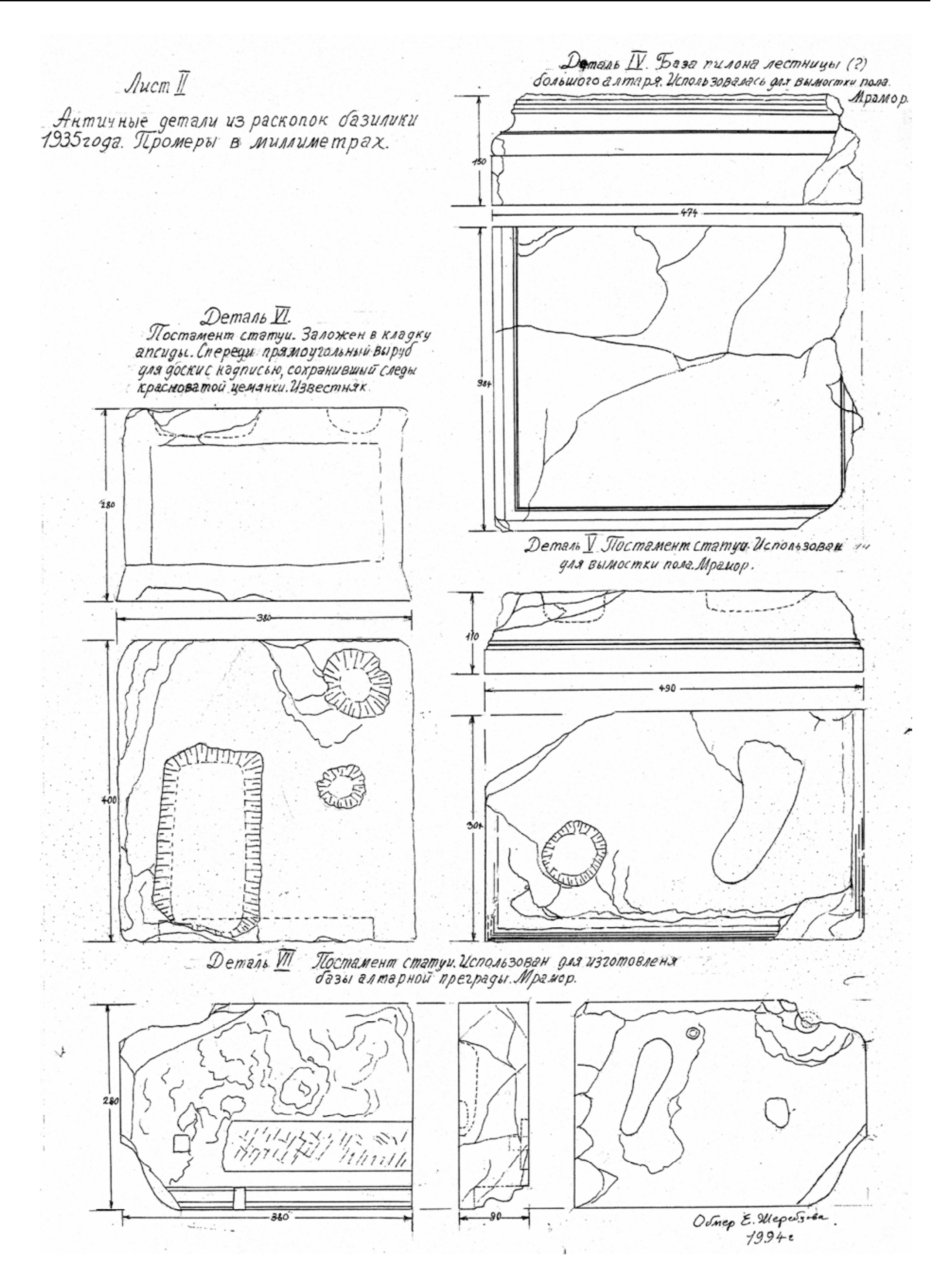


Рис. 2. Античные детали из раскопок «Базилики 1935 года». Промеры в миллиметрах.

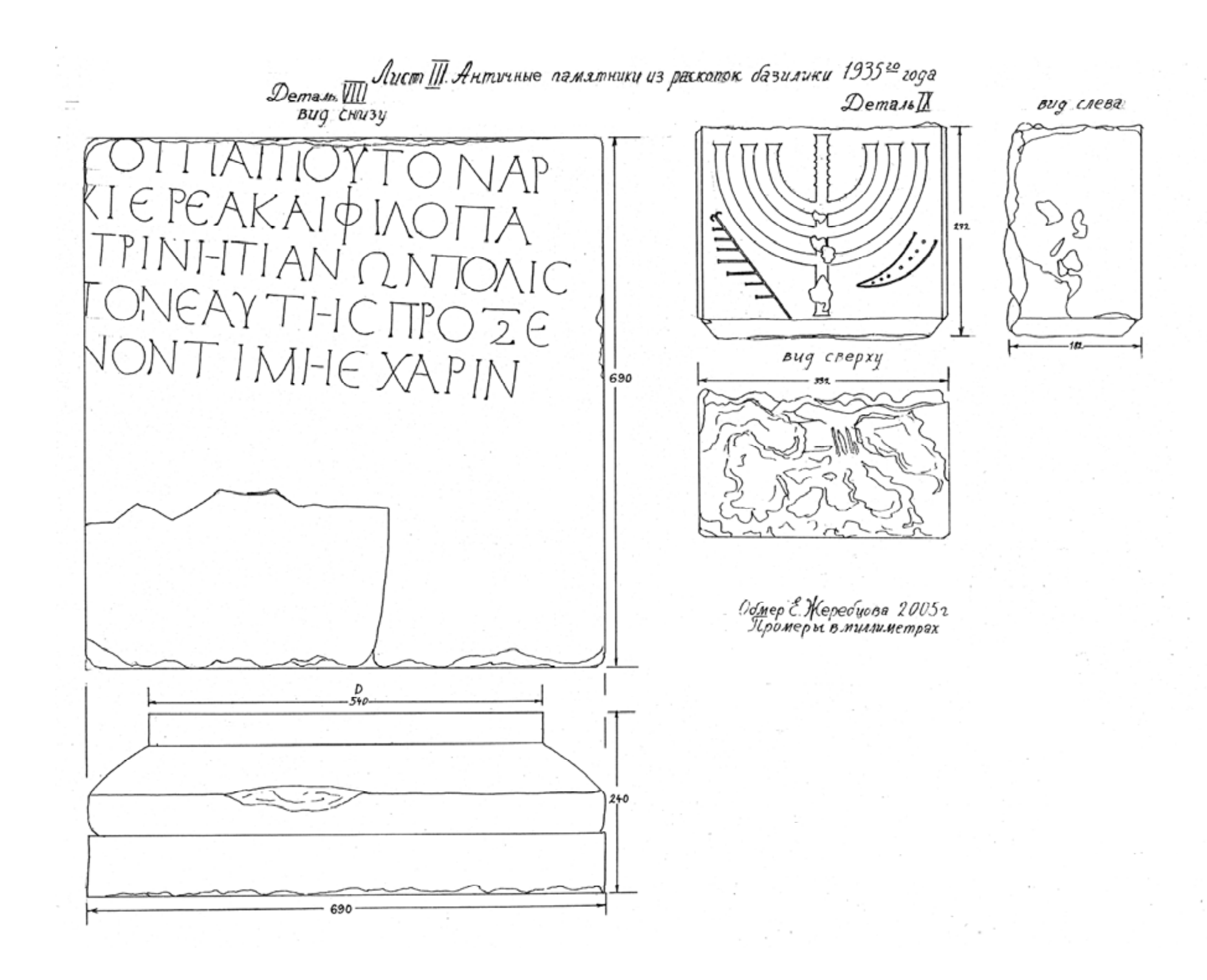


Рис. 3. Античные детали из раскопок «Базилики 1935 года».
Промеры в миллиметрах.

Е.В. Струкова, С.В. Ушаков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЙКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Крым предоставляет для археолога и историка богатейший материал для исследования почти любого периода истории человечества. Здесь присутствуют, например, памятники первобытной культуры и античного времени (причем как греческо-римской, так и варварских культур этого периода). И, наконец, можно назвать многочисленные памятники средневековья, среди которых видное место занимают «пещерные города» и укрепленные поселения Горного Крыма.

Эти памятники средневекового периода крымской истории уже достаточно давно привлекли к себе внимание исследователей. Среди них такие широко известные как Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Шулдан, Кыз-Кермен и т.д. Они в определенной степени изучены, исследование их постоянно продолжается, существуют многочисленные научные и научно-популярные публикации, посвященные этим памятникам.

Среди массы этих объектов теряются как менее масштабные, так и менее доступные для исследователей и любителей истории. Одним из таких малодоступных средневековых укрепленных поселений является Бойкинский комплекс, который до недавнего времени практически не был известен туристам и мало привлекал внимание ученых (рис. 1, 2). И это несмотря на то, что Бойка является ***самым большим средневековым укрепленным центром*** в Крыму. Площадь, защищенная его стенами, составляет 225 квадратных километров [1].

Целью данной заметки является привлечение внимания к проблемам исследования столь малоизученных бойкинских поселений и современного плачевного состояния памятника.

Бойка представляет собой горный массив площадью около 1200 га, наибольшая высота которого достигает 1172 м над уровнем моря (рис. 3). Как отмечали современные исследователи крымского средневековья О.И. Домбровский и В.Л. Мыц, Бойкинский массив отделен от Главной гряды Крымских гор ущельем Аузун-Узеня, а на юго-востоке соединяется с Ай-Петринской яйлой узким хребтом. Он состоит из пяти скалистых высот: Курушлюк, Богатырь, Сотира, Караул-Кая (Сторожевая скала) и Кош-Кая (Соколиная скала). Высоты их обращены обрывами во внешние стороны массива, а пологими склонами образуют наклоненную центральную котловину, имеющую сток к верховьям Большого каньона [2] (рис. 4, 5). Подняться на Бойку можно по тропинке от с. Богатырь. Это не очень простое дело: подъем по склону горы занимает около часа времени в хорошем походном темпе.

История изучения средневековых памятников Бойки небогата упоминаниями в научной литературе, а исследователей, посвятивших им свое внимание, насчитывается всего несколько человек. И это притом, что о существовании бойкинских поселений было известно уже, по крайней мере, из описания В.Х. Кондараки [3]. Первая попытка археологически исследовать Бойку была предпринята Н.И. Репниковым в период работ его экспедиции 1928-1929 гг. на Эски-Кермене. Однако в связи с труднодоступностью массива, эта попытка закончилась неудачно [4].

Следующая экспедиция, целью которой стали археологические разведки средневековых памятников Горного Крыма, была предпринята лишь через 27 лет в 1955-1956 гг. Руководителем этой экспедиции был известный исследователь древностей Крыма О.И. Домбровский. Разведки осуществлялись силами отряда отдела античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР и членов кружков археологического и геодезического клуба ОДЭТС. Последние сохранили очень теплые воспоминания и об экспедиции и ее руководителе. Именно благодаря этим исследованиям (которые, к сожалению, далее разведок не продвинулись) мы располагаем хотя бы минимальными сведениями о бойкинском массиве, как о колоссальном (по крымским масштабам) церковно-феодальном и культурном комплексе IX-XV вв. [5].

В процессе исследований 1955-56 гг. экспедицией О.И. Домбровского были обнаружены средневековые дороги, массивные стены, перегораживающие их между вершинами, следы укреплений и остатки двух небольших крепостей, углеобжигательные ямы разного времени, остатки кузнечно-литейной мастерской. Главная, пожалуй, достопримечательность Бойки – остатки достаточно большого (27х18

м) базиликального в плане храма (рис. 5 А). Название храма (Спаса), по мнению В.Х. Кондараки, можно связать с названием близлежащей г. Сотиры [6]. Этот храм расположен почти в центре Бойкинского массива – в нижней части седловины на Махульдурском перевале. Стены храма были сложены из твердого и прочного местного конгломерата и достигали толщины 86 см. Перекрытие было устроено сводчатое из легкого известнякового туфа. О.И. Домбровский предполагал, что под полом храма имелись усыпальницы. При расчистках храма были обнаружены два резных известняковых надгробия и камень с изображением вписанного в круг креста [7].

По скоплениям керамики на Бойке было определено, что там располагалось, как минимум, шесть поселений [8]. Эта керамика, найденная в ходе работы экспедиции О.И. Домбровского, хронологически распределяется на две группы: IX-X вв. (самая ранняя) и XIII-XV (более поздняя). В соответствии с этой датировкой, О.И. Домбровский определил временные рамки существования Бойкинских поселений как IX-XV вв. Но это лишь предварительные данные – планомерные систематические раскопки ни поселений, ни храма, ни других объектов так никогда и не проводились.

Новые археологические разведки на Бойке произвел в 1977-1980 гг. В.Л. Мыц, что позволило получить дополнительные сведения об оборонительных сооружениях Бойки: со стороны Коккозской долины были открыты два участка стен длиной 120 м [9]. Так же были исследованы укрепления на горе Курушлюк: Курушлюк I, Курушлюк II и Курушлюк III [там же] (рис. 5). В 1991 г. вышла в свет его книга «Укрепления Таврики X-XV вв.», в которой автором было отмечено, что Бойка представляла собой укрепленный церковно-феодальный комплекс – явление оригинальное среди крепостей Южной Таврики X-XV вв. и «Большую ясность в трактовку этого памятника могут внести только дальнейшие раскопки на Бойке…» [10].

В настоящее время вокруг Бойки вьется огромное количество самых невероятных и нелепых слухов. Например, о том, что экспедиция А. Барченко 1927 г., которая якобы «нашла» в Крыму «пещеры времени», обнаружила там также и кельтский могильник, что на Бойке зарыто невероятное количество кладов и т.д. Интернет пестрит подобными заявлениями «исследователей» крымской истории. А гиды в туристических автобусах сообщают, что во время войны немцы искали на Бойке «священный Грааль» «и ведь неспроста...». Распространение подобной «информации» сильно вредит памятникам всего горного массива.

Летом нынешнего года участники археологической экспедиции КФ ИА НАНУ, НЗХТ и ЧФ МГУ (С.В. Ушаков, Е.В. Струкова и В.В. Дорошко) с целью осмотра современного состояния памятника еще раз в этом убедились, когда поднялись на Бойку и увидели все своими глазами.

Так, площадь вокруг храма в настоящее время выглядит следующим образом: все изрыто грабительскими ямами (рис. 7), лежат груды камней (рис. 7), разбросаны фрагменты арок, крыши (рис. 8) и фрагменты шлифованного конгломерата (предположительно, плиты пола). Пока еще видны остатки стен (рис. 9), фиксируется центральная апсида: дело в том, что повсеместно встречаются следы грабительских раскопов и шурфовок. Стоит обратить внимание и на то, что стены храма грабителям тоже не препятствие, и сломать такую стену ради сомнительного любопытства и выгоды для них дело обыкновенное (рис. 10). Следует заметить, что в связи с увеличением популярности Бойки среди туристов и грабителей, количество таких раскопов в течение 2-х последних лет (2006-2007 гг.) заметно увеличилось. По словам очевидцев, с июля 2007 года (т.е. времени, когда были сделаны фотографии) до настоящего времени количество их возросло в несколько раз! В одном из таких «раскопов» недалеко от храма нам удалось рассмотреть остатки слоя горения, где были видны фрагменты керамики (рис. 11). Эти фрагменты пришлось забрать, а после их обработки выяснилось, что они принадлежат двум тонкостенным горшкам, довольно сходных между собой по технике производства (рис. 12). Они изготовлены, по всей видимости, из местной (не особенно качественной) глины с редкими вкраплениями мелких камешков. Точное время бытования данной керамики мы определить пока затрудняемся. Она напоминает столовую средневековую посуду, характерную для южнокрымского региона [11]. Возможно, она имеет отношение к татарскому поселению более позднего времени, чем сам храм, однако, нахождение ее в слое горения может дать полезную информацию при дальнейших исследованиях памятника.

Среди археологических объектов на Бойке, сохранившихся до наших дней, можно также упомянуть средневековые дороги (рис. 13) и стены (рис. 14). А также, остатки каменных кладок на площади около храма.

Перед будущими исследователями Бойки по-прежнему стоят следующие задачи:

Во-первых, более точное определение времени существования этого значительного и уникального культурного центра средневекового Крыма.

Во-вторых, определение этнокультурной принадлежности населения средневековой Бойки (тем более что какие-либо могильники в этом районе нам до сих пор неизвестны) [12].

В-третьих, изучение системы его взаимоотношений с княжеством Феодоро (либо степень зависимости от него).

Ну а для начала необходимо провести топогеодезическую съемку всего массива.

Восхитительная природа и красоты местности притягивают сюда все больше людей. В том числе и не совсем психически нормальных, которые из «благих» побуждений способны разрушить все на своем пути. Стало известно, что в настоящее время существует некий проект, называемый «…путники…совершенства…», в рамках которого планируется акция «ферма». Эта акция включает покупку земли для строительства некоей «фермы» с целью регулярного посещения храма, строительство часовни у подножия массива и восстановление (!) собственно храма на вершине. Цитата с сайта: «В наши планы наряду со строительством фермы мы добавили восстановление этого храма... Так как храм расположен высоко в горах и сейчас к нему не ведут благоустроенные дороги, по которым можно доставлять стройматериалы, решили начать со строительства часовни у подножия горы» [13].

Конечно, подобные проблемы касаются всего Крыма, а не только Бойкинских поселений. Но особенность Бойки состоит в том, что мы обладаем весьма скромными сведениями о столь значительном средневековом комплексе. Если их обобщить, то нам известно лишь следующее: Бойка – это ряд поселений («замкнутый удел» по О.И. Домбровскому), объединенных вокруг большого храма и обнесенные массивными стенами [14]; или, по В.Л. Мыцу – укрепленный церковно-феодальный комплекс [15], который существовал с X по XV вв. Если в ближайшее время не будут предприняты охранные научные исследования Бойкинского массива или, как минимум, срочные меры по защите и охране его археологических объектов, то вполне вероятно, что с помощью грабителей и деятелей так называемых «ферм» важнейший археологический материал исчезнет, уникальные данные будут безвозвратно потеряны. Все это может катастрофически затруднить исследование как самой Бойки, так и всей Крымской истории периода X-XV вв.

Примечания

1. *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X-XV вв. К., 1991. С. 66.
2. *Домбровский О.И.* Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968. С. 83-84; *Мыц В.Л.* Указ. соч. С. 131.
3. *Кондараки В.Х.* В память столетия Крыма. История и археология Тавриды. М., 1883.
4. *Домбровский О.И.* Средневековые памятники Бойки. С. 85.
5. *Мыц В.Л.* Указ. соч. С. 131.
6. *Домбровский О.И.* Указ. соч. С. 71.
7. Там же. С. 89-91.
8. Там же. С. 94-95.
9. *Мыц В.Л.* Указ. соч. С. 132.
10. Там же. С. 66.
11. *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. К., 1974. Рис. 8, *1,2*.
12. Бойка по своим природным условиям и стратегически значительно лучше подходит на роль «Страны Дори» Прокопия Кесарийского, чем, например, даже Мангуп.
13. http://www.putniki.com/2007/08/14/ferma.
14. *Домбровский О.И.* Указ. соч. С. 96.
15. *Мыц В.Л.* Указ. соч. С. 131.

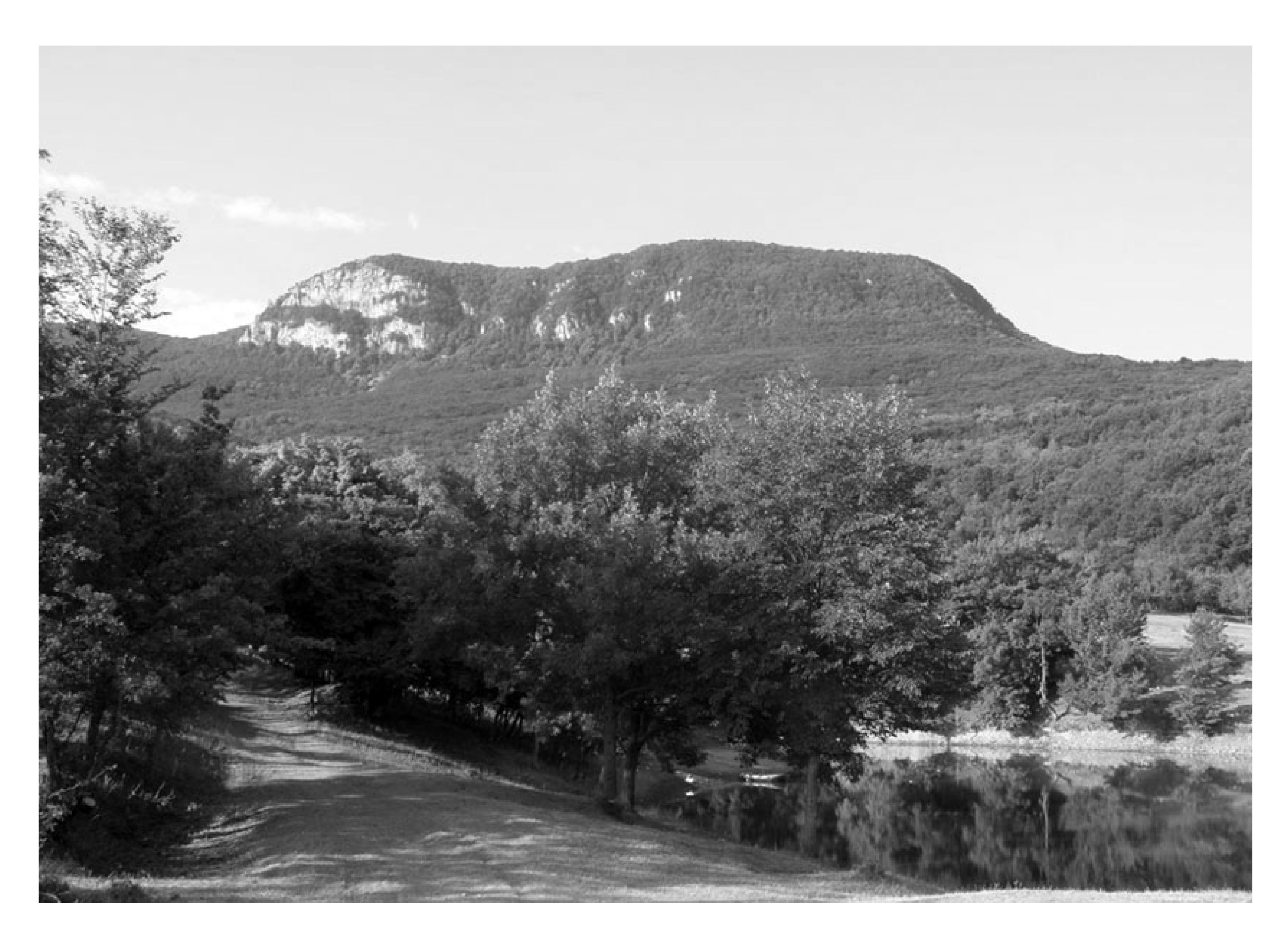
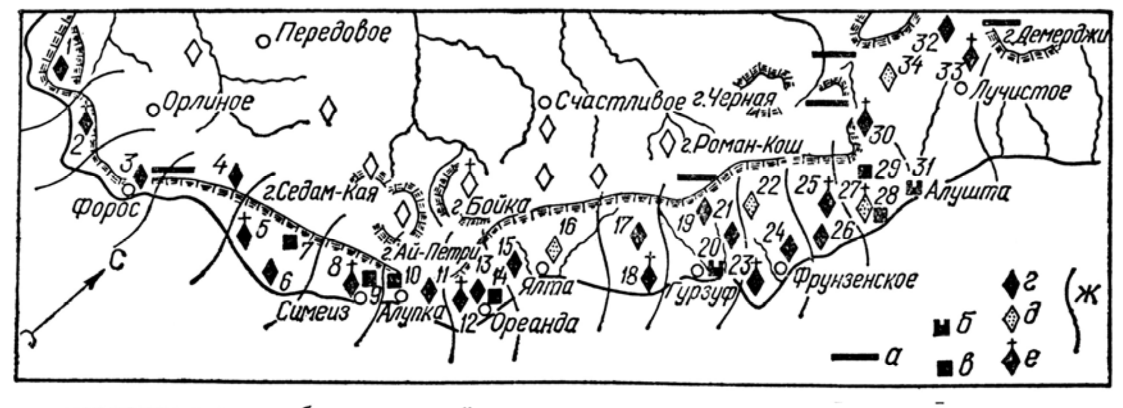


Рис. 1. Горный массив Бойка. Вид со стороны с. Богатырь.



а — «длинные станы»; *б* — византийские крепости; *в* — укрепленные убежища; *г* — феодальные замки; *д* — необследованные укрепления (известные только по литературе); *е* — укрепленные монастыри; *ж* — примерные границы феодального деления территории Южнобережья.

1 — Кокия-Исар; *2* — Ильяс-Кая; *3* — Форос; *4* — Шайтан-Мердвен; *5* — Кастропуло (на ск. Ифигения); *6* — Кучук-Исар (на мысе св. Троицы); *7* — Биюк-Исар; *8* — Панеа; *9* — Кошка (Лимена-Кале); *10* — Биюк-Исар II (Алупкинский исар); *11* — Исар-Кая (Гаспринский исар); *12* — Ай-Тодор (на одноименном мысе); *13* — Хачла-Каясы; *14* — Ургенда (на г. Крестовой в Ореанде); *15* — Учансу-Исар (Зиго-Исар); *16* — Палекур (не сохранилось); *17* — Палекастер (Палеокастрон); *18* — Рускофиль-Кале (на мысе Мартьян); *19* — Исар Безымянный; *20* — Горзувита (Дженевез-Кая); *21* — Гелин-Кая; *22* — Дегерменкойский исар (не найден); *23* — Аю-Даг (Биюк-Кастель); *24* — Калепот; *25* — Ай-Тодор II (над поселком Малый Маяк); *26* — Кучук-Ламбат (на мысе Плака); *27* — Ай-Прокул (не найден); *28* — Кастель; *29* — Сераус; *30* — Ай-Йори; *31* — Алустон; *32* — Пахкал-Кая; *33* — Фуна; *34* — Исар Безымянный II (не найден).

Рис. 2. Схема средневековых укреплений Южного берега Крыма (по О.И. Домбровскому, 1974).

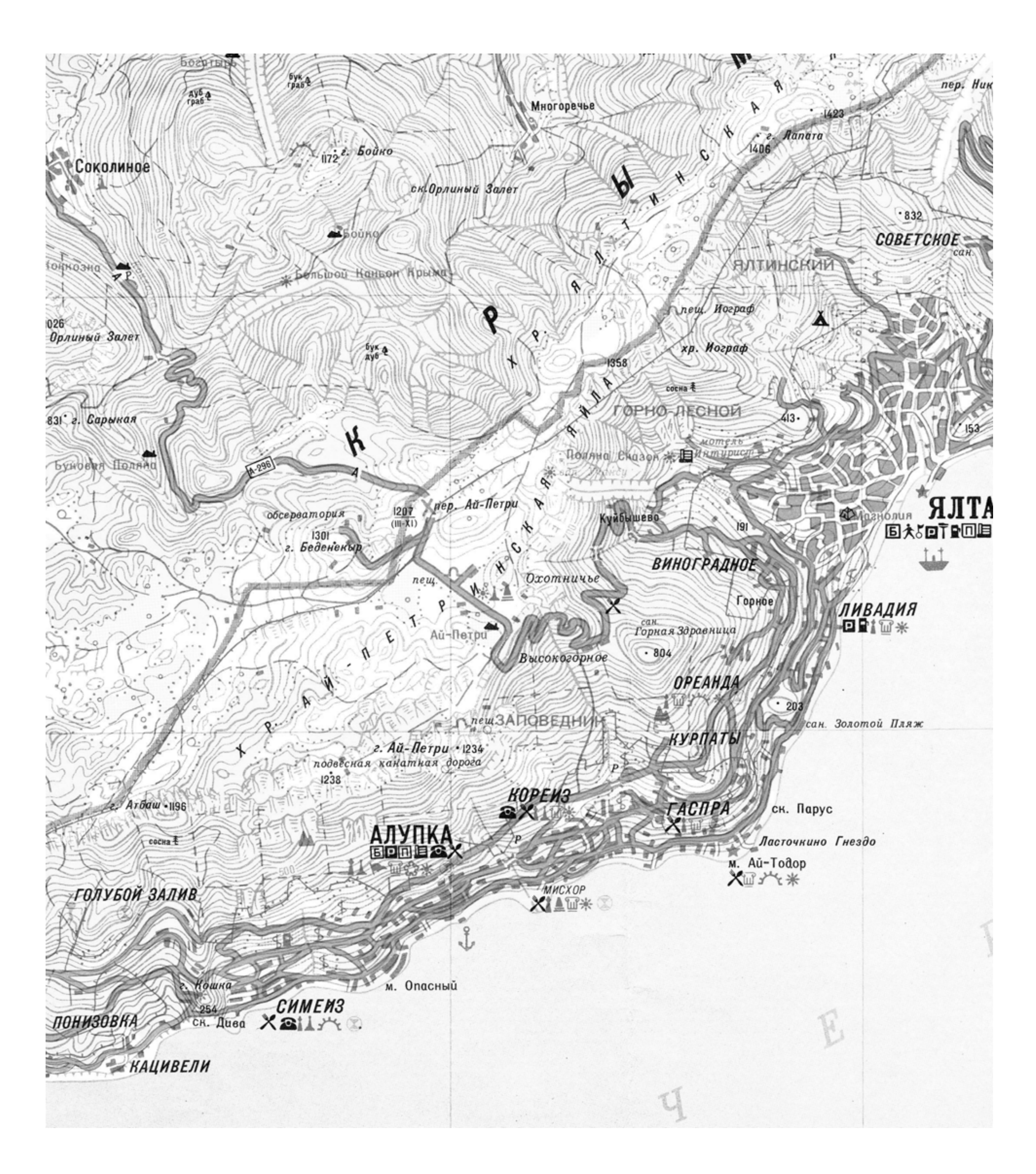
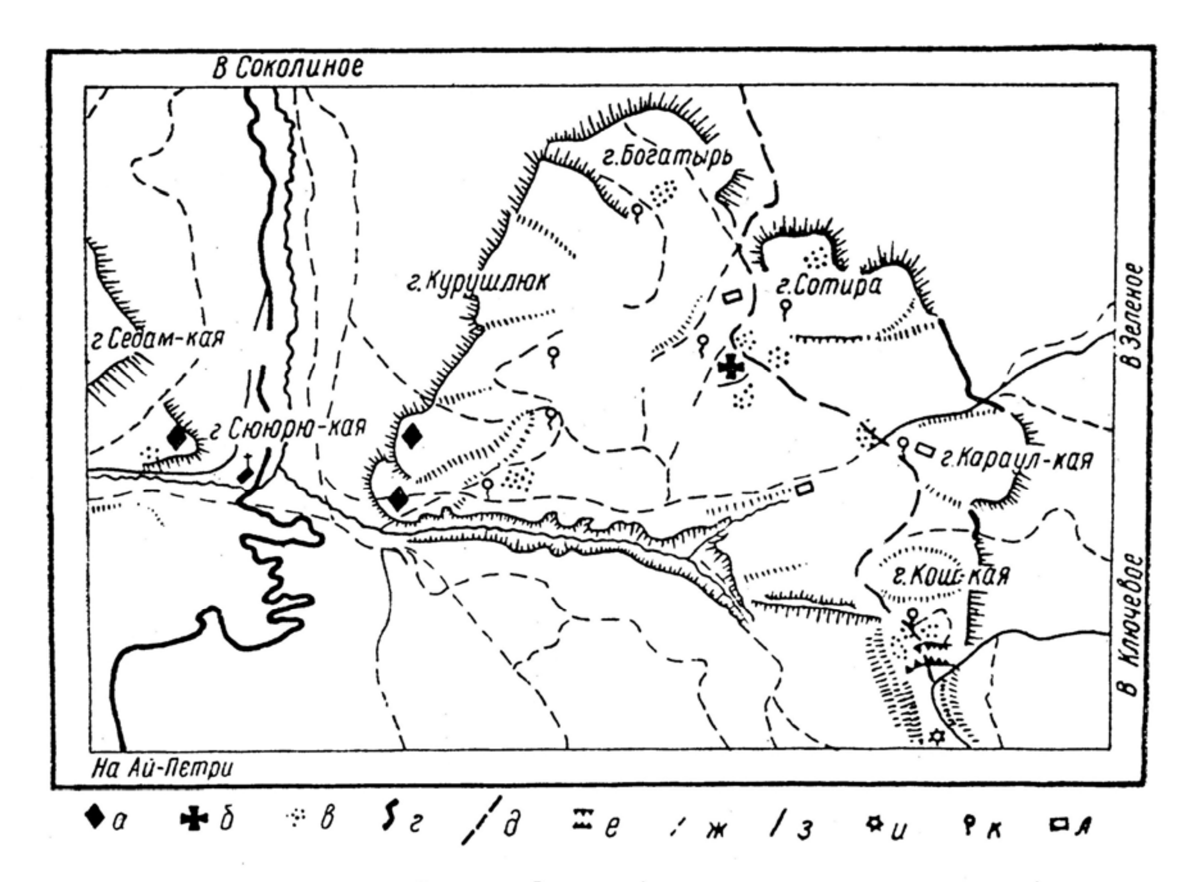
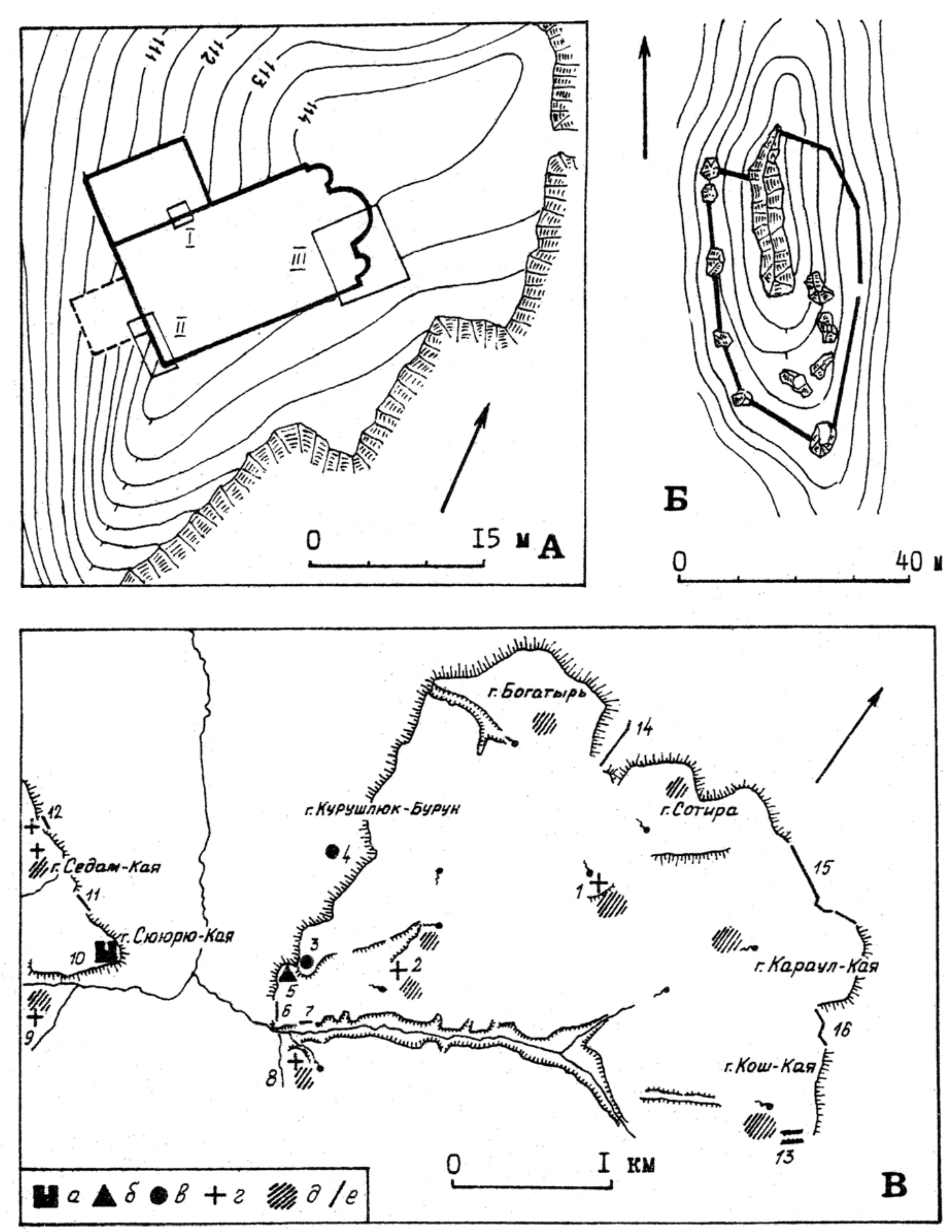


Рис. 3. Бойка на географической карте Южного Крыма.



а) дозорные укрепления, *б*) храм Спаса, *в*) средневековые поселения, *г*) заградительные стены, *д*) средневековая дорога, *е*) ров, *ж*) современные тропы, *з*) современные дороги, *и*) курган, *к*) родники, *л*) кошары.

Рис. 4. Схема расположения средневековых памятников на Бойке
(по О.И. Домбровскому, 1968).



Средневековые памятники X–XV вв. Коккозской долины и массива Бойки. А – Храм Спаса на г.Сотера (по О.И.Домбровскому); Б – укрепленный загон у Бойкинского водопада (Курушлюк III); В – археологическая карта Бойки и Коккозской долины: а – замок XII–XIII вв. на г.Сюрю-Кая; б – сторожевое укрепление; в – укрепленные загоны; г – храмы; д – поселения; е – заградительные стены на перевалах. *1* – храм Спаса; *2* – храм и поселение у источника Джевизлык-Су; *3* – Курушлюк I; *4* – Курушлюк III; *5* – Курушлюк I; *6, 7, 11, 12, 14, 15, 16* – заградительные стены на перевалах; *8* – храм и поселение в уроч. Алманчук (Панагия); *9* – храм и поселение в уроч. Гяур-Чаир; *10* – Сюрю-Кая; *13* – ров на склоне г.Кош-Кая.

Рис. 5. Средневековые памятники Бойки (по В.Л. Мыцу, 1991).



Рис. 6. Грабительские ямы вокруг храма.



Рис. 7. Груды камней у храма.





Рис. 8. Фрагменты туфовых арочных перекрытий.





Рис. 9. Стены храма. Современное состояние (лето 2007 г.).





Рис. 10. Разрушенные стены храма.

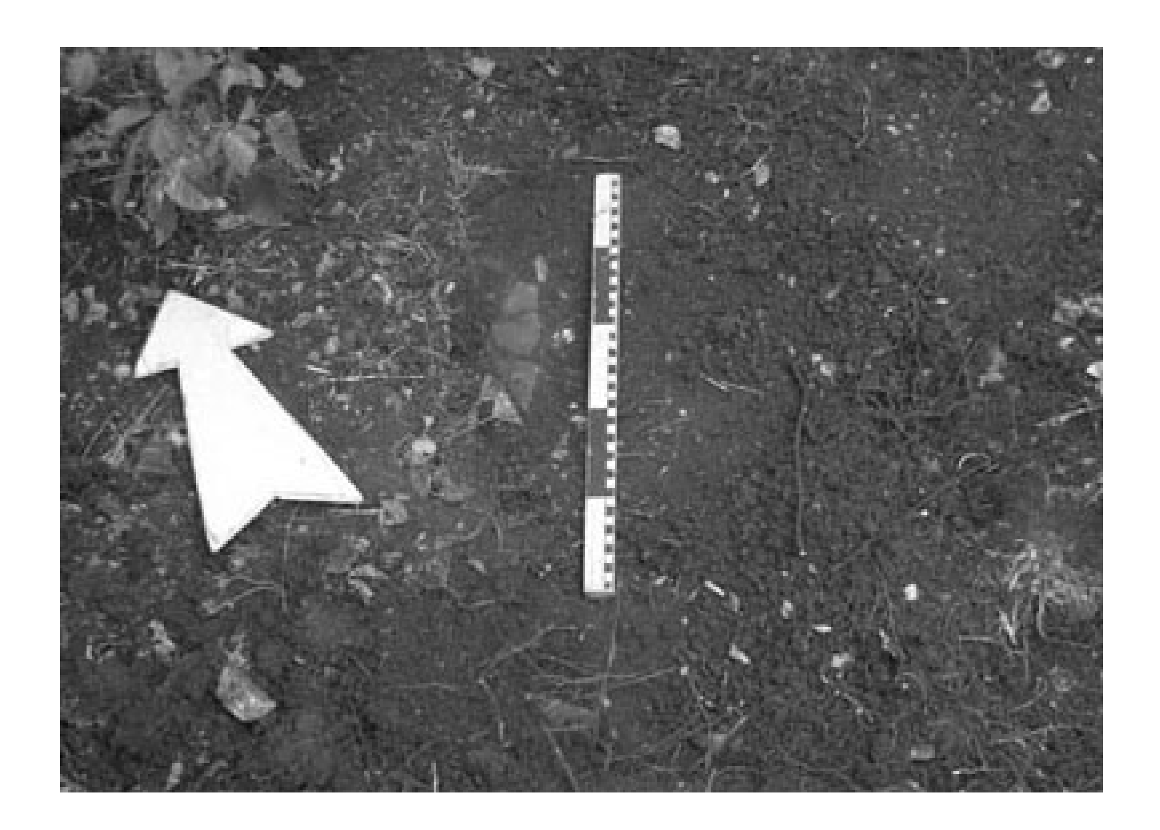
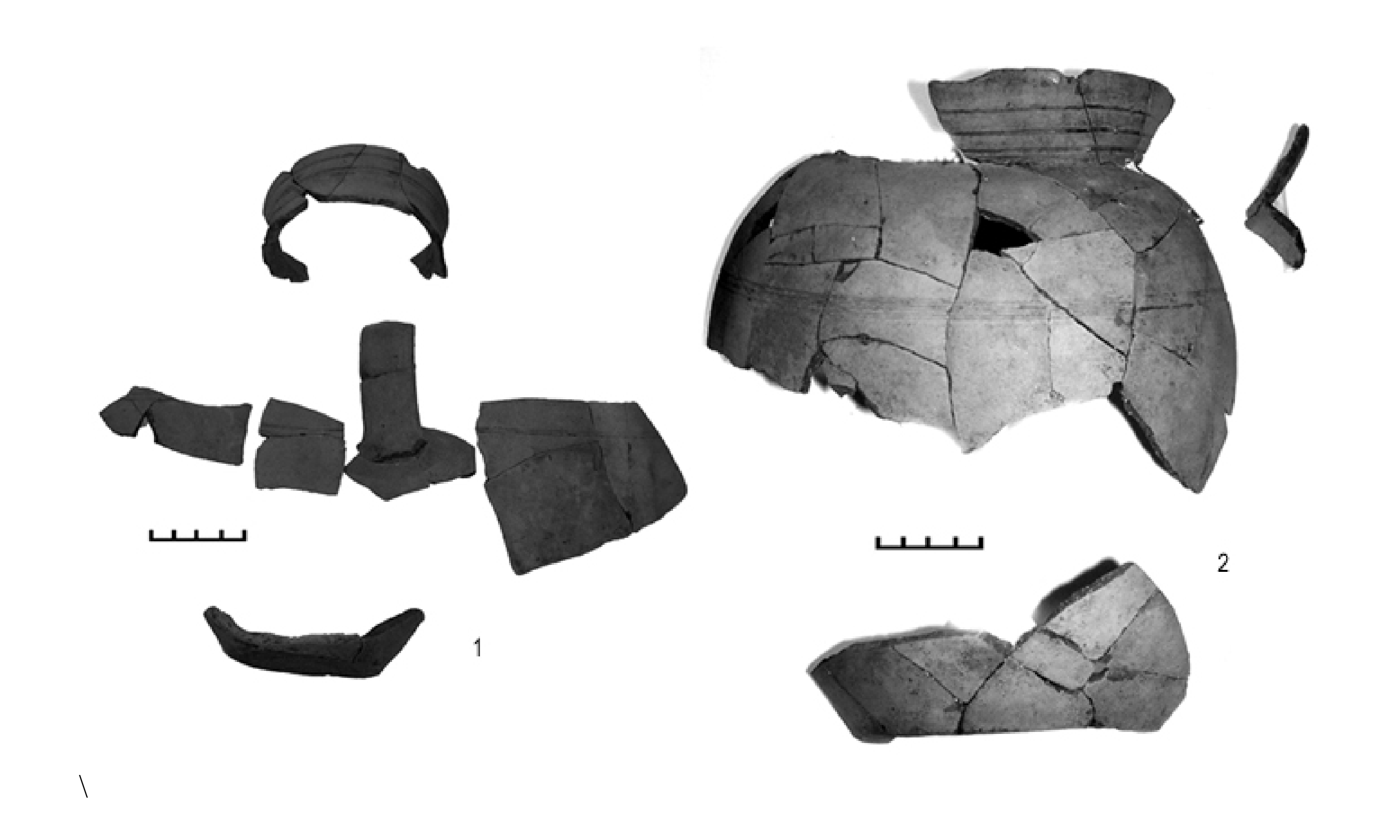


Рис. 11. Грабительский «раскоп» у храма.



\

Рис. 12. Горшки из грабительской ямы.



Рис. 13. Отрезок средневековой дороги на Бойке.



Рис. 14. Основание одной из стен на Бойке.

Е.Я. Туровский, А.А. Филиппенко

ХРОНОЛОГИЯ СКЛЕПОВ РАННИХ ХРИСТИАН НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА (В СВЕТЕ ДАННЫХ РАСКОПОК 2006 Г.)

Живописные росписи херсонесских склепов без преувеличения имеют мировое значение, как произведения позднеантичной живописи и как образцы выражения средствами искусства новых идей и представлений, которые были привнесены в жизнь античного общества с появлением христианства. Внимание к этим памятникам привлек выдающийся русский историк-античник М.И. Ростовцев, который в 1914 г. в своей блестящей монографии «Античная декоративная живопись на юге России» опубликовал восемь таких склепов, раскопанных А.С. Уваровым, К.К. Косцюшко-Валюженичем и М.И. Скубетовым. Как считал он все они, за единственным исключением (склеп 1894 г.), принадлежали приверженцам христианской веры [1].

Относительно датировки открытых росписей с христианской символикой и мотивами М.И. Ростовцев пришел к заключению, что они были созданы во второй половине IV – начале V вв. [2].

Еще два новых расписных склепа были исследованы в 1998-1999 гг. украинско-австрийской экспедицией [3]. После публикации материалов раскопок один из руководителей экспедиции В.М. Зубарь вновь обратился к вопросу о хронологии христианских росписей в Херсонесе. Его выводы находятся, на наш взгляд, прежде всего в русле не раз высказывавшейся им концепции о достаточно позднем массовом распространении христианства в Херсонесе и на Боспоре [4]. Исследователь отвергает датирующее значение нумизматического материала в случае с херсонесскими склепами [5]. М.И. Ростовцев, напротив широко использовал находки монет для своих выводов по хронологии склепов. Исходя из сюжетов живописи, В.М. Зубарь и его соавтор А.И. Хворостяный разделяют ее на две хронологические группы: живопись, которая содержит только символические мотивы, и росписи, где содержатся антропоморфные и сюжетные изображения. Первая группа датируется исследователями временем не ранее второй половины или конца V в., вторая – не ранее VII в. [6]. Нужно отметить, что подобная ревизия хронологических выводов М.И. Ростовцева не нашла поддержки у исследователей. Ее достаточно аргументированая критика уже прозвучала в ряде работ [7].

Насколько нам известно, В.М. Зубарь в настоящее время не столь категоричен в своей приверженности к поздним датам христианских склепов с росписями. В любом случае вопросы хронологии должны быть объектом конструктивной дискуссии, основанной, прежде всего, на анализе хронологических индикаторов и археологических контекстов. На наш взгляд, следует вести изучение христианских памятников в следующих основных направлениях. Необходимо заново пересмотреть и на современном уровне опубликовать все материалы предыдущих раскопок, как достоверно известных склепов с христианскими росписями и христианской символикой, так и склепов расположенных с ними по соседству. При этом, базируясь на выделенных хронологических индикаторах и на комплексном анализе материалов важно прояснить, как время создания склепа и период его использования (для подзахоронений, посещений, поминальных молитв), так и то синхронно ли время возникновения склепа и время создания живописных росписей. Важным звеном в исследовании хронологии является сравнительный анализ подобных памятников херсонесского некрополя и расписных христианских склепов Балкан, Иудеи, Малой Азии и др. В этом случае применим метод перекрестной хронологии. Это наиболее общие вопросы, которые не отменяют многие другие более частные. На пути к их решению лежат большие трудности. Перечислим только наиболее значимые из них.

Большая часть из известных склепов открыта около столетия назад. Судьба большинства из них нам неизвестна. Сохранились ли сами склепы и каково состояние росписей? В 1985 г. под руководством В.М. Зубаря был расчищен и вновь обмерен склеп под № 1494 (раскопки 1904 г.). В настоящее время вход в склеп засыпан. Что осталось от росписей, не известно. В 2006 г. нам удалось обнаружить склеп под № 2089 (раскопки 1905 г.), в котором сохранились только небольшие фрагменты фресок. Сказанное не означает, что следует впадать в пессимизм. Необходимо попытаться отыскать

следы и других памятников, описанных М.И. Ростовцевым, законсервировать и попытаться спасти то, что еще возможно спасти. Другая сложность состоит в том, что практически все склепы были ограблены в древности или в наши дни. Тем не менее, определенное представление о погребальном инвентаре первых херсонесских христиан составить удается. В этом направлении особенно важны новые археологические исследования.

В полевом сезоне 2006 г. экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» проводила исследования на участке херсонесского некрополя у так называемого «Загородного» храма. Были открыты и доследованы склепы, ограбленные и засыпанные в 2002-2003 гг. Один из этих склепов с живописной росписью и эпитафией на греческом языке уже предварительно обследовался нами в 2003 г. [8]. В нынешнем сезоне была проведена детальная фиксация росписей, сделаны обмеры и чертежи, доследована могильная камера получен ценный археологический и антропологический материал.

Живописная роспись на стенах и потолке склепа не оставляют сомнения в его принадлежности первым херсонесским христианам. На потолке среди двух венков, чередующихся с двумя красными кругами, помещена христограмма (монограмма Христа). По стенам и лежанкам изображения цветов (маков), гирлянд, а также белой птицы, идущей влево с зеленой веточкой и красной ягодкой в клюве. На стене одной из лежанок упомянутая надпись красной краской в красном круге – эпитафия праведника Аристона. Восстановление надписи и ее чтение, сделано московским эпиграфистом А.Ю. Виноградовым:

Αρίστω|να ληθαργ|η[cα] , ıc(ύρι)ε.|ή
ψυχή cου|μετάτων δι-|κέον

Аристона упокой, Господи.
Душа твоя с праведными.

Имя Аристон было широко распространено в Херсонесе. В нашем случае, присутствие надписи знак высокого уважения со стороны единоверцев. До сих пор это первый известный случай, когда кого-либо из погребенных в склепе удостаивали специальной надписи. Хризма, венчающая свод камеры, сама по себе уже указывает на особенные заслуги погребенных в склепе. Еще известный российский специалист в области раннего христианства граф А.Н. Уваров полагал, что монограмма Христа в склепах ранних христиан являлась символом награды святых и мучеников. Не случайно и изображение венков. Венок у ранних христиан являлся венцом победителя (corona triumphalis), который преодолел смерть и слился с Богом, став святым. Следует подчеркнуть хороший уровень живописи в склепе Аристона. Как и росписи других подобных склепов в Херсонесе, живопись склепа по стилю и технике имеет римско-эллинистический характер, но отображает новые христианские идеи и символы.

Среди склепов расчищенных в сезоне 2006 г. наибольший интерес представляет склеп с оштукатуренной поверхностью, на которой (еще по сырой штукатурке) были нанесены разнообразные граффити – кресты, хризма, корабли, лодка и др. Корабли изображены достаточно подробно. Прочерчены детали корпусов, оснастка парусов, изображены рулевые весла и другие детали. Над клотиком самого большого из кораблей развивается штандарт. В склепе имеются не менее трех надписей на греческом языке. Две из надписей, несомненно, эпитафии. Несмотря на традиционную для некрополя Херсонеса конструкцию, это склеп совершенно необычен своим оформлением.

Большинство, из известных на данном участке склепов, имели сходную конструктивную и пространственную организацию, и, безусловно, близки двум первым по времени. Камеры подавляющего большинства склепов не были оштукатурены. Не было в них и каких-либо указаний на их принадлежность христианам. Что объединяет все исследованные склепы – это присутствие значительного количества монет, чаще отдельных экземпляров, реже стопок из нескольких монет. Наиболее массовые серии принадлежат чекану христианских императоров IV в. от Констанция II до Аркадия. Подавляющее большинство монет находились в обращении весьма короткое время. Остальные находки: светильники, пряжки, бальзамарий датируются в хронологических рамках IV- начала V вв. Однако следует разделять датировку создания этих христианских склепов и время их функционирования. Мы предполагаем примерно следующую схему. Первоначально создавалась погребальная камера склепа с дромосом и лежанками, вслед за этим были оштукатурены стены и потолки, нанесены фрески и граффити. Вряд ли эти два события разделял значительный промежуток времени. В дальнейшем вслед за первыми погребениями святых праведников производились

подзахоронения, а в какие-то мемориальные даты склепы могли посещаться для поминания и молитвы. Отдельные склепы могли использоваться для этих целей более столетия.

Хронологические рамки отдельных склепов наиболее дробно определяет нумизматический материал. Самые поздние монеты из этих сакральных приношений (бескровная жертва?) в подавляющем большинстве склепов принадлежат чеканке императоров Феодосия I Великого и Аркадия и датируются началом V столетия. Более поздние монеты и артефакты из некоторых погребальных сооружений свидетельствуют об использовании склепов для погребений до второй половины V в. Сказанное не относится к доследованным нами в 2006 г. склепам с христианскими росписями и граффити, наиболее поздний датирующий материал из которых не выходит за рамки начала V в.

Примечания

1. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Пгр., 1914. С. 443-445.
2. Там же.
3. *Зубарь В.М., Пилингер Р., Туровский Е.Я., Сон Н.А., Русяева М.В.* Отчет о раскопках склепов с полихромной росписью на территории некрополя Херсонеса в 1998-1999 гг. // В кн. *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. К., 2000. С. 144-154.
4. *Зубарь В.М.* К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // ХС. Вып. X. Севастополь, 1999. С. 298-302.
5. *Зубарь В.М., Пилингер Р., Туровский Е.Я., Сон Н.А., Русяева М.В.* Указ. соч. С. 56.
6. Там же. С. 84-87.
7. *Диатропов П.Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси. Сборник материалов международнолй конференции «Церковная археология Южной Руси. Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001). Симферополь, 2002. С. 34-37; *Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. Т.63(88). М., 2004. С. 167-194.; *Завадская И.А.* Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблема хронологии и генезиса // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005.
8. *Marchenko L.V., Turovskij E.J.* A New Early Christian Crypt in the Outskirts of Chersonese Tauric // International Conference. Varna, 2003.

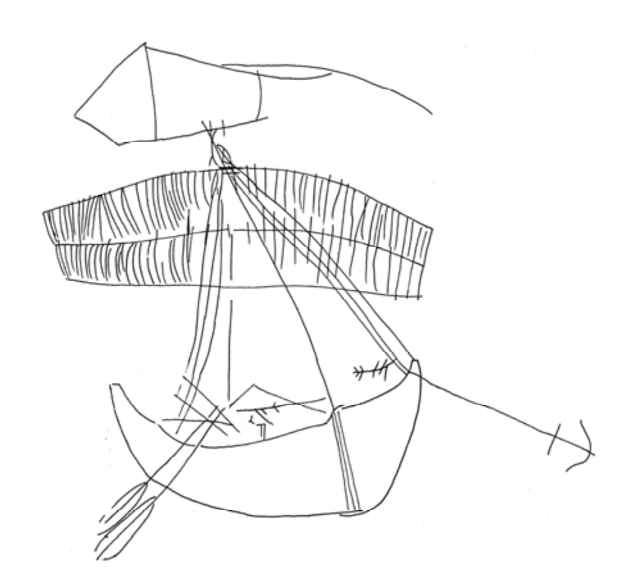


Рис. 1. Изображение корабля на потолке склепа №1/2006.

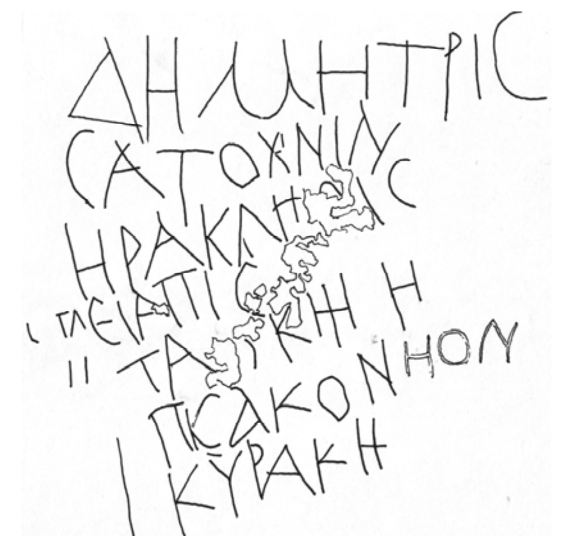


Рис. 2. Эпитафия Деметрия, склеп №1/2006.

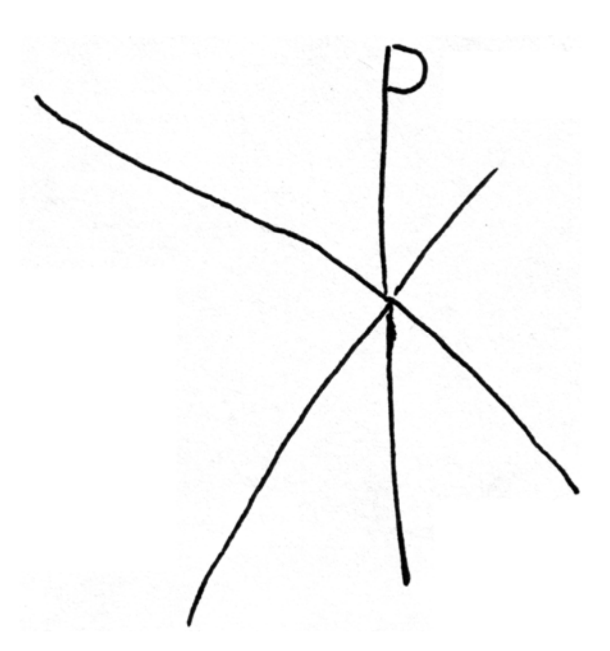


Рис. 3. Хризма, склеп №1/2006 (прорисовки М.В. Ступко).

Н.В. Днепровский

К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА МЕСТЕ СОВРЕМЕННОГО БАХЧИСАРАЯ: ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ СКИТ В СТАРОЙ ЧАСТИ ГОРОДА

Несколько лет назад в Рукописном отделе РГБ, при разборе материалов известного художника и археолога Д.М. Струкова, нами был обнаружен документ, озаглавленный «Черновая тетрадь с рисунками и разными записями Струкова, произведёнными при раскопках в Крыму» [1]. Судя по отсутствию записей в учётной карточке, эта рукопись предыдущими исследователями востребована не была. Кроме мелких заметок, в ней была найдена запись о том, что в Бахчисарае, «против полицейского участка выше дома Абаджи Грек (*так в тексте. Ниже рукою Струкова примечание: «Адобаджи Грек» - Н.Д.*) в пещере цер». Можно предположить, что сокращение «цер» следует читать как «церковь». Однако, если это действительно так, то более нигде в бумагах Д.М. Струкова эта церковь не упоминается, поэтому неясно, видел ли он её сам или же записал сведения о ней с чужих слов. Никаких указаний на неё нет и в других трудах, в том числе в «Материалах к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма» Н.И. Репникова [2], картотеке А.И. Маркевича [3] и в монографии Ю.М. Могаричева, в которой упоминается только «разрушенная полупещерная церковь» «на армянском кладбище» [4]. Заинтересовавшись найденным свидетельством, мы попытались локализовать пещерную церковь в г. Бахчисарае, упомянутую Д.М. Струковым.

К сожалению, установить местонахождение дома Абаджи (Адобаджи) Грека нам не удалось, зато оказалось возможным выяснить расположение полицейского участка. По словам бывшего начальника Бахчисарайского уголовного розыска Е. Соколовского, дом, в котором он размещался, не менял своего назначения до последнего времени. Речь идёт о старом здании милиции, расположенном в доме №22 по улице Николая Спаи. Оно находится в долине реки Чурук-Су, немного вверх по течению от того места, где в неё впадает Скалистое ущелье, на территории которого, действительно, известно множество пещер. В 1886 г. И.С. Жюрьяри обнаружил там и остатки рухнувшей пещерной церкви [5]. Однако, эти остатки, ныне находящиеся в конце ул. Пушкина, во-первых, до конца XX в. не были раскопаны, а во-вторых, расположены ниже уровня современной улицы. Поэтому они никак не могли бы находиться «выше дома Абаджи Грека», и, тем более, «в пещере». Что касается остальных пещер Скалистого ущелья, то они вырублены в его правом борту, а затем продолжаются в скалах северного склона долины р. Чурук-Су (в районе трансформаторной подстанции) вниз по течению, т.е. на другой стороне ущелья от полицейского участка. В ходе их обследования не были выявлены выраженные признаки упомянутой Д.М. Струковым пещерной церкви. Следовательно, наиболее вероятным местом для её поисков оставался участок скального выхода на северном склоне долины р. Чурук-Су между зданием бывшего полицейского участка и Ханским дворцом. Действительно, на старых фотографиях (фото 1) этой части Бахчисарая почти напротив Ханского дворца в обрыве, в то время еще не закрытом растительностью, просматриваются остатки пещер. В настоящее время эта территория застроена и сильно заросла кустарником, в результате чего она стала весьма труднодоступной, а пещеры – почти невидимыми (фото 2). Учитывая, что этот участок находится практически у всех на виду, в самом центре исторической части Бахчисарая, мы изучили его исключительно из соображений научной добросовестности. Однако полученные результаты превзошли наши ожидания.

Нами был выявлен комплекс скальных сооружений, состоявший, предположительно, из пяти компактно расположенных искусственных пещер, расположенных на территории частного домовладения по ул. Горького, 28а. Кроме того, в 8 м к востоку, на территории соседнего участка (ул. Горького, 30), находится ещё одна пещера, а далее к востоку, ещё примерно в 20 м – скальный навес со следами подрубок. На рис.1 приведён фрагмент плана старой части Бахчисарая с указанием местонахождения пещерного комплекса. Цифрами обозначены: 1 – здание бывшего полицейского участка, 2 – домовладение №28 по ул. Горького, 3 – Ханский дворец. Как видно, обнаруженные пещеры находятся ближе не к полицейскому участку, а к Ханскому дворцу, который логично было бы использовать в качестве ориентира - косвенное подтверждение того, что если Струков упоминал именно о них, то, вероятнее всего, понаслышке. Поэтому исследование было продолжено.

Все пещеры, находившиеся по адресу ул. Горького, д.28а, используются в хозяйственных целях (фото 3), и в 2007 г большая часть их

была практически недоступна для изучения, будучи заполнена до потолка сеном, стройматериалами и т.д. Тем не менее, в одной из них удалось рассмотреть характерную арочную нишу. В связи с этим, по предварительной договорённости с владельцем участка, в мае 2008 г была проведена разведка пещерного комплекса, выполнены его обмеры, фотографирование доступных для наблюдения архитектурных деталей, а также, насколько возможно, собрана дополнительная информация путём устного опроса хозяина дома. План и разрез выявленного пещерного комплекса приведены на рис. 2.

Скальный выход, в котором высечены пещеры, тянется с запада на восток с отклонением к северу примерно в 20 градусов. Поэтому для упрощения описания скальные помещения пронумерованы в этом направлении.

Южная стена большинства помещений не сохранилась, кроме небольшого участка в западной части помещения №1. Также не сохранилась стена, разделявшая помещения 1 и 2, а также стена (если она была), разделявшая помещения 3 и 4. Сильному разрушению подверглась также верхняя часть скалы, в силу чего никаких следов возможных пристроек, водоотводных канавок и т.д. не сохранилось. Поэтому трудно сказать, был ли комплекс чисто пещерным или же полупещерным.

Опишем сохранившиеся помещения.

Помещение №1

Помещение №1 в настоящее время представляет одно целое с помещением №2 (фото 4). Оно находится на западной оконечности комплекса и имеет неправильную форму, близкую к трапецеидальной. Длина помещения (в направлении с запада на восток) 4,35 м, максимальная ширина (с юга на север) 3,75 м. Пол помещения засыпан грунтом и продуктами хозяйственной деятельности, максимальная высота помещения над уровнем современного пола 1,9 м. Помещение в настоящее время разделено железной перегородкой, и его восточная часть используется как сеновал (фото 5).

Южная стена сохранилась на длину 1,85 м от западной стены помещения, тянется с запада на восток и имеет толщину около 0,5 м. Юго-западный угол помещения скруглённый, с радиусом скругления около 0,25 м.

Западная стена (фото 6) ориентирована строго с юга на север и подверглась интенсивному природному воздействию. На расстоянии 1,55 м от южной стены, на высоте 1,2 м над уровнем современного пола имеется углубление длиной 2,2 м, доходящее до северной стены, с максимальной шириной 0,2 м. На расстоянии 1,6 м и 2,2 м от южной стены в западной стене имеются две вертикальные, плохо сохранившиеся подрубки, шириной около 0,05 м. Северо-западный угол помещения резко очерчен, радиус его скругления не превышает 0,06 м. По словам владельца участка, в северо-западном углу помещения находилось круглое в форме углубление (ныне засыпанное из соображений безопасности), похожее на колодец.

Северная стена в своей западной части (фото 7) на протяжении 0,93 м ориентирована строго с запада на восток. В этой её части, вплотную к западной стене, на высоте 1,15 м от современного уровня пола, высечена арочная ниша шириной 0,77 м, высотой 0,6 м и максимальной глубиной 0,27 м. Эта ниша и привлекла наше внимание в 2007 году. Верхняя её часть находится на уровне потолка, который к северной стене немного понижается. Далее северная стена помещения отклоняется к югу на 21 градус. В центре этой части стены, на высоте 0,26 м от современного уровня пола высечена большая арочная ниша, ориентированная на север с отклонением к востоку на 21 градус. Максимальная ширина её составляет 1,85 м, максимальная высота 1,4 м, максимальная глубина 0,65 м. Её верхняя точка находится на 0,24 м ниже уровня верхней точки западной ниши. Простенок между центральной и западной нишами на высоте основания последней криво пробит насквозь в виде характерного для крымских «пещерных городов» «каменного кольца». Далее к востоку, справа от центральной ниши, на расстоянии 0,4 м от неё, в северной стене на высоте 1 м над уровнем пола вырублена ещё одна арочная ниша, почти симметричная западной (фото 8), но больших размеров, также смыкающаяся в своей верхней части с потолком. Максимальные размеры её: высота – 0,8 м, ширина и глубина – 0,7 м.

Восточная стена помещения не сохранилась и прослеживается в виде следов на северной стене и «ступеньки» на потолке помещения.

Таким образом, хотя пол помещения на данный момент недоступен для исследования на предмет наличия следов престола, данное помещение содержит большое число признаков, позволяющих предположить в нём пещерную церковь. В этом случае, вертикальные подрубки в сохранившейся западной стене, возможно, являются следами алтарной преграды, а предполагаемое круглое отверстие в северо-западном углу – костницей или остатками баптистерия. Большая центральная ниша в северной стене могла бы

служить абсидой, а западная и восточная ниши – протезисом и диаконником соответственно, что объясняет и различие в их размерах, поскольку для хранения церковной утвари требовалось больше места, нежели для совершения проскомидии. В частности, подобные ниши имеются в остатках ранее упоминавшегося разрушенного армянского пещерного храма в Скалистом ущелье, однако там они расположены в боковых стенах. Церковный характер помещения объяснял бы также странное изменение направления северной стены. Напомним, что ориентация алтарной абсиды, подобная выявленной в помещении №1, не является редкостью в пещерных крымских культовых сооружениях (таблица 1).

Таблица 1.

№ п/п	Объект	Ориентация алтарной части (отклонение к востоку)
1.	Церковь Георгиевского монастыря	Почти строго на север [6].
2.	Часовня Баклы	Примерно 30 градусов к востоку [7].
3.	Тепе-Кермен, «церковь с баптистерием»	Примерно 10 градусов к востоку [8].
4.	Качи-Кальон, церковь св.Софии	Северо-восток [9].
5.	Большой храм Шулдана	Северо-восток [10].
6.	«Церковь №10» на Загайтанской скале	Примерно 30 градусов к востоку [11].
7.	«Церковь №4» на Загайтанской скале	Северо-восток [12].
8.	«Жилище архимандрита» в Инкермане	Почти строго на север [13].
9.	Храм св. Евграфия в Инкермане	33 градуса к востоку [14].
10.	Храм Вознесения в Инкермане	40 градусов к востоку [15].
11.	Церковь у станции Инкерман-1	35 градусов к востоку [16]

Не является также редкостью в крымских пещерных храмах своеобразный «перекос» алтарной части относительно оси основного помещения с целью приблизить её ориентацию к восточной [17].

Одновременно, архитектурные особенности помещения очень близки к образцам архитектуры пещерных монастырей Закавказья (фото 9, 10)

Учитывая близость данного памятника к некогда населённому армянами Скалистому ущелью, где также имеются многочисленные пещерные сооружения и остатки пещерной церкви, нельзя исключить того, что рассматриваемый нами объект в прошлом являлся армянским пещерным храмом.

К сожалению, поверхность потолка и стен помещения сильно разрушена, что не позволило обнаружить следы первоначальной обработки, кресты или какие-либо граффити.

Помещение №2

Помещение №2 (фото 11) было отделено от помещения №1 не сохранившейся в настоящее время скальной перегородкой толщиной около 0,2 м, следы которой прослеживаются на северной стене и потолке помещения. Максимальная длина помещения по потолку от следов западной скальной перегородки до восточной стены – 5,1 м, максимальная ширина помещения составляет

3,5 м, максимальная высота над современным уровнем пола – 2,1 м. Северная стена и потолок сохранились плохо, их поверхность сильно разрушена природным воздействием. В северо-западном и северо-восточном углах помещения имеются идущие от пола до потолка вертикальные, сильно разрушенные, близкие к прямоугольным в плане скальные выступы, плавно закругляющиеся к потолку, шириной около 1,1 м. Северо-западный выступ оканчивается подобием сильно разрушенной полуколонки с остатками капители (фото 12), северо-восточный ещё более сильно разрушен (фото 13), однако и в его верхней части, возможно, существовали подобные элементы (фото 14). Ширина помещения в месте северо-западного выступа составляет 2,8 м, в месте северо-восточного выступа – 2,9 м. Помещение перегорожено на две части дощатой перегородкой. Западная часть в настоящее время используется как сарай, а в восточной части устроен курятник, что затрудняет осмотр северной стены на предмет выявления сохранившихся архитектурных деталей.

Восточная стена пещеры имеет наилучшую во всём комплексе сохранность (фото 15). Поверхность её практически плоская, без заметных следов обработки. На высоте 1,3 м над современным уровнем пола на этой стене сохранился на длину в 2 м от её торца трапецеидальный в сечении карниз (фото 16), верхняя горизонтальная грань которого составляет 0,04 м, боковая вертикальная – 0,1 м и нижняя наклонная – 0,07 м. Далее, к северо-восточному углу помещения, стена сильно разрушена вплоть до упоминавшегося вертикального выступа. Высота потолка над карнизом в этой части помещения составляет 0,6 м.

Наличие таких элементов декора, как карниз, угловые пилоны, остатки полуколонки может послужить косвенным подтверждением армянской принадлежности найденного комплекса, поскольку похожую структуру имели трапезные и притворы (гавиты) армянских монастырей, а также помещения скальных монастырей соседней с Арменией Грузии (фото 17).

Помещение №3

Помещение №3 (фото 18) отделяется от помещения №2 капитальной скальной перегородкой толщиной 1,2 м с хорошо сохранившимися следами поздней обработки, а от смежного помещения №4 – скальным выступом шириной 0,7 м, и ориентировано с юга на север. Максимальная длина помещения в этом направлении – 2,7 м, в месте разделительного скального выступа она составляет 2,03 м. Максимальная ширина – 1,5 м, максимальная высота – 2 м. Северная стена скруглённая, наподобие остатков алтарной абсиды. В ней на разной высоте имеется пять небольших, сильно оплывших ниш (фото 19,20). Возможно, это остатки разрушенной природным воздействием «сталактитовой» отделки свода. Также вполне вероятно, что данное помещение было небольшой скальной часовней. В настоящее время оно используется как курятник, но хорошо доступно для осмотра.

Помещение №4

Ориентировано практически точно на север. Максимальная длина в этом направлении составляет 3,1 м, максимальная ширина – 3,5 м, максимальная высота – 2,1 м. Северная стена имеет почти полуциркульную форму. Во всю высоту стены (в этом месте потолок понижается) имеется арочная ниша с радиусом около 1,1 м и максимальной глубиной 0,7 м, похожая на алтарную абсиду (фото 21). Восточнее неё на высоте около 1,2 м в стене имеются остатки характерной ниши, похожей на нишу для установки икон. Возможно, это помещение, так же, как и помещение №3, было скальной часовней. Такие «конгломераты» церквей и часовен хорошо известны в скальных и наземных армянских монастырях, таких, как Гегард, Сагмосаванк, Санаин, Ахпат и др. Однако не исключено, что помещение №4 могло также быть пещерной церковью, в этом случае помещение №3 могло при ней выполнять функции жертвенника. Восточная стена пещеры достаточно хорошо сохранилась и несёт на себе следы поздней обработки, остатки тонкого слоя штукатурки и побелки, а также вертикальную подрубку шириной около 0,06м и высотой около 1 м (фото 22). Торец стены обработан наподобие пилястры с капителью или фрагмента разрушенной арки, поэтому помещение, возможно, продолжалось к югу. Если оно также было церковью, то вертикальная подрубка на восточной стене могла служить для крепления алтарной преграды. Судя по сохранившимся следам первоначальной обработки, помещение носит достаточно поздний характер. В настоящее время оно активно разрушается, чему, возможно, способствовал неподходящий состав позднейшей окраски стены. На полу его лежат две большие каменные глыбы, в недавнее время рухнувшие с потолка. В настоящее время пещера оборудована под курятник, но легко доступна для осмотра.

Помещение №5

Помещение №5 (фото 23) отделено от помещения №4 хорошо сохранившейся скальной стенкой, торец которой отделан наподобие пилястры с арочным завершением. Примыкающий к ней фрагмент стены имеет сводчатую форму со следами штукатурки и поздним характером обработки и совершенно не сопрягается с остальной плоскостью западной стены. Можно предположить, что помещение первоначально имело сводчатую форму и было связано арочным проёмом с помещением №4, но впоследствии довольно грубо растёсано и в настоящее время имеет практически прямоугольную форму со скруглёнными углами (радиус скругления около 0,4 м). Южная стена отсутствует. Остальные стены сильно разрушены. Местами на них также сохранились следы штукатурки или окраски. Максимальная длина помещения в направлении север-юг составляет 2,4 м, максимальная ширина – 3,2 м, максимальная высота над современным уровнем пола – 2 м.

Помещение №6

Находится в 8 м к востоку от остального комплекса, на участке домовладения №30 по ул. Горького. Представляет собой отдельную, вытянутую с запада на восток, пещеру почти прямоугольной формы, западная стена которой сильно разрушена (фото 24). Размеры помещения: длина – 3,6 м, ширина западной части – 1,5 м (по потолку), восточной – 1,8 м (по стене), высота – 1,95 м.

В северо-восточном углу помещения на высоте около 1,6м расположены остатки сильно разрушенной ниши. Следы ещё двух небольших ниш имеются в северной стене помещения на высоте около 0,5 м (фото 25).

Далее к востоку, примерно в 20 м от помещения №6, находится сильно разрушенный природным воздействием скальный навес со следами гнёзд под балки или стропила (фото 26). Навес завершается небольшой, естественной по виду, пещерой (фото 27). Его можно было бы не связывать с комплексом описываемых искусственных пещер, если бы не сохранившаяся в скале арочная ниша характерной формы (фото 28). Представляется небезынтересным, что упомянутый навес находится почти в точности напротив западной ограды Ханского дворца.

Помимо приведённых выше результатов обследования скального комплекса, со слов владельца участка установлено, что существующий на участке дом построен в 1963 г., тогда же был перекрыт доступ к пещерному комплексу посторонним лицам. До этого момента в непосредственной близости к пещерам сохранившихся зданий не было, но были остатки какого-то большого сооружения, (по словам старожилов, церкви). Владелец участка сообщал о пещерном комплексе археологу В.А. Петровскому, но тот не обратил на его слова особого внимания, возможно, будучи занятым раскопками армянского храма в Скалистом ущелье. Таким образом, этот объект никем не исследовался, по крайней мере, с 1963 года, что хорошо согласуется с отсутствием опубликованных данных о нём в научной литературе. В 2007 году к скальному выступу с пещерами приезжали какие-то люди и прикрепляли к скале зажжённые свечи. Следы этих свечей, действительно, имеются на скале примерно в 30 м к западу от пещер. Этот факт может косвенно свидетельствовать в пользу культового характера выявленного комплекса. При строительных и сельхозработах на участке попадалось большое количество «черепков».

Несколько лет назад примерно в 8 м ниже по склону от помещения №1 в виде округлой впадины просела земля. Решив, что это колодец, владелец участка стал расчищать его. Дойдя примерно до полутораметровой глубины, он взял 6-метровый арматурных прут, который в этом месте легко ушёл в землю на всю длину, после чего расчистка была прекращена, поскольку на участке уже имеются два колодца. Один из них находится по склону примерно в 25 метрах ниже пещер, имеет глубину около 18 м, диаметр около 0,8 м и большею частью вырублен в материковой скале, а последние 2 м выложены каменной кладкой. Колодец имеет каменный оголовок (фото 29), очень похожий на оголовок колодца из Чуфут-Кале (фото 30). Другой колодец, имеющий диаметр около 1,2 м, расположен несколькими метрами ниже. По словам хозяина, он выложен из камня и в своё время снабжал водой всю улицу, а рядом с ним находилась «здоровая каменная бадья», которую, по причине её больших размеров, отец владельца разбил на куски и выбросил. В настоящее время этот колодец снабжён современным бетонным оголовком.

Между этими двумя колодцами, примерно в 30 м по склону ниже пещерного комплекса и параллельно ему, на всю длину домовладений 28а и 30 по ул. Горького, проходит каменная кладка наподобие остатков ограды или подпорной стены. Остатки её, действительно, хорошо просматриваются (фото 31).

На момент заселения участка пещерные помещения были оштукатурены, однако в последние годы они быстро разрушаются, а несколько лет назад с потолка помещения №4 рухнули две большие глыбы камня.

Подведём некоторые итоги.

1. Приблизительно на месте, указанном Д.М.Струковым, действительно удалось обнаружить пещерное помещение, по своим признакам очень похожее на скальную церковь и имеющее общие черты с рухнувшим пещерным храмом в Скалистом ущелье. При этом прямые доказательства знакомства самого Д.М.Струкова именно с этим сооружением пока что отсутствуют.

2. Одновременно с этим выявлен комплекс из нескольких (предположительно, пяти) сопутствующих искусственных скальных помещений, по крайней мере, два из которых также могли бы получить культовую интерпретацию, и ряд наземных объектов, представляющих исторический интерес (навес, колодцы и остатки каменной кладки).

3. Если считать навес и отдельную пещеру на участке дома №30 связанными с пещерным комплексом на участке дома №28а (что косвенно подтверждается наличием бутовой кладки, объединявшей эти участки), то речь может идти о небольшом, возможно армянском, ските или монастыре. На его территории находились пещерные церковь, часовня, притвор или трапезная, а также хозяйственные постройки и не менее чем один колодец. Не исключено также, что скальные сооружения имели полупещерный характер с южной стеной, выполненной из камня или других строительных материалов. В пользу интерпретации обнаруженных объектов как единого монастырского целого говорит также их компактное размещение в пределах обособленного скального массива (фото 32)

4. Нам пока достоверно неизвестно время возникновения этого монастыря. Однако следует учесть, что он находится практически напротив, и, что более существенно, гораздо выше Ханского дворца и, следовательно, Ханской мечети. К тому же, с этой точки просматривается практически вся территория дворца, включая Гаремный корпус. Вряд ли крымские ханы одобрили бы такое строительство. Известно также, что турецкие завоеватели также не разрешали строить новых церквей, и, хотя на практике этот запрет иногда обходился, в данном случае это крайне сомнительно по вышеуказанным соображениям. Следовательно, есть основания предполагать, что монастырь был основан ещё до переноса столицы в долину реки Чурук-Су и до турецкого завоевания, т.е. не позднее второй половины XV в. Достаточно вероятно также, что с переносом ханской столицы он прекратил своё существование. В отсутствие достоверных археологических данных, можно попробовать оценить время возникновения монастыря с помощью литургической датировки, предложенной в работе [18]. При этом если считать, что помещение №4 было пещерной церковью с протезисом в помещении №3, то оно подпадает под категорию II.4, то есть, построено не ранее XIV в., что соответствует и позднему характеру обработки стен помещения. Помещение №1, в соответствии с этой же классификацией, полностью соответствует категории II.1 (поперечное расположение наоса, протезис в виде ниши небольшого размера, расположенный в наосе и притом в той же северной стене, что и алтарная абсида). Тот факт, что протезис при этом находился именно в наосе, а не в алтаре, подчёркивается различием направления северной стены в зоне протезиса и абсиды на 21 градус. Позднее алтарная преграда, возможно была вынесена в наос, о чём говорят подрубки на западной стене, чётко выделяющие новую алтарную зону (фото 33), а протезис мог быть перенесён в углубление западной стены. Таким образом, этот храм должен был быть вырублен не ранее VIII и не позднее XII в., что косвенно подтверждается сильным разрушением его стен. Этому предположению не противоречит и сходство архитектурных форм помещения с помещениями пещерного монастыря Вардзиа, высеченного в XII–XIII вв. Монастырь мог существовать, по-видимому, до конца XV или начала XVI вв. Следовательно, памятник может оказаться «двухслойным», с ранней церковью в помещении №1, вокруг которой в дальнейшем возник монастырь, возможно, армянский. Заметим, что аналогичное мнение, правда, не обоснованное, в своё время высказывал о находящемся недалеко пещерном храме на улице Пушкина В.А.Петровский [19].

С нашей точки зрения, одной из первоочередных задач крымской медиевистики является изучение истории христианских поселений Горного Крыма, в том числе и находящихся на территории г. Бахчисарая. Наша задача облегчается тем, что обилие письменных и археологических материалов, выявленных к настоящему времени, позволяет практически безошибочно их локализовать [20]. А отмеченная нами «двухслойность» позволяет проследить этническую историю этих поселений.

Считаем, что обнаруженный пещерный комплекс представляет незаурядный интерес и нуждается в детальном изучении.

Автор благодарит архитектора Е.М. Ситникову за помощь в обмерах памятника.

Примечания

1. РГБ. Ф. 293, К.31, Д.13.

[2] Архив ИИМК, Ф.1. Д.9, 10.
[3] Архив ИИМК, Ф.32, Д.51.
[4] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь. 1997. С. 96.
[5] *Жюрьяри И.* Поездка в ближайшие окрестности Бахчисарая // ИТУАК. Симферополь, 1890. №9. С. 108–109.
[6] *Могаричев Ю.М.* Указ. соч. С. 382. Рис. 356.
[7] Там же. С. 380. Рис. 354.
[8] Замеры автора.
[9] *Могаричев Ю.М.* Указ. соч. С. 342. Рис. 302.
[10] Там же. С. 215. Рис. 140.
[11] Там же. С. 174. Рис. 89.
[12] Там же. С. 156. Рис. 56.
[13] Там же. С. 138. Рис. 31.
[14] Там же. С. 117. Рис. 8.
[15] Там же. С. 127. Рис. 18.
[16] Там же. С. Рис. 13.
[17] К примеру, церковь Георгиевского монастыря, Успенская церковь и храм «Трёх всадников» на Эски-Кермене, «храм №4» в Третьем гроте Качи-Кальона, «церковь №4» на Загайтанской скале.
[18] *Виногорадов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // Российская археология. 2005. №1. С. 75–76.
[19] *Днепровский Н.В., Чореф М.М.* К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае //Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. №20 С. 19.
[20] *Чореф М.М.* К истории Эски-Юрта // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I. С. 147–155; *Чореф М.М.* Церковь Бахчисарайского дворца // Армяне Крыма: вчера, сегодня, завтра (в печати).

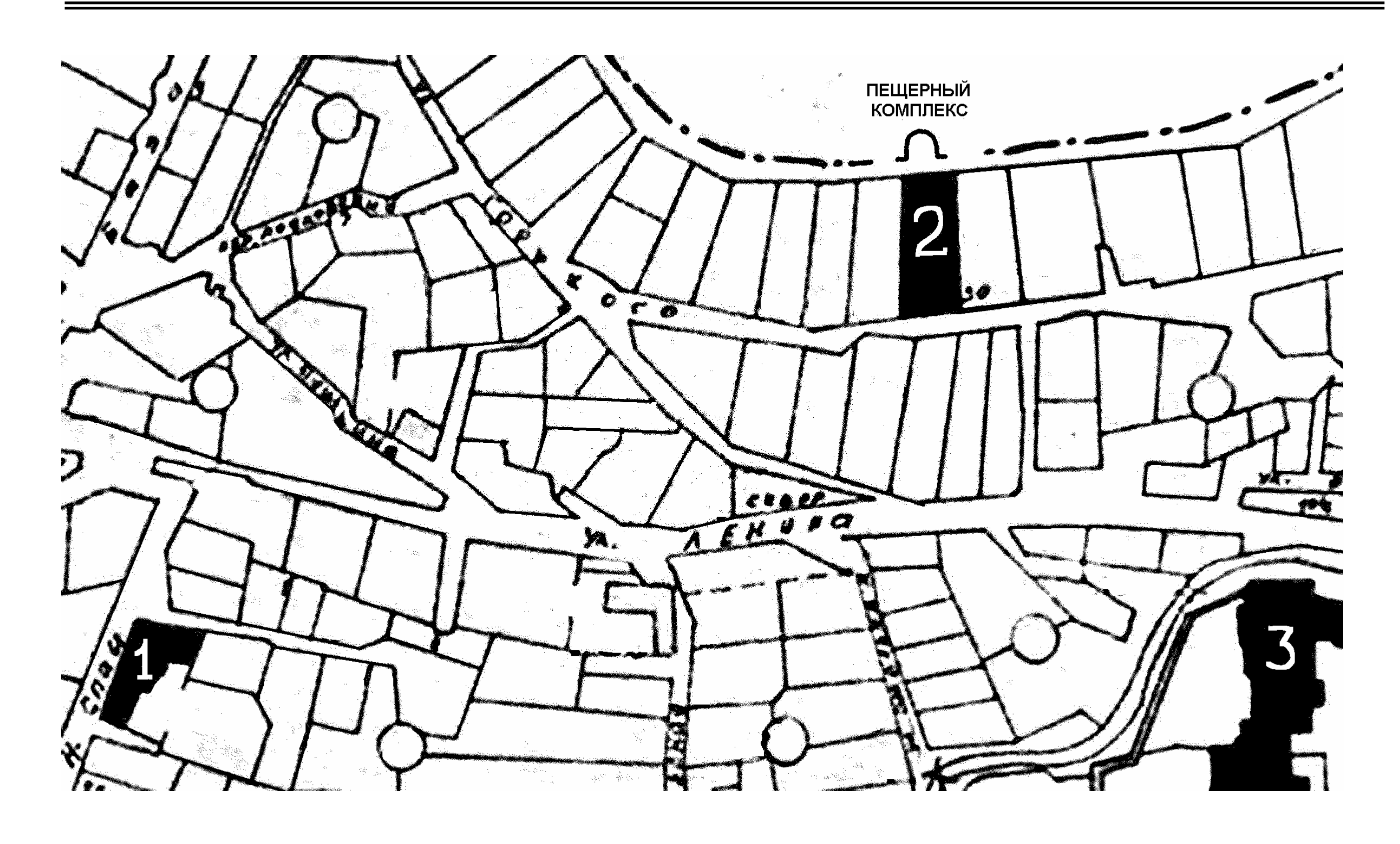


Рис. 1. Фрагмент плана г. Бахчисарая

1 – бывший полицейский участок, *2* – участок по ул. Горького с расположенным на нём пещерным комплексом, *3* – Ханский дворец.

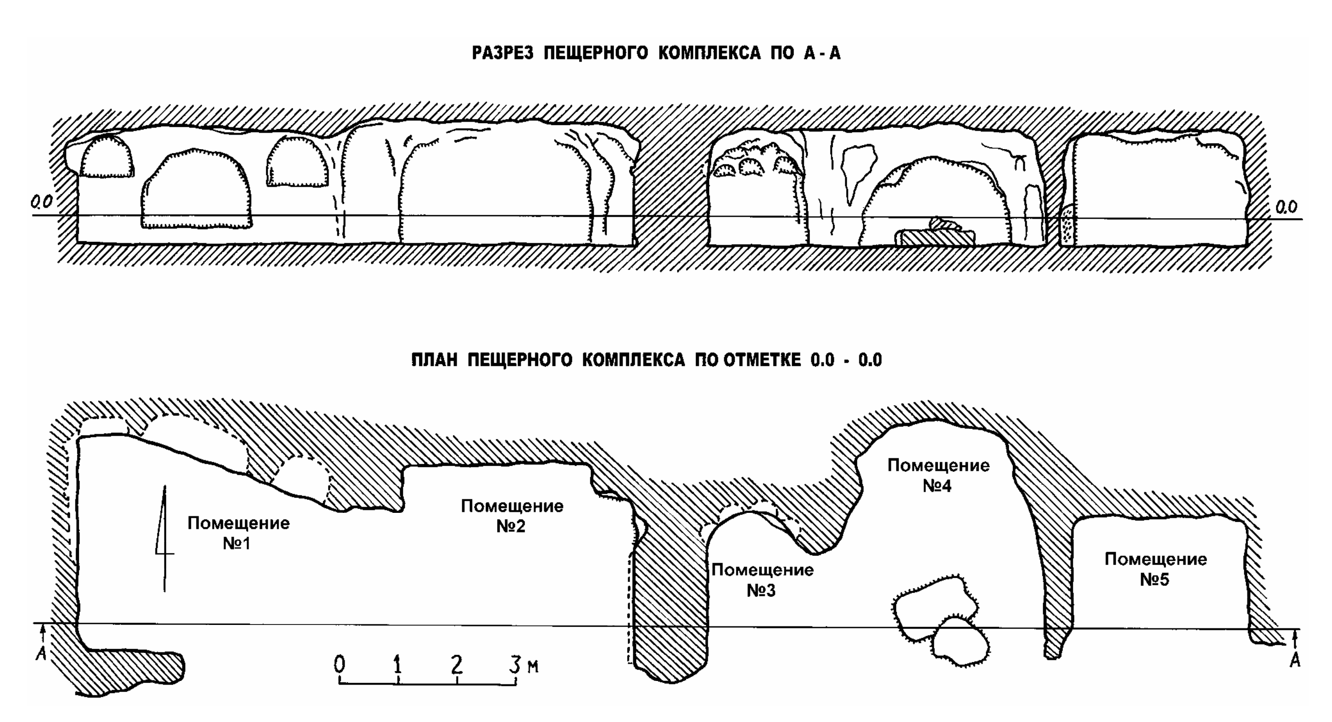


Рис. 2. План и разрез пещерного комплекса

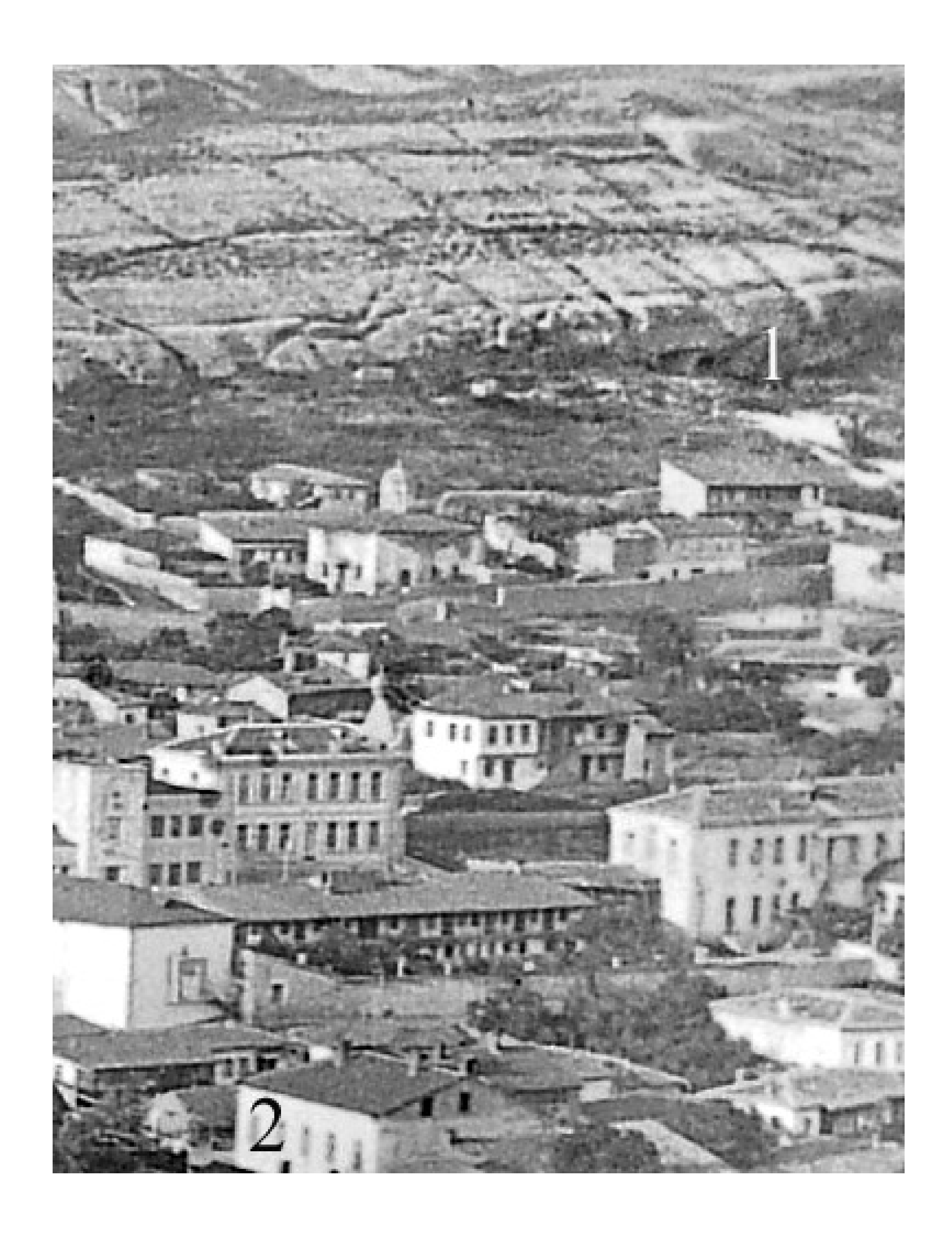


Фото 1. Старый Бахчисарай. *Фото начала XX века*.
1 - пещерный комплекс, *2* – здание полицейского участка

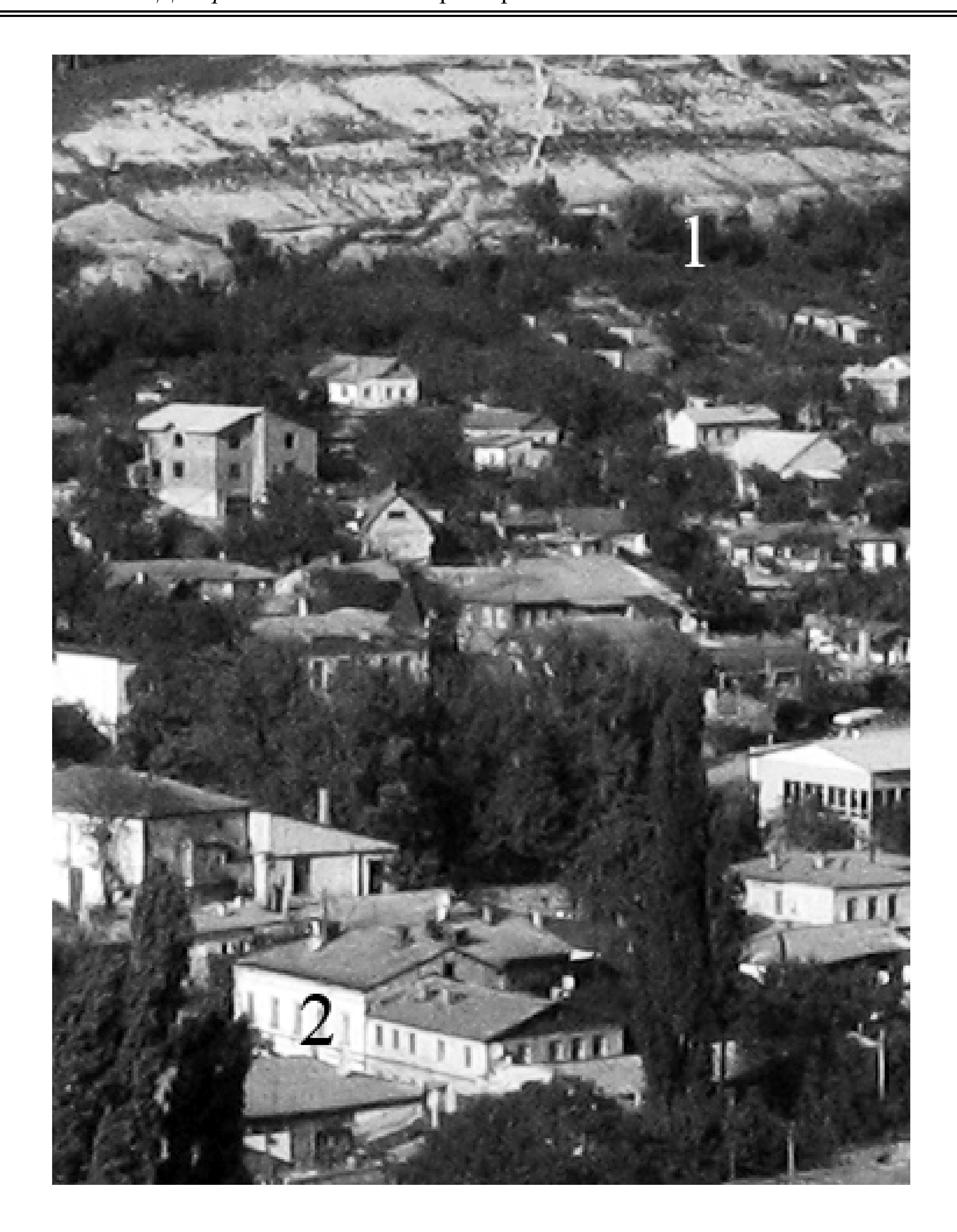


Фото 2. Современный Бахчисарай. Обозначения те же, что на Фото 1



Фото 3. Общий вид пещерного комплекса.

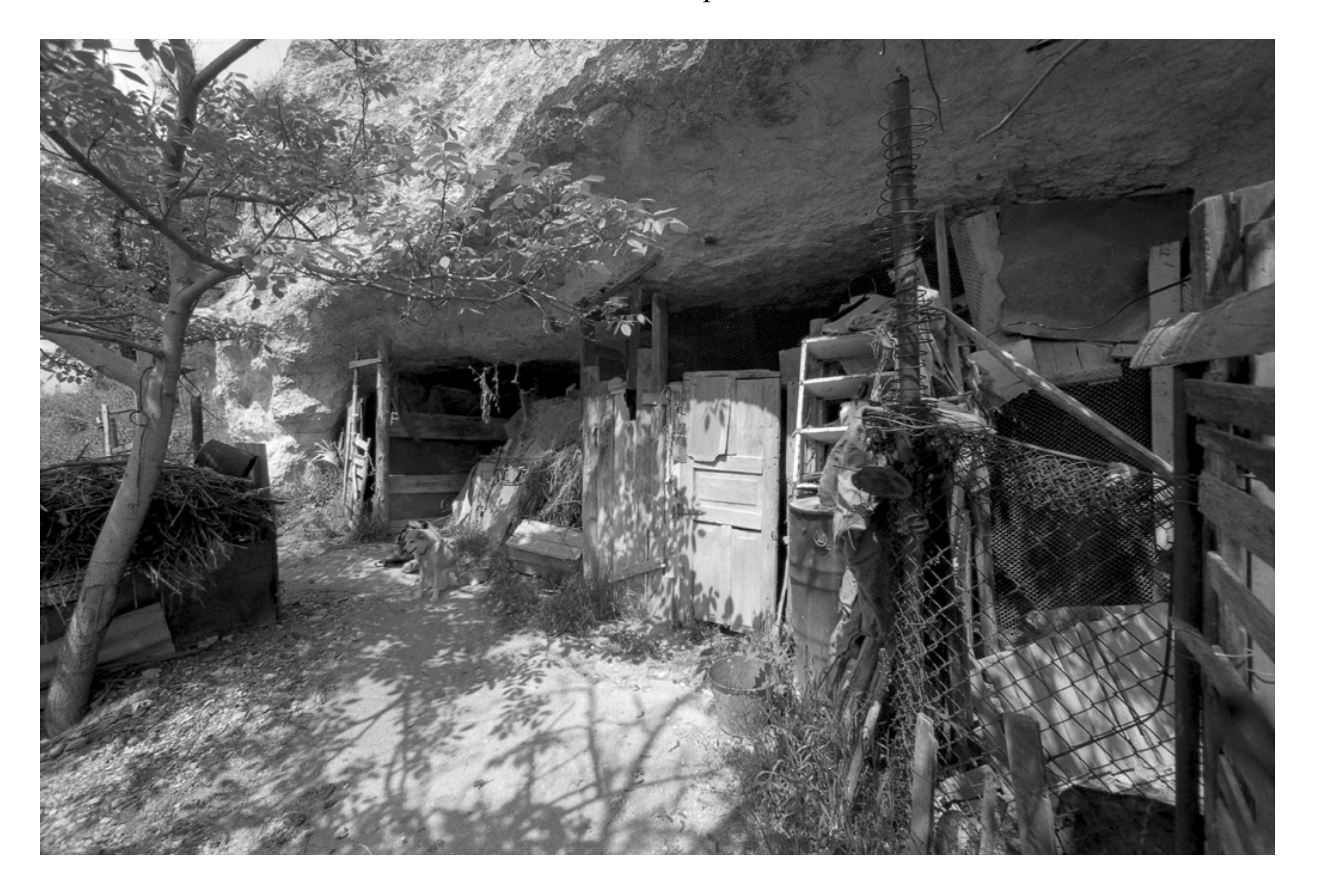


Фото 4. Помещения №1 и №2. Общий вид



Фото 5. Верхняя часть помещения №1

Фото 6. Западная часть помещения №1.
Глубина помещения значительно преувеличена оптикой фотоаппарата

Фото 7. Ниши в северо-западной части помещения №1



Фото 8. Фото. Ниши в северо-восточной части помещения №1

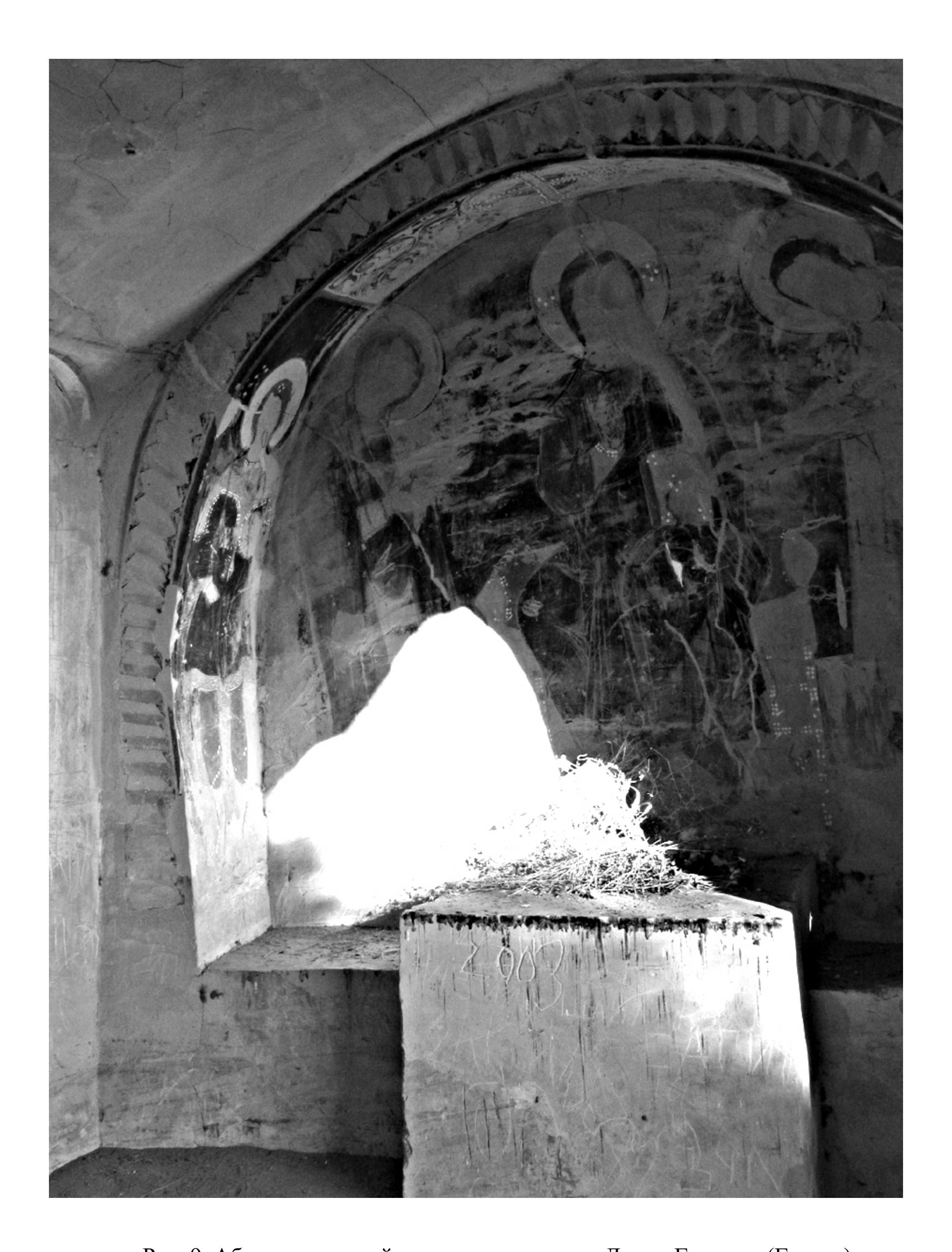


Рис. 9. Абсида пещерной церкви в монастыре Давид-Гареджи (Грузия)

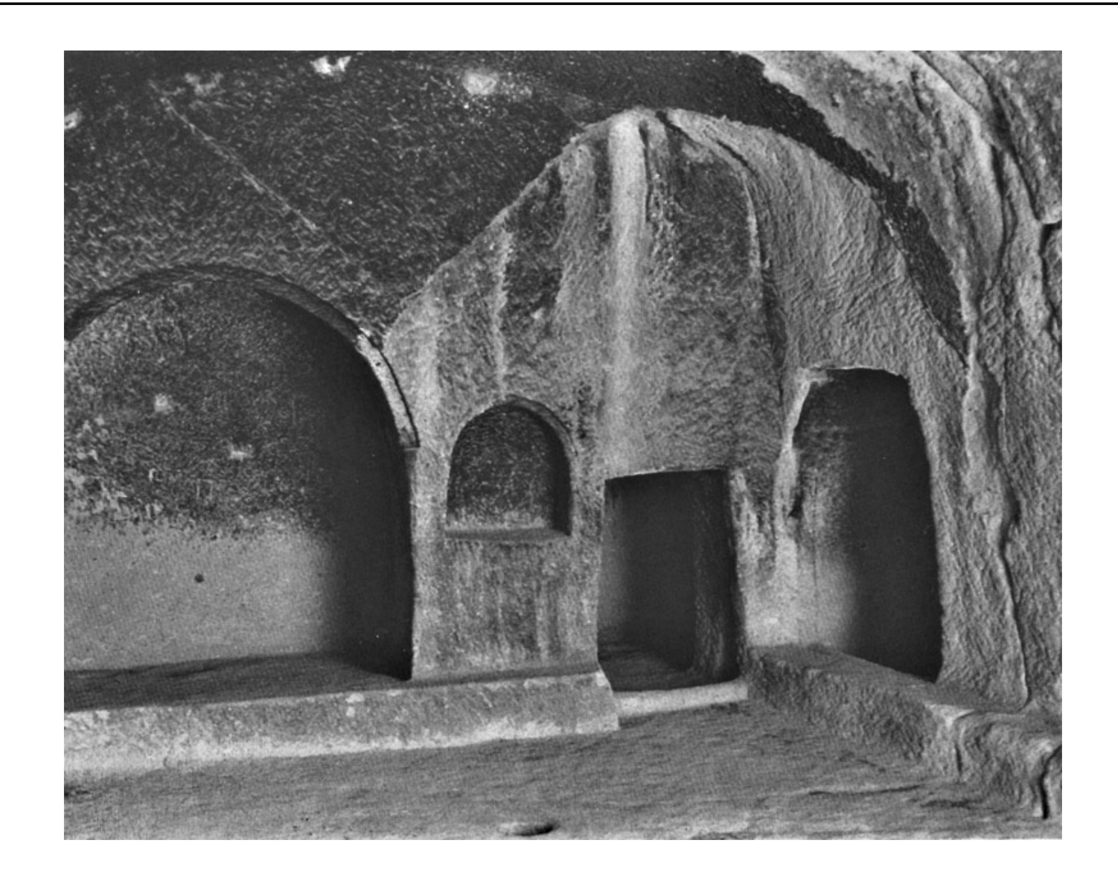


Фото 10. Помещение в пещерном монастыре Вардзиа

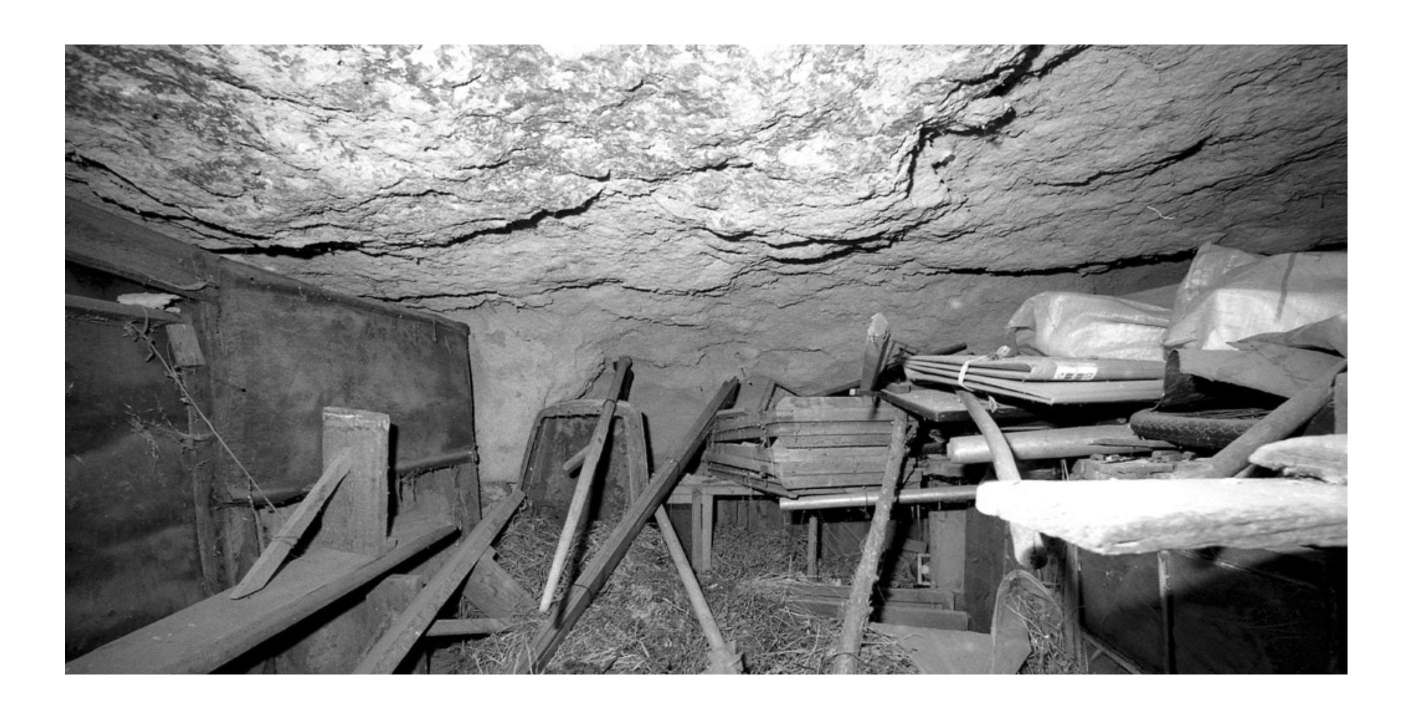


Фото 11. Помещение №2

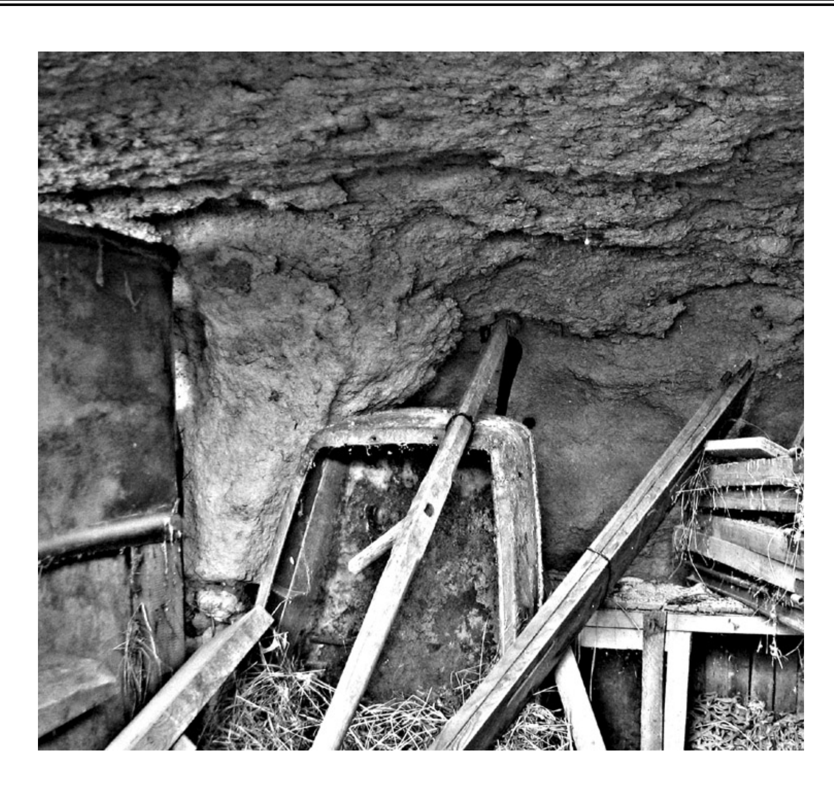


Фото 12. Северо-западный угол помещения №2



Фото 13. Северо-восточный угол помещения №2 (нижняя часть)



Фото 14. Северо-восточный угол помещения №2 (верхняя часть)



Фото 15. Восточная часть помещения №2



Фото 16. Карниз на восточной стене помещения №2

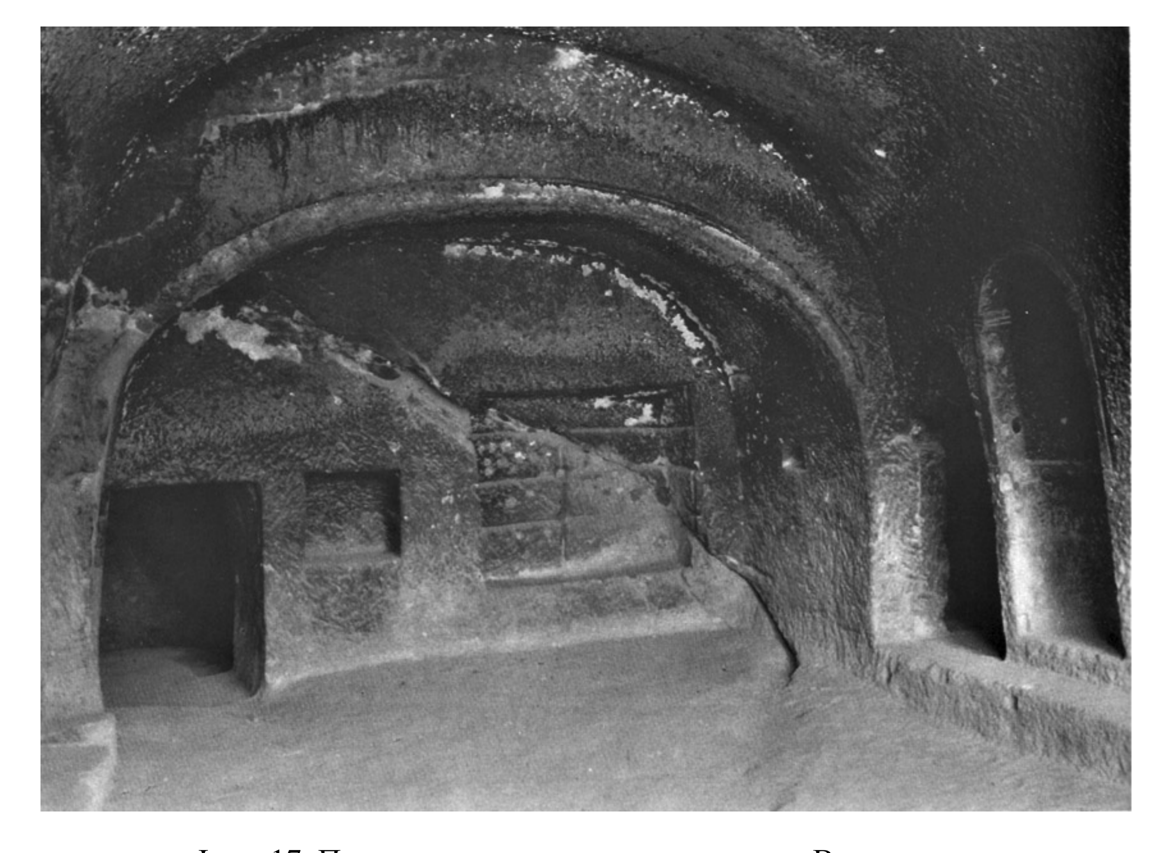


Фото 17. Помещение в пещерном монастыре Вардзиа



Фото 18. Помещение №3

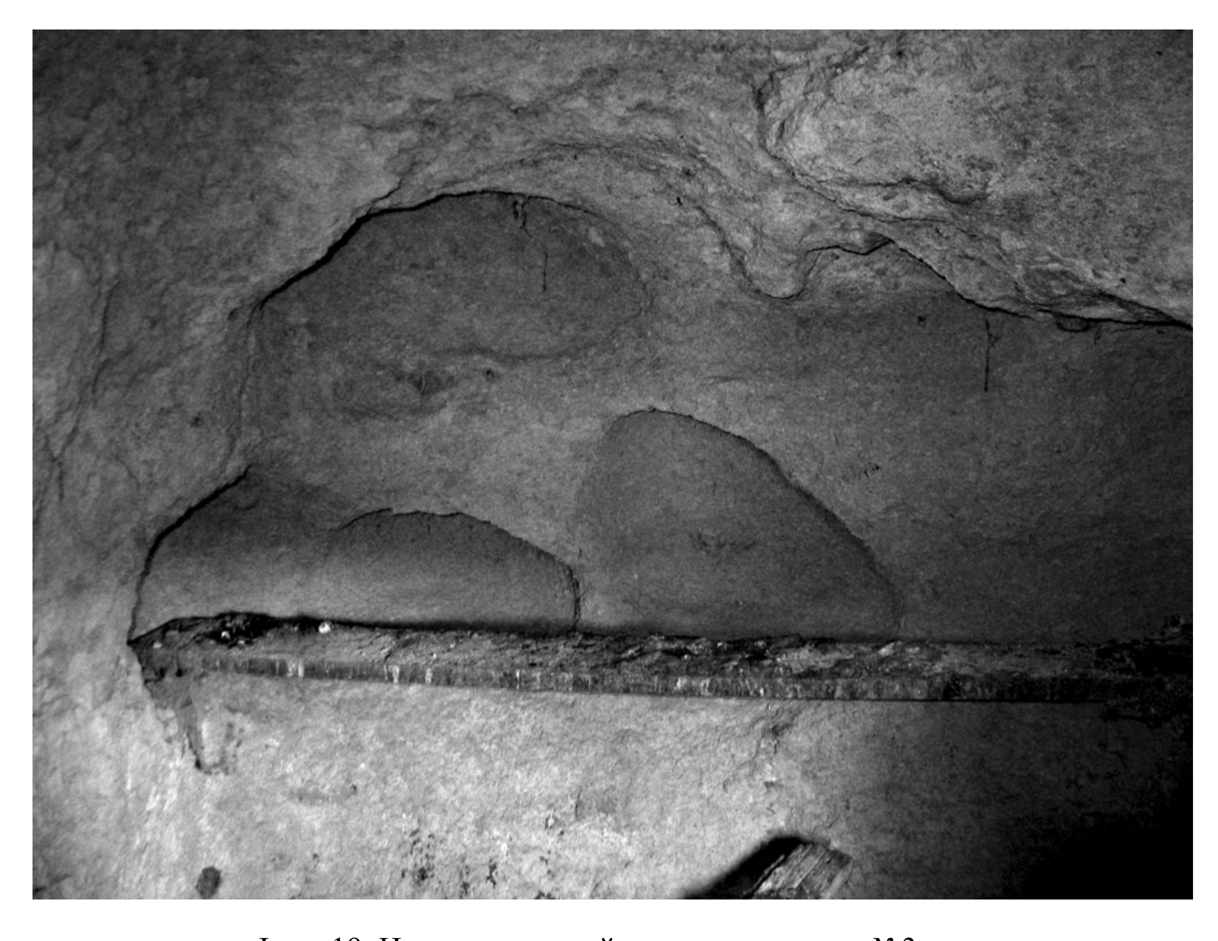


Фото 19. Ниши в северной части помещения №3

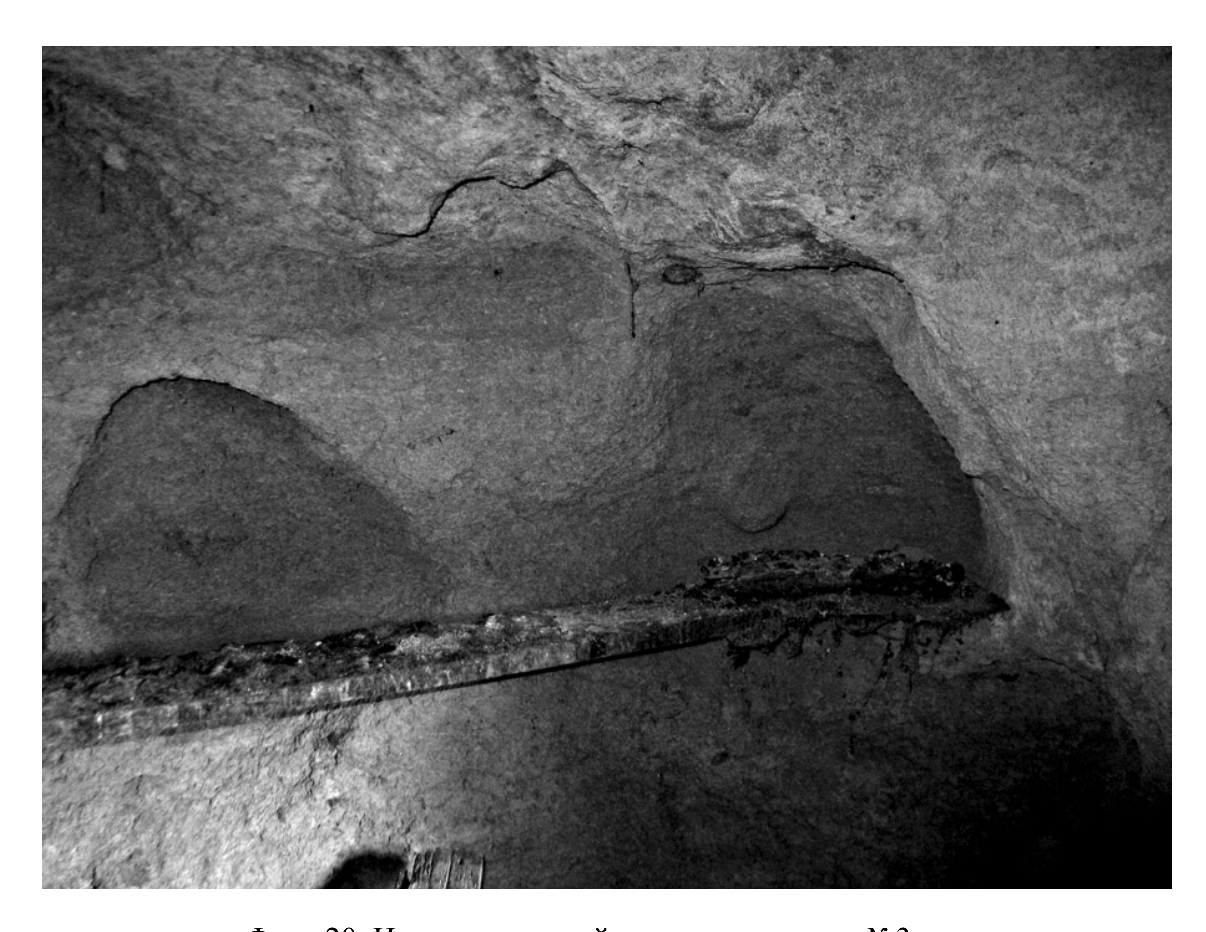


Фото 20. Ниши в северной части помещения №3

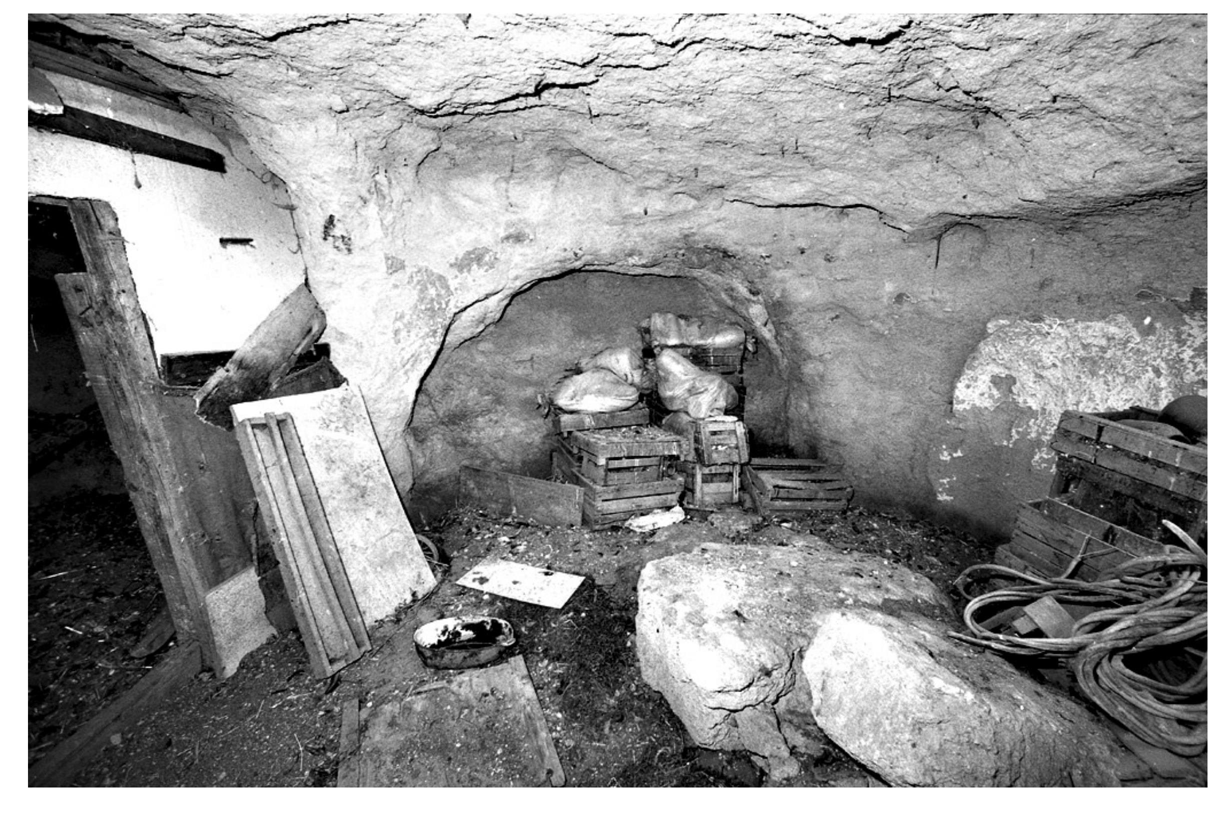


Фото 21. Помещение №4

Фото 22. Восточная стена помещения №4



Фото 23. Помещение №5

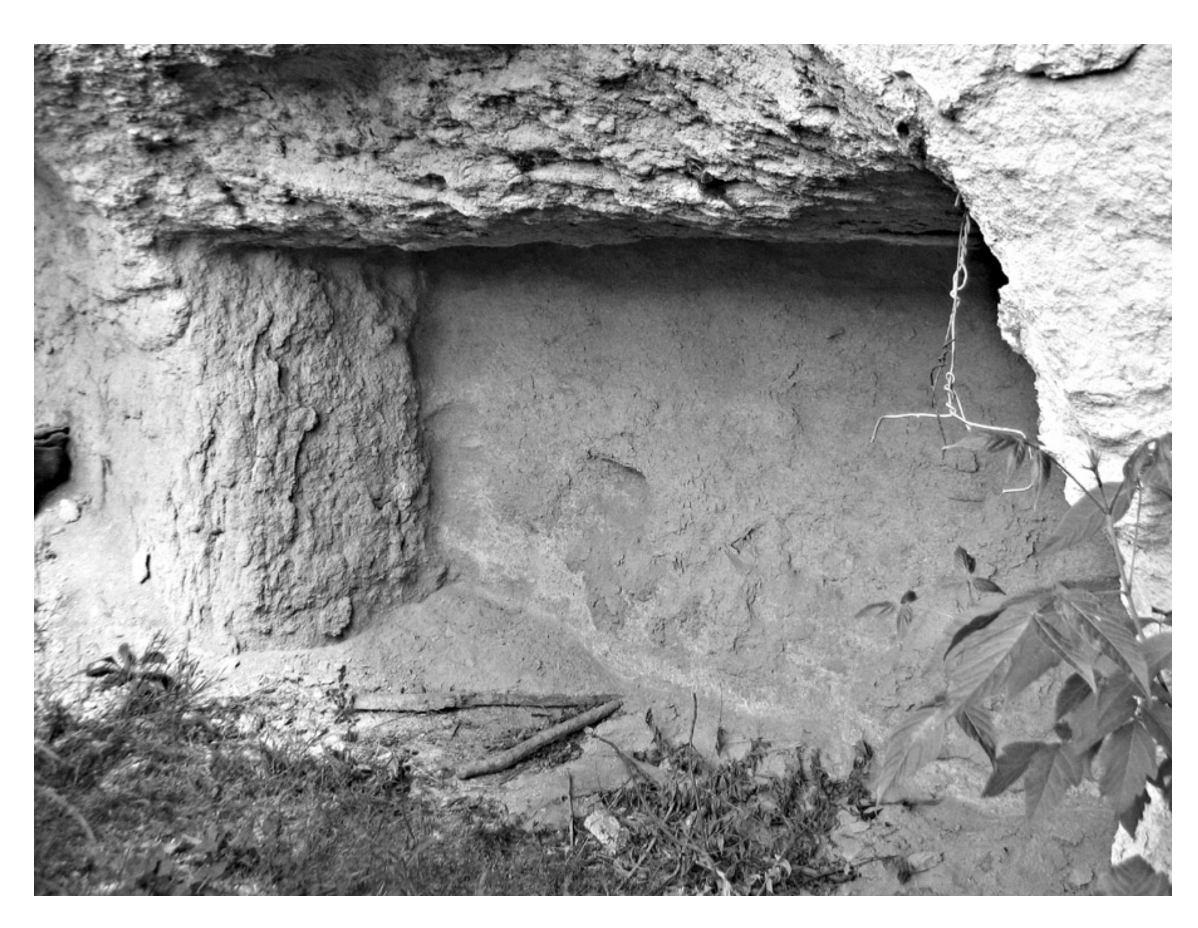


Фото 24. Северо-западная часть помещения №6



Фото 25. Общий вид помещения №6

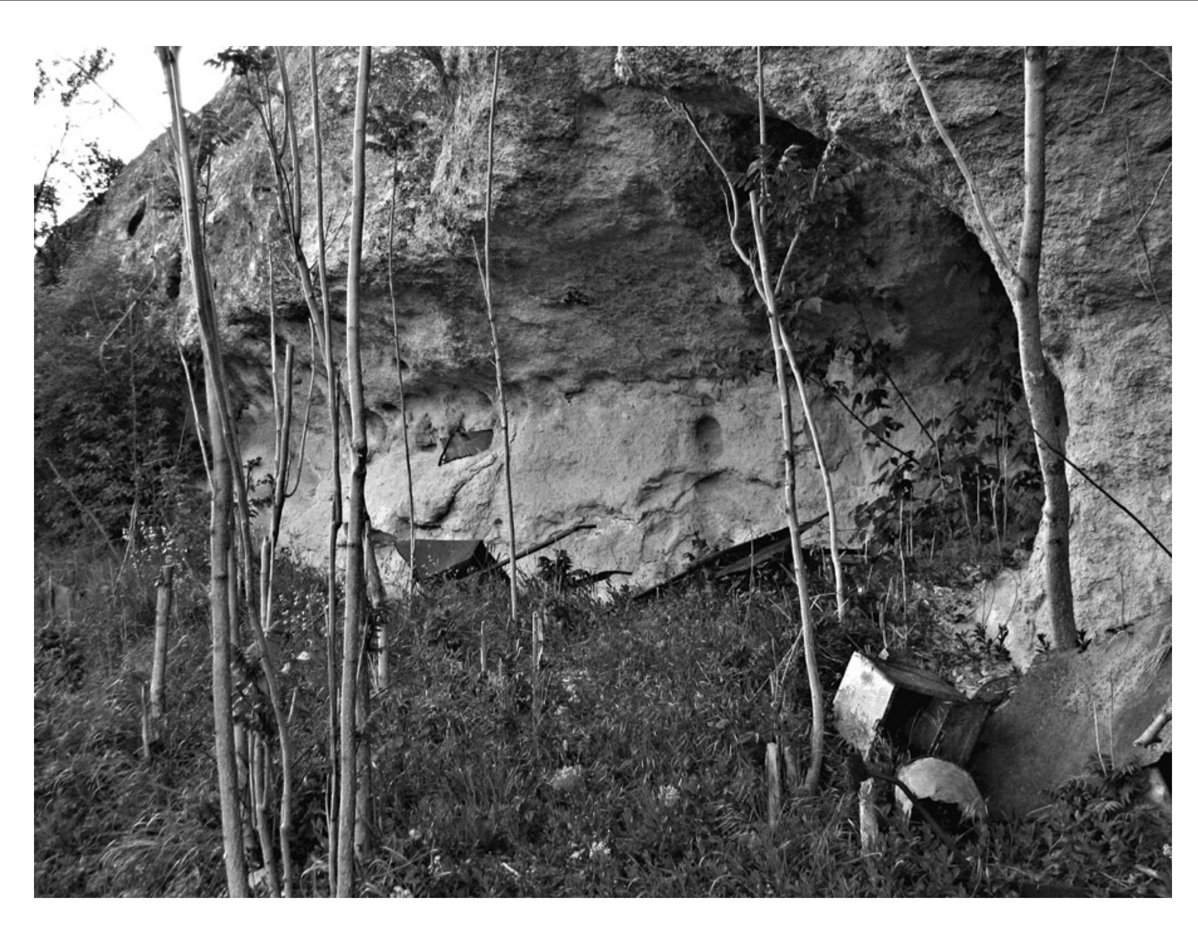


Фото 26. Скальный навес



Фото 27. Естественная пещера



Фото 28. Ниша под скальным навесом



Фото 29. Колодец на участке дома 28а

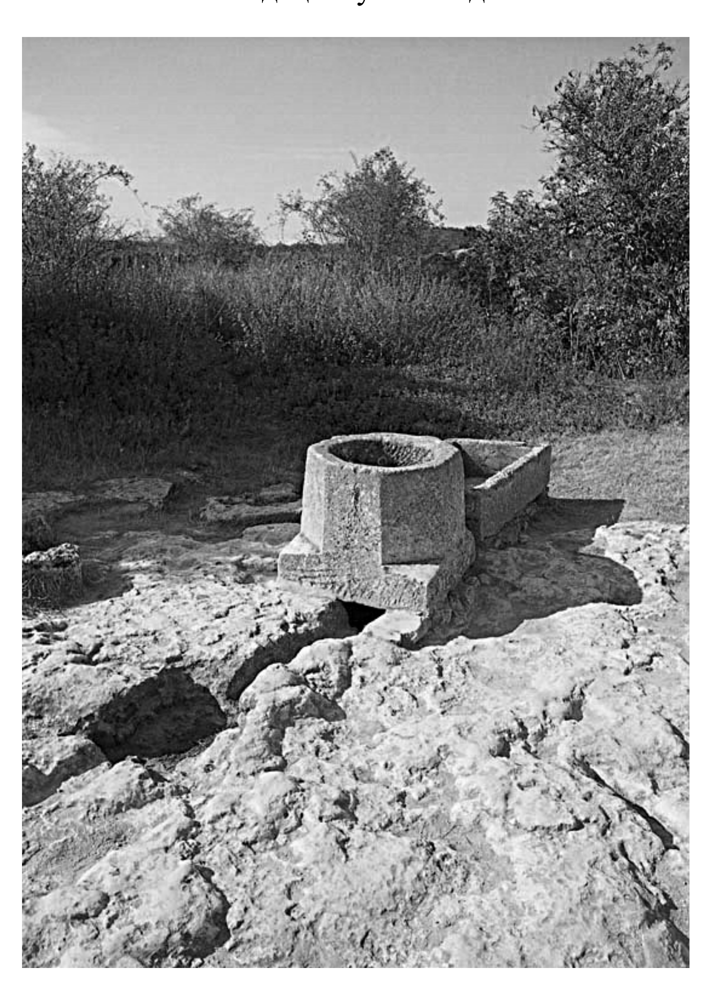


Фото 30. Колодец в Чуфут-Кале



Фото 31. Бутовая кладка на участке дома 28а

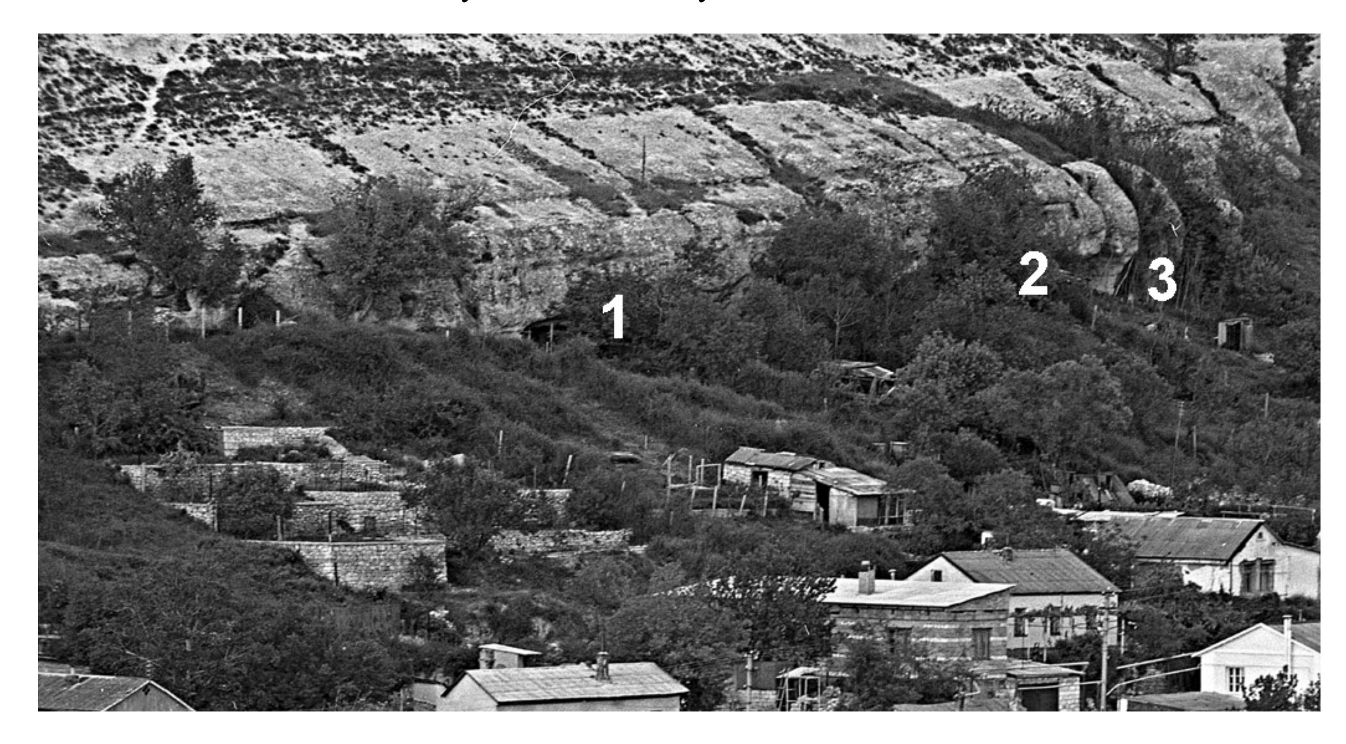


Фото 32. Скальный массив с комплексом предполагаемого монастыря

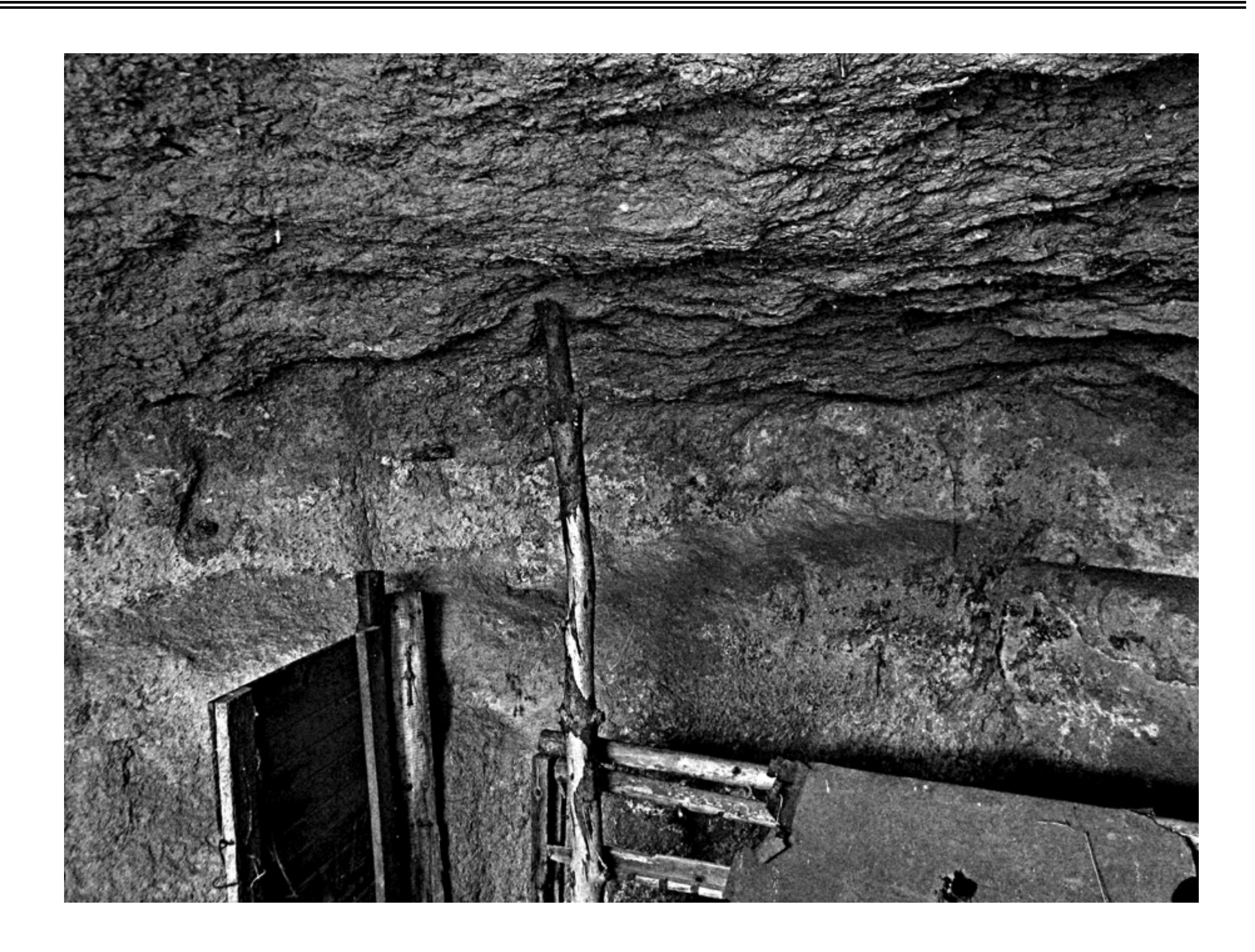


Фото 33. Выделение предполагаемой алтарной зоны в помещении №1

А.М. Байбуртский

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В КИШЛАВСКОЙ КОТЛОВИНЕ. ПОСЕЛЕНИЯ БОР-КАЯ и САЛА

Кишлавская котловина (по названию с. Кишлав (совр. с. Курское) расположена в Юго-Восточном Крыму в межгорье между Главной и Второй грядами Крымских гор (рис. 1). Ее размеры невелики: 10 на 5 км. Котловину орошает река Индол (Мокрый Индол) и два ее правых притока – речки Курт и Суук-Сала. С запада и северо-запада котловина ограничена массивом горы Кубалач (738 м) и вершинами Куляба и Кизил-Таш, с севера – лесистым макросклоном Главной гряды с наивысшей точкой на вершине Таушан-Тепе (771 м). Север котловины замыкает скалистый массив г. Бор-Кая (361 м), а с востока протяженные отроги г. Агармыш (722 м). В рельефе котловины чередуются невысокие холмистые гряды с широкими приречными долинами. Традиционно со времен средневековья сельхозугодия в регионе используются для выращивания садовых и зерновых культур, выпаса скота и под покосы.

Удобных проходов в котловину, через которые в средневековье были проложены дороги для гужевого транспорта, автор статьи насчитал пять (рис. 2). С севера-запада и запада дороги шли из долины реки Кучук-Карасу и города Карасу-Базара, минуя селения Бурундук-Отар и Орталан через ущелья реки Индол. С юга, из долины реки Суук-Су и побережья, попадали в котловину через перевалы Главной гряды и селение Эль-Бузлы [1]. С востока из Старого Крыма горный проход вел через долину и селение Шах-Мурза, а с северо-востока дорога проходила, минуя селение Османчик [2], из армянского селения Нахичеван, стоявшего на крупном торговом пути на равнине под г. Агармыш [3].

С первой трети XIV в., т.е. с начала массовой миграции армян из Аксарая в Крым [4], до переселения христиан российским правительством в 1778 г. [5], в котловине постоянно проживало многочисленное армянское население. По мнению Е. А. Айбабиной *«сельская часть Юго-Восточного Крыма с середины XIII в. была заселена армянским и греческим населением…»* [6]. Автору статьи не известно ни одного памятника в Кишлавской котловине (нарративного, эпиграфического, археологического и т. д.), который без сомнения был бы в этно-культурном плане атрибутирован армянским, и соответственно датирован XIII в. Схожая ситуация наблюдается и на средневековых памятниках соседней Старокрымской долины.

По переписи 1778 г. из трех армянских сел Кишлавской котловины - Сала, Топлы и Камышлык (рис. 2) было выселено 558 человек [7]. С учетом жителей-армян из сел Орталан, Бурундук-Отар и Мелик, общее количество переселенцев достигло 1087 человек., что составило основную массу сельского армянского населения в Крыму [8]. По переселении в 1780 г. на Нижний Дон армяне основали села Чалтырь, Топти (Крым), Мец Сала, Султан Сала, Несвита [9]. В дальнейшем в XIX - нач. XX вв. потомки переселенцев сохраняли свой языковой диалект и народные традиции [10].

До настоящего времени из армянских древностей в Кишлавской котловине детально изучались только церкви Сурб Саргис и Сурб Урпат в Тополевке [11]. Находки последних лет вблизи с. Курское и в с. Грушевка позволяют расширить географию средневековых армянских памятников в регионе.

Краткое описание памятников средневекового поселения Сала

Средневековое поселение Сала (Сале, Суук-Сала, Салы,) (на диал. донских армян «сала» - камень, плита [12]; тюр. «сала» – приток реки, межгорная ложбина, лощина; деревня, село, стоянка, усадьба; азерб. «сал» – большой камень, целый камень [13]) автор статьи, основываясь на двухлетних исследованиях, локализует на правобережье речки Суук-Сала в восточной части современного населенного пункта Грушевка, Грушевского сельсовета, Судакской административной зоны (рис. 1,*1*) [14].

Армянские переселенцы 1778 г. из селения Сала в количестве 224 «душ обоего пола», объединившись с выходцами из мелких сел, в 1790 г. основали в 20 км от г. Новый Нахичевань село Мец Сала [15]. В «Камеральном описании Крыма 1784 года» деревня с таким названием не указана. В «Списке населенных мест Российской империи. Таврической губернии. 1865 г.» значится под № 1681 «Салы (Суук-Салы), село, казенное, русское, при ручье Салы» [16]. Епископ Гермоген в 1887 г. писал о Сале:

«Салы – селение между двумя почтовыми трактами из Симферополя и Феодосии и в Судак: оно окружено горами со всех сторон, кроме северной. Вдоль села – речка Суук-Сала, а в окрестностях – горные ручьи… Салы – слово армянское: в русском переводе – дубняк… По выходу армян, в Салы переселены были отставные солдаты из великорусских губерний: они-то и были родоначальниками нынешних сальских жителей.

Церковь каменная, с такою же оградою, построена в 1792 г. из армяно-католического храма и освящена в честь Знамения иконы Божией Матери, а в 1864 г. расширена постройкой двух боковых приделов» [17].

О.Н. Бадер в 1940 г. сообщил о средневековых древностях в с. Грушевка следующее: «*Близ дер. Салы по указанию членов школьного краеведческого кружка было обследовано место старого турецкого (?) керамического завода, к востоку от деревни, на северо-западном склоне горы Каламбутка. Здесь обнажается слой с массой обломков глиняных сосудов, среди которых встречаются довольно значительные части кувшинов и т. п.»* [18].

На улице Садовой в с. Грушевке сохранилась церковь, значительно перестроенная в кон. XVIII – XIX вв. Она – однонефная, прямоугольная (12.3 на 8.4 м), типа базилики, с пристроенными в 1864 г. с юга и севера прямоугольными (9 на 5 м) приделами (рис. 3). Алтарная часть выступает из общего объема здания значительно опущенным от подкровельного карниза прямоугольным выступом (рис. 4). Внутреннее пространство алтарной части, судя по технике кладки стен и составу раствора, сохранилось с позднего средневековья. Данное предположение подтверждают и особенности конструктивно-планировочного решения, примененные строителями в оформлении интерьера центральной алтарной апсиды с конхой и боковыми приделами. Два боковых алтарных придела (хорана) расположены к северу и югу от центральной апсиды и не связаны с нею проходами. Северный придел, квадратный в плане, со скошенными углами, перекрыт сферическим куполом, выполненным из бутового камня. Южный придел, прямоугольный в плане, представляет двухъярусную конструкцию. Конструктивно близкое решение было использовано зодчим в церкви армянского монастыря Аменапркич в с. Богатое (быв. Бахчи-Эли), при строительстве северного придела обходного восточного помещения [19].

Нижний ярус значительно опущен от уровня пола центральной апсиды и перекрыт плоскими плитами, которые одновременно являются полом верхнего яруса. В него, вероятно, попадали по деревянной лестнице. При входе в верхний ярус заметен вмонтированный в северную стену керамический сосуд (горловиной наружу) – голосник. Алтарная часть освещалось тремя узкими оконцами, расположенными по одному в каждом из алтарных сооружений. Размеры алтарной части по внешнему контуру: южная стена – 318 см; восточная стена – 839 см; северная стена – 314 см. Внутренние обмеры и фотофиксация алтаря не проводились, в этом автору статьи (христианину по обряду Армянской Апостольской Церкви) было отказано местным православным духовенством.

Свод церкви лежит на продольных стенах здания, подпертый двумя полуциркульными арками, которые опираются на пилоны, выдвинутые из западной и восточной стен. В октябре 2004 г. при проведении внутри храма строительных работ в основании юго-восточного пилона был найден фрагмент хачкара (600 Х 280 мм) (рис. 5). На фрагменте сохранилась выполненная в рельефе часть нижней ветви основного креста, с орнаментом. С обеих сторон от ветви креста просматриваются фрагменты полупальмет с малыми крестами. Исходя из сохранившихся размеров памятника, плита с хачкаром достигала высоты одного метра. По стилистическим особенностям декора памятник предварительно датирован XV-XVI вв. [20].

Земляные и строительные работы, проведенные православной общиной на территории, прилегающей к храму в августе 2004 г., открыли ряд средневековых археологических объектов: грунтовое погребение (рис. 6), строительные остатки (трехрядная бутовая кладка и вымостка к западу от церкви) (рис. 7, *1-2*), хозяйственные ямы. Указанные памятники датируются по керамическому материалу и данным стратиграфии разновременно с сер. XV в. до XVIII в.

Интересна находка примерно в 200 м к юго-западу от церкви на приречной террасе мельничного жернова (диаметр 890-900 мм, толщина 190-200 мм) (рис. 8). Жернов выполнен из местного кварцевого песчаника, его рабочая сторона по центру имеет глубокую вырубку в форме креста, замкнутого на внутреннее отверстие(Ø 160 мм). Жернов с берега речки в 2004 г. был перевезен местными жителями за ограду церкви, там он сейчас и находится.

Наличие водяных мельниц в регионе в позднее средневековье подтверждает факт и поныне действующей мельничной канавы в с. Земляничное (быв. Орталан). Армянские кварталы в Орталане занимали восточную

часть селения. Базиликального типа здание церкви не сохранилось, вблизи него находилось здание водяной мельницы. Вода к мельнице поступала за 2 км из скалистого урочища в балке Абдарма по действующему и поныне каналу с акведуками и бассейнами [21]. В Старом Крыму, к юго-востоку от источника св. Пантелеимона, сохранилась вырубленная в скальном наклонном пласте заготовка под мельничный жернов. Ущелье Монастырской речки, берущее начало от родников монастыря Сурб Степанос, после слияния с балкой Биюк-Узень, еще в XIX в. называлось *«овраг Шабан-Дегерман»* [22] (дэгирмэн с тюр. мельница [23]). В ущелье вдоль русла речки на припойменных террасах видны остатки оросительных и мельничных канав и отдельно стоящих строений [24].

Н. В. Рухлов в 1915 г., описывая водные источники в окрестностях села Салы, отметил: *«Правый берег речки около села Салы носит название «Фонтальная гора... Со склонов Фонтальной горы обнажаются выходы родниковых вод; так при сел. Салы находится один водоразборный бассейн, построенный еще в старину греками* [армянами – А. Б.] *…»*[25]. В 300 м к востоку от церкви, на окраине села расположены три действующих родника и водонасосная станция, предположительно, в этом районе и находился, упомянутый Н. В. Рухловым водоразборный бассейн. От него вода по керамическим трубам подавалась и в построенный в 80 м к югу от церкви сельский фонтан (рис. 9). Сооружение фонтана, прямоугольное в плане с декорированным фасадом и глухими стенами, с примыкающим к нему с тыльной стороны колодцем – цистерной. К основанию фасада (западная стена фонтана) примыкает каменное корыто, предназначенное для забора воды и водопоя домашних животных [26]. Описанный тип фонтана в нескольких вариантах был характерен для Крыма в XV-XIX вв. [27]. Судя по надписи на фасаде, фонтан последний раз перестраивался в 1890 г.

В музее средней школы с. Грушевка хранится хачкар с надписью и датой (рис. 10). Точное место находки памятника учителем истории В. П. Реутенко не установлено. Хачкар выполнен на мраморной плите подтрехугольной формы (340x285x80 мм). Рельеф слабопрофильный, горизонтальные ветви креста короче вертикальных, окончание ветвей креста декорированы двумя шишечками. Основанием креста является простой плетеный узел из двойной рельефной полосы переходящий в полупальметы. Верхнее поле рельефа в средокрестье оформлено двумя простыми крестами. Изображение креста заключено в прямоугольную нишу с треугольным навершием. Датирующая надпись вырезана тонкой линией на уровне основания главного креста с двух сторон от него, вне рельефного поля. Посвятительная надпись выполнена в нижней части плиты в два ряда:

- датирующая надпись: ***В году 932 (1483)***

- посвятительная надпись: ***Святое Знамение Христа в добрый (Барекандан?) праздник от Авака и его сыновей***

Очевидно, хачкар сохранил свою первоначальную форму, будучи выполнен на фрагменте привезенной издалека мраморной плиты, он предназначался для вставки в бутовую кладку стены культового здания. Мотивы декора, использованные мастером в оформление рельефа памятника, имеют общие стилистические черты с декором на хачкарах XIV-XV вв. из Каффы [28] и монастыря Сурб Хач.

Пещерная церковь на горе Бор-Кая

Памятник находится в 1,5 км к северо-западу от северной окраины с. Курское (быв. Кишлав) на западном склоне г. Бор-Кая, под скальной стеной (рис. 1,2). Епископ Гавриил в сер. XIX в. описал церковь следующим образом: «*Против Болгарской колонии Кишлавы, на запад, у подошвы высокой горы, называемой Буркое, в одном из обрушившихся с вершины ея огромнейших камней, находится высеченная руками человеческими пещера вышиною 1 саж. 1. 3 /4 арш., шириной 2саж. 1. 1 1/2 арш. и длиною 5 сажень. Посредине ея лежит дикий, обсеченный наподобие жертвенника камень, без надписей. Вход в пещеру с запада»* [29].

О. Н. Бадер в 1940 г. писал о памятнике: *«В 16 км от Старого Крыма обследована пещерная церковь горы Бор-Кая. Снят план пещеры, сделан ее разрез. На полу найдены 2 фрагмента толстостенной глиняной посуды. В шурфе, заложенном у северо-восточного входа, были обнаружены угли и зуб свиньи»* [30].

Церковь высечена в скальном блоке, сползшем по склону горы после обвала навеса скальной стены. Скальный блок рассечен примерно по центру трещиной по направлению

с севера-востока на юго-запад, западная часть памятника смещена и просела по отношению к остальному массиву. С внешней стороны следы подтески имеет только западная стена скалы (рис. 11), в ней устроен дверной проем, оформленный сверху тимпаном и пазы предназначенные для вставки балок кровельной конструкции примыкавшего к церкви с запада притвора. На верхней плоскости скалы сохранились вырубленные в камне водоотводные желоба. Вблизи церкви на отдельно стоящих скалах также сохранились следы подрубок, но их функциональное назначение в силу плохой сохранности и частичной задернованости, неясно.

Интерьер церкви прост, с запада от входа на 4 м протянулся подтесанный в монолите свод неправильной треугольной формы, переходящий в природную залу (рис. 12). В ней в восточной части сохранились алтарный (?) камень и вырубленные в северной стене ниши. Внутренние размеры храма: длина по длинной оси памятника с запада на восток, от входа до престольного (?) камня - 10 м, ширина по поперечной оси с севера на юг колеблется от 220 до 500 см., высота в западной части церкви достигает 240 см.

По сведениям А. В. Гаврилова, внутри церкви в 1990 годы местными жителями был найден хачкар без надписей (Современное местонахождение памятника неизвестно). На южном откосе свода церкви, слева от входа зафиксированы процарапанные на камне простейшие изображения крестов, магендоидов и кругов. Примерно в трех метрах от входа на основании свода сохранилась в две строки надпись, выполненная в небрежной манере (рис. 13). Надпись вырезана в камне тонкими линиями на участке стены 120х130 мм. Левая часть надписи зашифрована (нельзя исключать и графические изображения), в правой части читаются отдельные армянские буквы, схожие по манере написания с буквами из надписей XVII-XVIII вв. из монастыря Сурб Хач [31]. Датировать надпись без расшифровки и прочтения затруднительно, исходя из стилистически выделенных особенностей написания прочитанных букв, предварительно памятник можно отнести к позднему средневековью.

По устному сообщению А. В. Гаврилова, на территории ныне заброшенного сада, расположенного на пойменной террасе р. Индол, примыкающей к юго-западному склону г. Бор-Кая, в 1990-х годах после плантажной вспашки им на значительной площади был собран керамический материал (рис. 1,3). Исследователь датировал керамику XIV-XV вв. Вблизи самой церкви идет сбор как античной, так и средневековой керамики, при этом первая количественно преобладает.

Собранный средневековый материал маловыразителен, и хронологически соотносится с керамикой с поселения на пойменной террасе.

Примечания

1. *Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме* (1666-1667 гг.) / Перевод и комментарий Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999. С. 75; *Административно - территориальные преобразования в Крыму. 1783-1998 гг.*/ Справочник. Симферополь, 1999. С. 112, 114, 195.
2. Жители деревни Османчик в средневековье поставляли ко двору османского султана белый мед, собранный из ульев диких пчел на луговинах г. Бор-Кая. Пчелиные семьи и поныне сохранились на этой скалистой с запада и юга горе. Они лепят свои белые соты на скалах, иногда на высоте 20 и более метров.
3. *Административно-территориальные…* С. 112, 114.
4. *Айвазовский Г.* Заметка о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД. Одесса, 1867. Т.VI. Отд. 3. С.552; Микаелян В. А. История крымских армян. Киев, 2004. С. 17–18.
5. *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917). Ереван, 1996. С. 14–31; *Микаелян В.А.* Указ. соч. С. 137–147.
6. *Айбабина Е.А.* Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. №5. С. 6–16.
7. *Дубровин. Н.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб., 1885. Т.II. С. 713.
8. Там же. Общее количество армян-переселенцев, выходцев из сельской местности, включая Старый Крым, составило 1354 ч. (См.: Там же. С. 711, 713).
9. *Бархударян В.Б.* Указ. соч. С. 33–35.
10. *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998. С. 311, 318-343; *Малхасян А.Г.* Армяно-русский словарь донских (нахичеванских) армян. Корни слов и фамилий. Ростов-на-Дону, 2001. С. 3–5.
11. *Якобсон А.Л., Таманян Ю.А.* Армянская архитектура в Крыму. Ереван, 1992. С. 44–45; *Воронин Ю.С.* Армянские памятники Крыма. Архитектура. Симферополь, 2000. С. 8–9; *Айбабина Е.А.* Указ. соч. С. 6–16.
12. *Малхасян А.Г.* Указ. соч. С. 151.
13. *Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф.* Топонимия Крыма. Часть I. Введение в топонимию Крыма. М., 1995. С. 172.
14. Административно-территориальные… – С. 72.
15. Дубровин Н. Указ. соч. С.713.; Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 34.
16. *Административно-территориальные…* С.195.

[17] *Епископ Гермоген*. Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 396–397.
[18] *Бадер О.* Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма // Труды научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1940. Т.1. С. 157. Рис. 1:26.
[19] *Воронин Ю.С.* Указ. соч. С. 7.
[20] *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV- XVIII веков. Симферополь, 2001. С. 70–71, 149–150. Рис. 12.
[21] *Рухлов Н.В.* Обзор речных долин горной части Крыма. Петроград, 1915. С. 187; *Белинский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Крым. Географические названия: Краткий словарь. Симферополь, 1998. С. 17.
[22] «Старокрымского Армяно-Георгиевского монастыря, всемилостивейше пожалованная земля этому монастырю (1793-1875)» // ГА АРК, ф. № 377, оп. 11, д. 817.
[23] Суперанская А.В. и др. Указ. соч. С. 158.
[24] *Байбуртский А.М.* Средневековые поселения на горе Святого Креста // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции. Киев-Судак, 2006. Т.II. С. 31.
[25] *Рухлов Н.В.* Указ. соч. С. 189.
[26] *Халпахчьян О.Х.* Гражданское зодчество Армении. М., 1971. С. 232.
[27] *Воронин Ю.С.* Указ. соч. С. 12, 21, 29; *Пештмалджян М.Г.* Памятники армянских поселений. Ереван, 1987. С. 49. – Рис. 65 и др.
[28] *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба… С. 62–76, 148–149.
[29] *Гавриил.* Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский // ЗООИД. Одесса, 1846. Т.1. С. 325.
[30] *Бадер О.* Указ. соч. С. 156-157, Рис.1, *24*; 2–3.
[31] *Петросян М.В., Саргсян Т.Э.* Сурб Хач. – Симферополь, 1998. С. 94-102.



Рис. 1. Карта-схема Кишлавской котловины со средневековыми памятниками, описанными в статье:
1 –поселение Сала;
2 – пещерная церковь на западном склоне г. Бор-Кая;
3 - средневековое поселение на припойменной террасе р. Мокрого Индола. М 1:500 м.

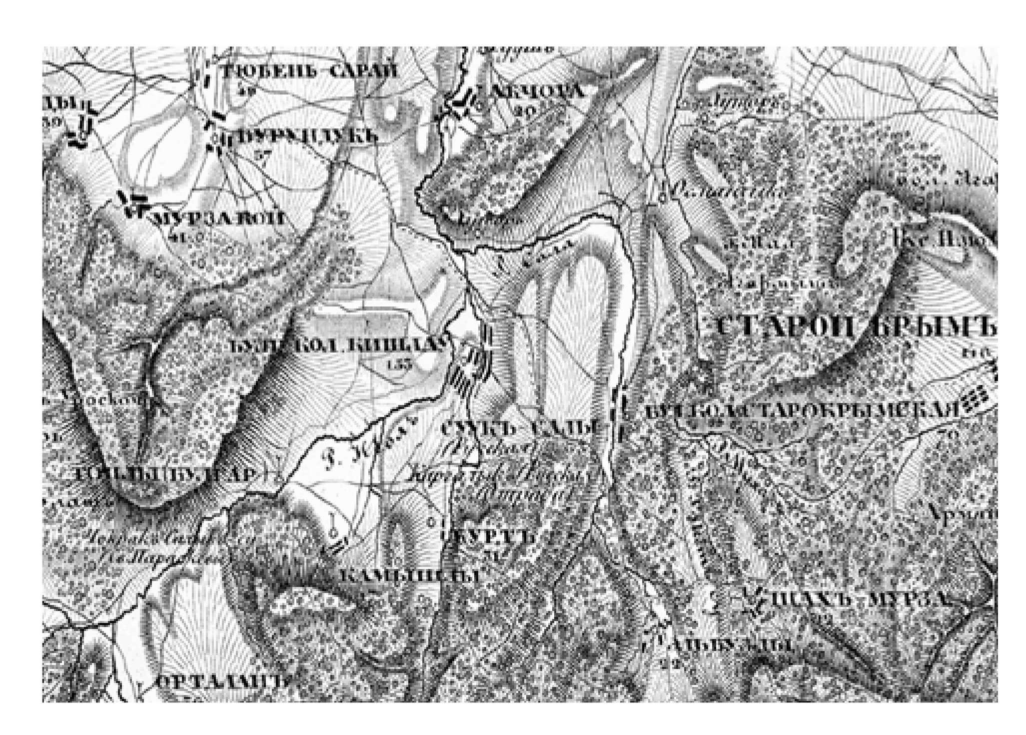


Рис. 2. Топографическая карта Кишлавской котловины XIX в.
Съемка полковника Бетева и подполковника Оберга. М 1дюйм – 1 верста.



Рис.3. Храм в с. Грушевка. Вид с юго-запада.



Рис. 4. Храм в с. Грушевка. Вид на алтарную часть с юго-востока.



Рис. 5. Храм в с. Грушевка.
Фрагмент хачкара из фундамента юго-восточного пилона церкви.



Рис. 6. Храм в с. Грушевка.
Позднесредневековое грунтовое погребение,
открытое на уровне фундамента стены южного придела церкви.

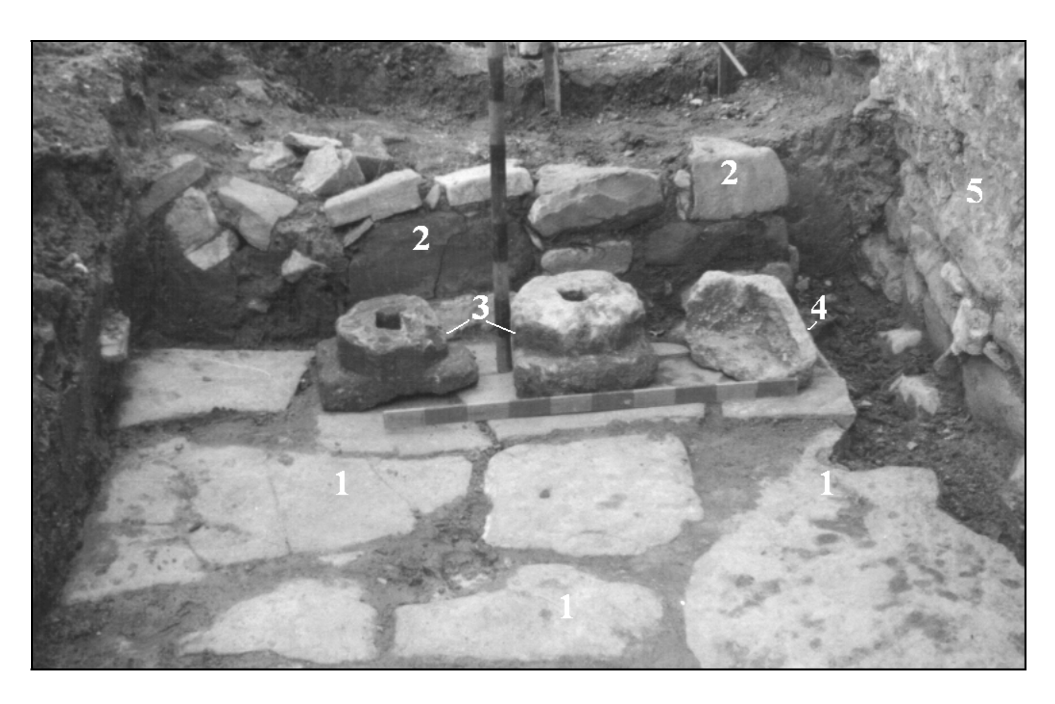


Рис.7. Храм в с. Грушевка. Строительные остатки XVI-XVIII вв. и архитектурные детали, открытые к западу от церкви: 1 - вымостка пола помещения; 2 – бутовая кладка; 3 – база под колонну; 4. – фр-т корыта; 5 – западная стена церкви.

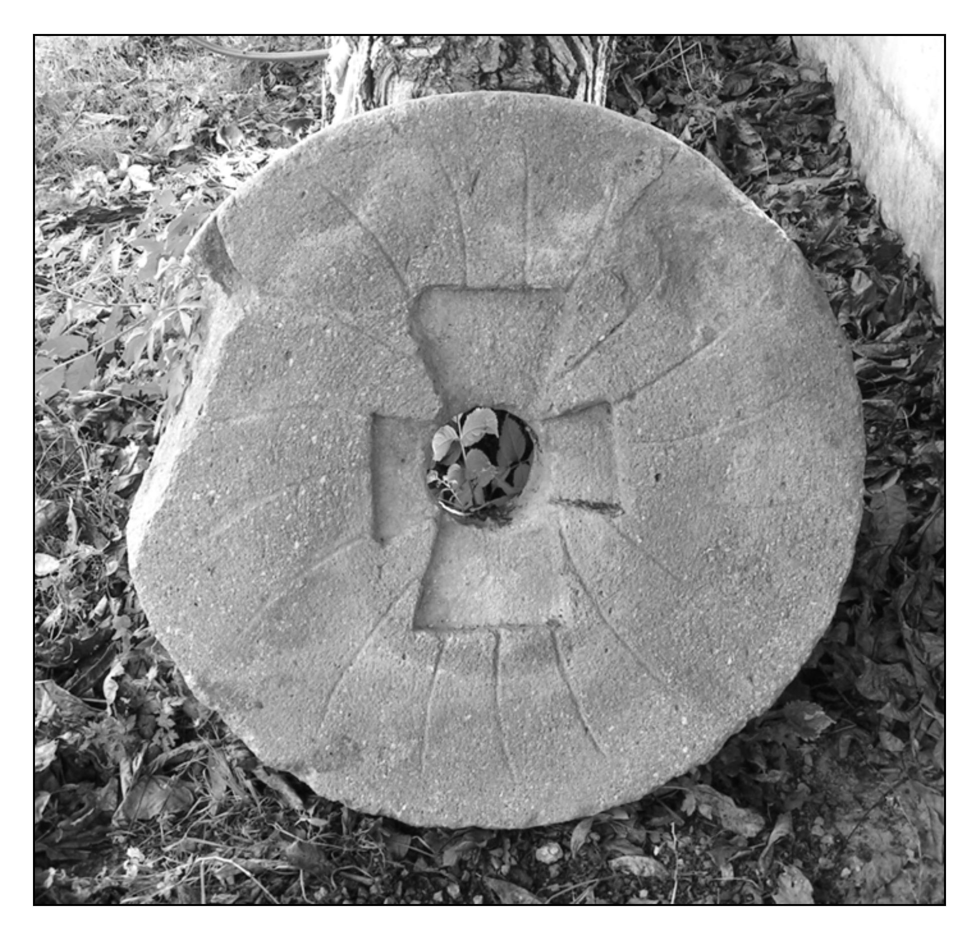


Рис. 8. Грушевка. Мельничный жернов.



Рис. 9. Грушевка. Сельский фонтан.



Рис.10. Хачкар 1483 г. из экспозиции музея средней школы в с. Грушевка.

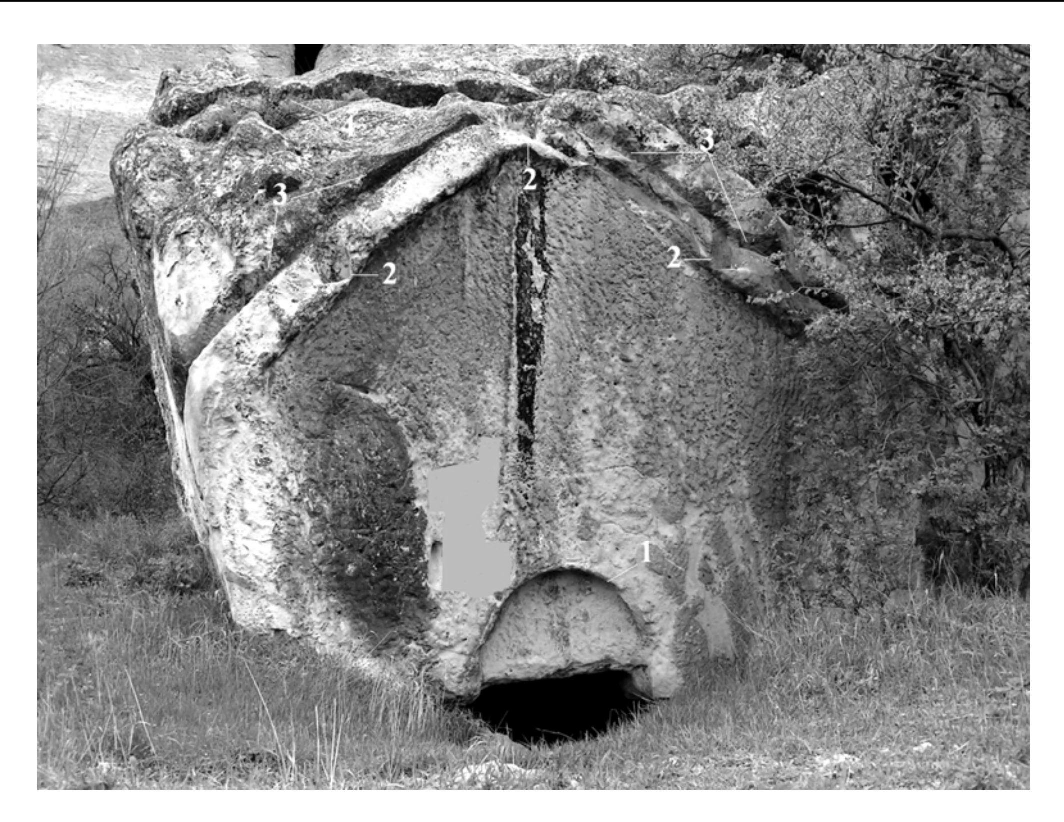


Рис.11. Пещерная церковь на западном склоне г. Бор-Кая.
Вид с запада: 1 –тимпанная ниша; 2 – пазы под балки кровельной конструкции;
3 – водоотводные канавы; 4 – разлом в скальном блоке.

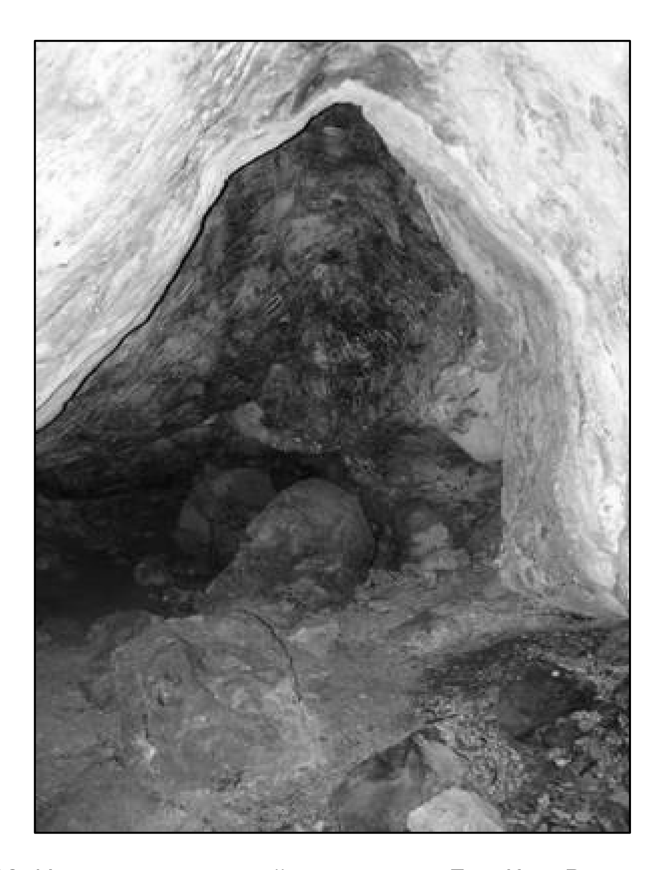


Рис. 12. Интерьер пещерной церкви на г. Бор-Кая. Вид с запада.



Рис. 13. Пещерная церковь на западном склоне г. Бор-Кая.
Надпись на скальном своде храма.

ИСТОРИЯ

В.В. Хапаев

КРЫМСКИЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Автор выражает глубокую признательность своим коллегам С.В. Ушакову и А.С. Краевому за неоценимую помощь в поиске редких материалов и раритетных изданий для подготовки этой статьи.

Вопрос о роли землетрясений в истории Крымского полуострова на протяжении многих десятилетий остается весьма актуальным, хотя и слабоизученным. Как правило, дальше предположений и гипотез дело не идет, а серьезной доказательной базы не появляется. Методология сейсмоисторических исследований в нашей науке до сих пор не создана, поэтому, составить достоверный каталог исторических землетрясений Крыма, по сей день не представляется возможным.

Тем актуальнее проследить ход научной мысли по этому вопросу за последнее столетие, чтобы попытаться отделить факты от мифов и обоснованные предположения от беспочвенных гипотез.

Письменные источники, как древние, так и средневековые, весьма скупо освещают тему исторических землетрясений Крыма. В нашем распоряжении до присоединения полуострова к России имеется лишь шесть не всегда бесспорных свидетельств, нашедших отражение в нарративных источниках. И лишь два из них не вызывают на сегодняшний день сомнений в их достоверности.

Сообщения в письменных источниках о крымских землетрясениях

Первое сообщение о землетрясении в Крыму это - фрагмент текста недошедшего до нас сочинения Феопомпа из Синопы «О землетрясениях», процитированный Флегонтом из Тралл в трактате «Об удивительных явлениях». Сообщение краткое, малопонятное и, по большому счету, курьезное: «*В Киммерийском Боспоре при внезапном землетрясении расселся один холм и выбросил кости огромных размеров, так что сложенный скелет оказался в двадцать четыре локтя длиной, и что окрестные варвары бросили эти кости в Меотическое озеро»* [1].

Ввиду того, что информация в приведенном отрывке носит характер более палеонтологический, нежели сейсмологический, серьезного внимания ученых она никогда не привлекала. Из приведенного текста непонятно даже, идет ли речь о реальном сейсмическом событии или, к примеру, о взрыве грязевого вулкана [2].

Известно, что грязевулканическая детельность может вызывать локальные землетрясения небольшой силы. А.А. Никонов приводит, в частности, описание похожего явления, сделанное П.С. Палласом на основе собранных им устных сообщений кубанских казаков: *«…уверяют, что в 1782 году взорвало одну из тех гор в виду всех жителей города Тамана, с превеликим шумом и треском»* [3].

Второе (по времени написания) сообщение о землетрясении, которое традиционно привыкли относить к Крыму, датируют 63 годом до н.э. Долгое время оно считалось бесспорным и наиболее надежным [4]. Это событие, описанное в источниках как катастрофическое, в XX веке было включено как в региональные, так и в общесоюзные сейсмоисторические каталоги.

Авторами дошедших до нас сообщений были не очевидцы событий, а позднеантичные авторы, пользовавшиеся не сохранившимися на сегодняшний день источниками. Один из них это – Дион Кассий (Cassius Dio Cocceianus. ок. 155 – ок. 235 гг.н.э.), автор «Римской истории» в 80 книгах, другой – Павел Орозий (Orosius. ок. 380 — ок. 420 гг.н.э.), автор «Истории против язычников» в 7 книгах, написанной по указанию Блаженного Августина.

Текст Диона Кассия, повествующий о землетрясении, по-русски звучит следующим образом: «*Так как римские силы неуклонно увеличивали свою хватку и силы Митридата постоянно становились слабее, и также частично потому что одно из величайших землетрясений, когда либо описанных, произошло и разрушило многие из их городов* [*Митридата*], *союзники уходили (вар. отклонялись – В.Х.) и армия развалилась, и были те, кто похитил некоторых из его сыновей и отвез их к Помпею*».

В оригинале отрывок выглядит так: «Οί δ' άλλοι οί συνότες αύτϖ, ώς τά τε τϖν 'Ρωμαίων ίσχυρότερα καί τά τοϋ Μιθριδάτου σθενέστερα άει έγίγνετο (τά τε γάρ άλλα και ό σεισμός μέγιστος δη των πώποτε συνενεχθείς αύτοίς πολλάς τϖν πόλεων έφθειρεν), ήλλοιούντο, και τά τε στρατιωτικά έκινείτο, καί παΐδάς τινας αύτοϋ συναρπάσαντές τίνες προς τόν Πομπήιον έκόμισαν». (Dio Cassius, 37.11.4) [5].

В труде Павла Орозия читаем следующий текст: «*Когда Митридат находился на Боспоре чтобы отметить праздник Цереры, внезапно произошло землетрясение настолько сильное, что это, как говорят, имело катастрофические последствия в городе и сельской округе»*.

Оригинал этого текста написан по-латыни: «*In Bosphoro Mithridate Cerealia sacra celebrante terrae motus adeo gravis repente exortus est, ut magna clades ex eo urbium atque agrorum secuta narretur*». (Orosius 6.5.1) [6].

Ученые, как отечественные, так и зарубежные, вплоть до конца XX века, однозначно относили это событие к Крыму, точнее – к Боспорскому царству. Разрушения в городах и на поселениях Керченского и Таманского полуостровов, фиксируемые археологически с 1945 года и относящиеся к I в. до н.э., традиционно связывали именно с этим землетрясением [7]. В зарубежных сейсмоисторических обзорах оно также отмечалось, хотя и «предположительно», с выражением определенного недоверия [8].

Впервые истинность локализации этого события была поставлена под сомнение группой итальянских сейсмоисториков, изучавших сообщения о землетрясениях прошлого в Крыму в ходе борьбы против запуска в эксплуатацию Крымской АЭС. В обновленный каталог исторических землетрясений Большого Средиземноморья это событие было помещено как сомнительное [9]. В 1995 г. вышла статья итальянского исследователя Гвисто Трайны, целиком посвященная этому землетрясению [10]. На основании тщательного изучения письменных источников (уже упоминавшихся выше трудов Кассия и Орозия, а также – «Истории» Помпея Трога и «Хроники» Иоанна Малалы), автор приходит к выводу, что локализация землетрясения, связанного с событиями Третьей Митридатовой войны, была осуществлена неправильно.

Г. Трайна указывает: в процитированных выше отрывках из сочинений Диона Кассия и Павла Орозия не говорится о том, что землетрясение произошло на Боспоре, когда там находился Митридат; а сказано, что землетрясение случилось, когда Митридат пребывал на Боспоре. А где оно произошло, из указанных источников понять нельзя [11].

Опираясь на данные Помпея Трога, сообщавшего в связи с событиями последнего этапа войны о разрушительном землетрясении, случившемся в Сирии, автор статьи настаивает на том, что и Кассий с Орозием говорили о сирийском событии, во время которого Митридат действительно находился на Боспоре. Из «Истории» Помпея Трога автор цитирует следующий пассаж: «*Хотя Сирия была защищена от вражеских атак, она была опустошена землетрясением, которое убило 170 тысяч человек и разрушило многие города. Гаруспики объявили, что это знамение предсказывает изменение положения вещей*» («*Sed sicut ab hostibus tuta Syria fuit, ita terrae motu vastata est, quo centum septuagenta milia hominum et multae urbes perierunt. Quod prodigium mutationem rerum portendere aruspices responderunt*» (Pomp. Trog. apud Iust. Epit. 40.2.1)) [12].

В труде Малалы автор статьи обнаружил сообщение о том, что Гней Помпей, находившийся в то время в Сирии, организовал восстановление антиохийского булевтерия, разрушенного, по мнению автора статьи, тем самым землетрясением [13].

Датировка сирийского землетрясения в источниках отсутствует, поэтому автор, сравнивая источники по истории Митридатовых войн, датирует его 65 г. до н.э.

Археологические свидетельства, обнаруженные на Боспоре, Г. Трайна не комментирует, предпочитая сразу формулировать жесткие выводы: «*Конечно, такая гипотеза имеет право на существование, но она остается сомнительной и не может быть поддержана без надлежащих исследований, основанных на методологии сейсмической археологии*» [14], или (в конце публикации): *«…мы отклоняем крымскую гипотезу как результат «провинциальной» интерпретации реальности. Этот пример подтверждает необходимость признать отсутствие сугубо региональных перспектив у исторической сейсмологии, по крайней мере, для событий ранее 1500 г.н.э.*» [15].

Таким образом, событие, казавшееся «константой», на которой строились как датировки археологов, так и выводы историков, поставлено под сомнение. Для того чтобы согласиться с мнением Г. Трайны или опровергнуть его, потребуются новые исследования специалистов в области истории и археологии Боспора.

Третье сообщение нарративного источника о Крымском землетрясении абсолютно бесспорно, т.к. сделано оно очевидцем события. Речь идет о заметке на полях греческого синаксаря из Судака (Сугдеи, Солдайи), датированной 1292 годом. Заметка

– следующего содержания: «*В лето 6800. В тот же день в третий час ночи тряслась земля»* [16]. Заметка сделана на поле книги возле минеи, относящейся к 28 января. Летосчисление – по Константинопольской эре.

Несколько слов о самом источнике [17]. Приписки к минеям, написанным уставным письмом XII века на пергамене, делались в Судаке чернилами на протяжении нескольких столетий (вплоть до 1418 г.). Сохранность приписок различная. На некоторых не читается год, день или часть фразы. Однако большинство записей вполне читаемы. Подавляющее большинство приписок являются констатациями естественных смертей горожан: мужчин и женщин, черного и белого духовенства. Таких записей (среди читаемых) – 151. Причина смерти в большинстве случаев не указывается. Лишь однажды (19 декабря 6927 (1419) года) автор рассказывает в нескольких строках трагическую историю гибели человека от холода: «*В эту ночь лишился жизни, скончавшись от холода, в 9-м часу ночи, не знаю, каким образом, бедный отец наш Иоанникий, эконом, сын попа Ильи*»[18].

Случаи насильственной смерти упоминаются крайне редко, фактически – один раз, в записи от 28 мая 1278 года, когда многих горожан убили татары.

Записи иного содержания можно разделить на следующие тематические рубрики:

- **Рукоположение священнослужителей** – 2 записи;
- **Поминовение святых** (в основном – местночтимых, архиепископов Сугдеи, но есть и другие. Например – русских святых Бориса и Глеба) – 13 записей;
- **Освящение храмов или их частей** – 4 записи;
- **Приход татар** (видимо, под стены города) – 5 записей (не считая упомянутого массового убийства, учиненного татарами в 1278 году);
- **Уход татар** (источник называет это «очищением») – 2 записи (одна датирована 1249 годом, другая, связанная со снятием осады города ханом Узбеком, не датирована);
- **Осквернение христианских святынь мусульманами** – 1 запись;
- **Констатация политических событий в византийском мире** – 2 записи (1254 г. о взятии Синопа императором Трапезунда Мануилом Комнином, и 1261 г. о взятии Константинополя императором Никеи Михаилом Палеологом).

Есть несколько записей молитвенного и нравоучительного характера, говорится о праздновании некоторых религиозных праздников с неподвижной хронологией.

Среди всех вышеперечисленных записей особую тематическую группу составляют заметки, датированные 1291-1292 годами. Они явно сделаны одним автором. Причем, этот человек не просто любознателен, он – настоящий средневековый ученый. Дважды (в 1291 и 30 июня 1292 года) он упоминает лунное затмение; в другой записи, относящейся к 1292 году, рассказывает о **юбилее Сугдеи** (1080 лет), основанной, по его словам, в 212 г. В ряду этих же записей стоит и вышеприведенное упоминание о землетрясении. Чувствуется, что автор целенаправленно фиксирует удивительные природные явления, а заодно и интересные даты. Именно 1292 годом датирована единственная запись о праздновании Пасхи, пришедшейся на такое-то число. Известно, что вычисление пасхалий – также непростая научная задача. Любопытно, что в иные периоды времени природное явление упомянуто в приписках лишь однажды – затмение (видимо, солнечное), в 1261 году.

Из всего вышесказанного следует обратить внимание на следующее:

1. Сообщение о землетрясении сделал человек, интересующийся природными явлениями.
2. На протяжении трех столетий составления приписок лишь однажды, в конце XIII века, появляется несколько записей естественнонаучного характера. (Возможно, что и сообщение о затмении 1261 года сделано тем же автором в более молодые годы).

Изучив сообщения о землетрясении 1292 года, можно прийти к следующим выводам.

1. Поскольку приписок в синаксаре очень много, и подавляющее их большинство сообщает о смерти людей (около 80%), а в сообщении о землетрясении чья-либо смерть не упоминается, жертв в Судаке и его ближайшей округе, скорее всего, не было.
2. Спокойный тон сообщения указывает на то, что каких-либо разрушений тоже, скорее всего, не было. Природное явление заинтересовало автора как таковое, наряду с затмениями Луны.
3. Указание на время события (третий час ночи) позволяет предположить, что землетрясение было достаточно сильным, чтобы разбудить и напугать людей. Поэтому силу сейсмического воздействия на район Судака можно оценить примерно в 5±1 баллов по шкале MSK-64.
4. Это сообщение является единичным. У нас нет иных сведений о землетрясении 28 января 1292 года. Поэтому мы не имеем возможности говорить ни о его эпицентре, ни о магнитуде, ни о разрушительной силе. Возможно, что землетрясение было небольшой силы, и его эпицентр находился близ Судака. Возможно, оно было более сильным, даже разрушительным, и его

эпицентр находился к западу или востоку от Судака. Однако, учитывая любознательность автора сообщения, вряд ли он не упомянул бы об этом.

ЧЕТВЕРТОЕ упоминание Крымского полуострова в связи с землетрясением приведено в труде Н. Мурзакевича «История генуэзских поселений в Крыму» [19] со ссылкой на византийского историка Георгия Кедрина. В сноске на страницах 26 и 27, вне связи с основным текстом, Н. Мурзакевич пишет следующее: «*Кедрин III, 91 под 1341 годом упоминает следующее происшествие: “**в продолжение сего (т.е. 1341 года – Н.М.) Византия подвержена была страшному и долговременному землетрясению, которое досязало самого Крыма. В то же время случился там необыкновенный потоп, при коем свирепствующее море выступило из своих берегов на десять вёрст и причинило вред неописанный**”. – Вот эпоха естественных переворотов южного берега Крыма*» (см. рис. 1) [20].

Данную цитату автор приводит по третьей части издания (на сегодняшний день исключительно редкого) «Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия, собранных Георгием Кедриным и другими…» [21]. Эта информация, воспринимаемая многими историками и сейсмологами на веру (об этом см. ниже), при внимательном изучении, вызывает множество недоумённых вопросов.

Во-первых, как мог Георгий Кедрин, живший на рубеже XI-XII веков, описывать события XIV века? Во-вторых, почему под 1341 годом «страшного и долговременного» землетрясения не упоминают реально жившие тогда авторы? В третьих, как мог Георгий Кедрин называть Таврический полуостров Крымом, если этого слова тогда еще не существовало?

Ответить на эти и множество других вопросов, порождаемых сообщением «псевдо-Кедрина», можно лишь тщательно изучив источник информации – оригинал «Деяний церковных…». До наших дней это издание дошло в единичных экземплярах. Даже в Российской государственной библиотеке [22] доступен только микрофильм второго (Московского, 1802 г.) издания «Деяний…» [23], т.к. оригинал находится в неудовлетворительном техническом состоянии. Тем не менее, получить доступ к книге и изучить ее удалось. Представленный в ней текст не является переводом. Это – вольный пересказ ромейской истории, выполненный на основе ряда византийских исторических сочинений. Источников информации «переводчик» И. Иванов не указывает, какими изданиями или рукописями он пользовался для перевода, также не сообщает. Рубрикация выполнена по столетиям. Интересующий нас текст о землетрясении помещен в раздел «столетие четвертоенадесять» в контексте событий, связанных со смертью Андроника III Палеолога в 1341 году и начавшейся борьбой за власть между Иоанном Кантакузином и сторонниками Иоанна V Палеолога.

Поскольку автор «Деяний церковных…» пишет о Кантакузине исключительно в комплиментарном ключе, ясно, что именно «История» [24] этого императора-мемуариста легла в основу данного раздела «Деяний…» [25]. Сообщение о землетрясении в контексте событий 1341 года автор приводит в отдельном абзаце, отделенном широкими пробелами. Этот абзац плохо соотносится по смыслу с содержанием текста, расположенного выше и ниже (см. рис. 2). Поэтому, при чтении возникает ощущение, что этот отрывок опирается на иной источник информации. Известно, что о землетрясении как знамении, предвещавшем смерть Андроника III, пишет оппонент Кантакузина Никифор Григора. Сравним текст из «Деяний…» и «Римской истории» Григоры.

Таблица 1.
Сообщения о землетрясении 1341 года

Текст о землетрясении 1341 г. из «Деяний церковных…» [26]	Текст о землетрясении 1341 г. из «Римской истории» Н. Григоры [27]
В продолжение сего Византия подвержена была страшному и долговременному землетрясению, которое досязало самого Крыма. В то же время случился **там** (где – в Крыму или Византии? – В.Х.) необыкновенный потоп, при коем свирепствующее море выступило из своих берегов на десять вёрст и причинило вред неописанный.	IX. 14.: Но пора нам сказать и о смерти старика-царя, которую предвестили многие предзнаменования. Они были следующие. Во-первых — затмение солнца, предупредившее его кончину на столько дней, сколько лет протекло всей его жизни. Затмение солнца было сменено затмением луны; а это затмение — **землетрясением**, случившимся в тот самый вечер, в который христиане, по древнему обычаю, совершали память соименного царю Антония. Потом, двенадцатого февраля, в тот самый день, который вечером имела последовать его неожиданная кончина (Андроника III – В.Х.), подул сильнейший южный ветер, **и море так разъярилось, что, выступив из своих границ, оно разбило волнами во многих местах восточные стены Византии, обращенные к морю, расшибло на этой стороне много ворот и, ворвавшись в город, точно неприятель, затопило здесь много домов**. Тогда же попадало много железных крестов, водруженных на храмах,— так были сильны порывы ветра. В тоже время упала и колонна, с давних пор стоявшая пред храмом сорока мучеников; будучи от пожара повреждена у основания, она заставляла проходящих бояться, что вот-вот упадет, и наводила на них страх недаром.

Приведенный отрывок из трактата Григоры повествует о землетрясении в ряду нескольких природных явлений, из которых первые были просто «зловещими» (лунное и солнечное затмения), а последние (буря и наводнение) оказались по-настоящему разрушительными. К какой категории причислить землетрясение? Принесло ли оно реальные бедствия или только напугало? Вероятнее второе предположение, т.к. о разрушениях в связи с подземным толчком автор не сообщает. Кроме того, землетрясение и буря были не одновременными. Сейсмический толчок произошел 17 января («в день св. Антония»), а буря – 12 февраля. Падение храмовых крестов и колонны также произошло из-за порывов ветра, а не от подземных толчков.

Таким образом, можно констатировать следующее.

1. Достоверных сведений из надежных источников о разрушительном характере землетрясения 1341 года в Византии у нас нет.

2. Информация о «*страшном долговременном землетрясении, досязавшем самаго Крыма*», является следствием некачественного перевода или, точнее, недобросовестного пересказа И. Ивановым информации из труда Никифора Григоры «Римская история», ничего общего с «Обозрением истории» Георгия Кедрина не имеющего. «Переводчик» механически соединил информацию о разных природных явлениях (землетрясении и буре) в одно событие. При этом он явно не имел в виду, что потоп «в то же время» случился в Крыму. Слово «там» в тексте «Деяний…» относится к Византии (т.е. Константинополю), что полностью согласуется с информацией подлинного источника.

3. Откуда И. Иванов почерпнул сведения о том, что землетрясение достигло Крыма, мы не знаем. Вероятнее всего, он это придумал, т.к. писать о Тавриде, присоединенной к России за 11 лет до первого издания «Деяний…», было тогда модно. А аккуратностью и добросовестностью «переводчик» И. Иванов, приписавший Георгию Кедрину труды множества других византийских историков, явно не отличался.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод. Информация о том, что Константинопольское землетрясение 1341 года было «страшным и долговременным», достигло Крыма и вызвало на полуострове потоп, является следствием неверного прочтения источника и должна быть признана полностью недостоверной.

Пятое сообщение о крымском землетрясении для нашего полуострова уникально. Оно написано современником событий, подробно и эмоционально, с точным указанием дат и, кроме того – в развитии, что позволяет проследить сейсмическое событие во всей его продолжительности, включая многочисленные афтершоки.

Речь идет о дневниковых записях первой половины XVII века, составленных жителем Каффы (точнее, турецкого Кефе) Хачатуром Кафаеци. Этот дневник хранится в настоящее время в Матенадаране (Ереван), и на языке оригинала был впервые опубликован в 1951 г. [28].

Переложение его фрагментов, содержащих сведения о землетрясениях на русский язык (в переводе Л.А. Ханларян) впервые опубликовал и прокомментировал с сейсмологической точки зрения А.А. Никонов в 1986 г. [29]. Ранее феодосийские землетрясения XVII века упоминал В.А. Степанян [30], но в официальном каталоге было опубликовано лишь одно из этих землетрясений – самое сильное, произошедшее 5 июня 1615 года [31]. Приоритет полной публикации и оценки события принадлежит А.А. Никонову.

В дневнике Хачатура Кафаеци говорится о 9 землетрясениях, произошедших в период с 1615 по 1656 год. Главным было событие 5 июня 1615 года. По оценке А.А. Никонова, его магнитуда составила 6,0±0,5, бальность (по MSK-64) 8,0±0,5. Очаг землетрясения, по мнению исследователя, находился под дном Черного моря на глубине 10-20 или 30-40 километров [32].

Х. Кафаеци так описывает это, одно из самых мощных в Крымской истории землетрясений: «*В 1064 году ... в мае месяце, 26* [33], *было землетрясение в городе Каффа: развалилась стена (городская), затряслась земля, развалились дома, заколебалась земля, изумились твари, плакали женщины, кричали дети, поднялось море, заколыхалось и пошло обратно*» [34].

Последующие толчки, судя по описаниям, меньшей силы, были, по мнению А.А. Никонова, афтершоками основного землетрясения и фиксировались на протяжении более чем 40 лет. При этом А.А. Никонов справедливо замечает, что сведений об этом землетрясении в других источниках у нас нет, как нет и информации о том, что оно имело разрушительные последствия в других населенных пунктах Крыма. Поэтому автор характеризует землетрясение как событие местное [35].

Шестое сообщение о землетрясении в Крыму, очень краткое и невнятное, содержится в написанной между 1623 и 1640 годами турецким историком Абдуллахом ибн Ризваном «Летописи кипчакской степи» [36]. Этот труд посвящен истории Крымского ханства. Во второй части рукописи изложены географические сведения о территории, которую автор называет «кипчакской степью». В частности, на лицевой части 4 листа сообщается о *«голоде и землетрясении (зелзеле), постигнувших Крым»* [37]. Это сообщение не датировано, но из контекста источника можно понять, что вышеуказанные бедствия произошли в то время, когда писалась рукопись, т.е. между 1623 и 1640 годами. Поскольку в труде Хачатура Кафаеци упоминается 3 землетрясения в указанный период (в 1626, 1640 и 1656 гг.), возможно, что и ибн Ризван имел в виду одно из этих событий. Причем, одно из землетрясений (1626 г.) Кафаеци описывает как настоящую катастрофу: «*В 1075 (1626) году было чудо: в мае месяце земля разверзлась, горы и скалы столкнулись друг с другом и сползли вниз*» [38]. Стоит обратить внимание, что в случае неурожая и голода, самыми трудными оказываются последние месяцы следующей за недородом весны, накануне новой жатвы. Поэтому, совмещение голода и землетрясения в заметке ибн Ризвана может указывать именно на сейсмическое событие 1626 года, случившееся в мае. Говорить что-либо определенное о силе и параметрах землетрясения ни информация Хачатура Кафаеци, ни сообщение ибн Ризвана не позволяют. Не делал предположений на этот счет и А.А. Никонов [39].

Следует отметить, что «Летопись кипчакской степи» остается малоизученной. Единственный доступный ее перевод на европейский язык (французский) опубликовал польский историк А. Зайончковский [40]. На русском языке вышла его же статья «Летопись кипчакской степи… как источник по истории Крыма». В ней рукопись подвергнута источниковедческому разбору и приведены некоторые цитаты из рукописи на языке оригинала, причем зачастую без перевода. Фрагмент, повествующий о землетрясении и голоде, на старотурецком языке выглядит следующим образом (точный перевод этой части текста публикатором не приводится, она дается в пересказе) [41]:

.اول سال انده قحط رجال و بنالری زلزله‌دن یقلوب پامال اولدی

«Летопись кипчакской степи» до сих пор остаётся малоизученным источником. Возможно, что тщательное его исследование позволит извлечь более точную информацию из краткого сообщения Абдуллаха ибн Ризвана.

На этом скудный перечень древних и средневековых источников по истории крымских землетрясений исчерпывается.

Литература нового и новейшего времени о крымских землетрясениях

Следующий блок информации о крымских землетрясениях прошлого связан с сообщениями русских и европейских путешественников конца XVIII – начала XIX веков. Первое из них находим в записках П.И. Сумарокова. Текст сообщения следующий: «*Ялта в 20 минутах езды от Аутки, стоит при самом море, и одна к одному пологость, без всякого возвышения, составляет всю красоту. Она, именуясь в древности Ялитою, была у греков, потом у генуэзцев городом с каменной крепостью и несколькими церквами. По покорении Крыма татарами Ялта, поступая с большею частью приморских селений во владение турок, всегда оставалась значащим и укрепленным местечком, и имела несколько лавок, кофейных домов, цирюлен и проч.* ***Случившееся в Ялте в исходе XV века землетрясение обрушило крепость, гору и устрашенные жители разошлись из оной в другие селения***» [42].

Упоминает это событие и В.Б. Броневский [43]: он тоже сообщает об обрушении крепости над Ялтой, говорит об обвале скал на юге Аю-Дага в результате землетрясения XV века. Причем, говорит он об этом как об общеизвестном факте: «*Невозможно верить, чтобы столь небольшая деревня была некогда Ялита, известная в древности обширною торговлею и многолюдством. На крутой горе, у подножия которой расположена Ялта, видны развалины крепости, разрушенной бывшим в XV веке землетрясением. Вот что осталось от богатого и великолепного города!*» [44]. Нельзя, правда, утверждать, что В.Б. Броневский получил сведения о землетрясении от местных жителей, а не прочитал в вышедшем ранее сочинении П.И. Сумарокова. Из текста его заметок этого понять нельзя.

Еще одно туманное упоминание, со ссылкой на местные предания и хроники (ни те, ни другие он конкретно не называет), о землетрясении XV века встречаем в записках польского путешественника Э. Хойецки [45].

Учитывая, что крымское землетрясение XV века находит многочисленные археологические подтверждения, к обсуждению этого события мы еще вернемся в настоящей статье.

Последнее перед присоединением Крыма к России сообщение о землетрясении в Крыму отыскал А.И. Маркевич в Деле Канцелярии Таврического губернатора № 37 за 1786 год «О падении горы при деревне Кучук-Кой» [46].

Информация о природной катастрофе 1786 очень подробна и содержит сведения не только о ней, но и о предшествовавшем ей землетрясении. В период с декабря 1785 по февраль 1786 г. в районе деревни Кучук-Кой действительно произошла активизация крупного оползня, приведшая к фактическому уничтожению этой деревни и ее сельскохозяйственной округи. Эта катастрофа вызвала такой резонанс, что наместник Новороссии Г.А. Потемкин лично докладывал о ней императрице Екатерине II. Самодержица пожаловала жителям разрушенной деревни 2000 рублей. 16 июля 1786 года их раздавал пострадавшим в Бахчисарае правитель Таврической области В.В. Каховский [47].

Масштаб явления так впечатлил современников, что доклады о нем составляли не только специально посланные в зону бедствия чиновники (прапорщик Абдулла Мемешев и майор де Рибас [48]), но и П.И. Сумароков, и П.С. Паллас (сообщение П.С. Палласа было изложено П.И. Сумароковым в «Досугах Крымского судьи» [49]). Все эти сообщения основаны на опросах местных жителей, которые утверждали, что оползень напугал их еще и потому, что относительно недавно в этих местах произошло разрушительное землетрясение. Но вот когда оно случилось, точно установить не удалось. Одни старожилы называли конкретную дату - 1751 год, другие говорили, что землетрясение было «*назад тому лет с пятьдесят*», т.е. примерно в 1735 г. [50].

Из собранной Мемешевым и де Рибасом информации следует, что во время оползня в 1786 году землетрясения не было, как не было и подземного гула. Правда, в рапорте де Рибаса об этом сказано предположительно: «*никто же из жителей тамошних за страхом не мог приметить, было ли подлинно трясение земли в то время, когда сие разрушение учинилось*» [51]. В своем рассказе об оползне, повторяющем донесения Мемешева и де Рибаса, П.С. Паллас делает интереснейшую ремарку: *«…замечательно, что во время последнего обвала здесь, произошло землетрясение в Шлезвиге и особенно в Венгрии»* [52]. Так рождалась гипотеза о разрушительном воздействии на Крым землетрясений, случившихся в весьма отдаленных местностях (даже в северной части Германии).

В XIX веке тема землетрясений в связи с историческим прошлым Крыма практически не поднималась. В «Универсальном описании

Крыма» В.Х. Кондараки упоминается 6 землетрясений, из них лишь одно, относящееся к дороссийскому периоду – 1341 г. (на основании сообщения Н. Мурзакевича) [53]. В.Д. Соколов в «Геологическом очерке Крыма» не упоминает ни одного древнего или средневекового землетрясения и приводит сведения о 8 событиях конца XVIII-XIX вв. различной силы. Так же и «Каталог землетрясений Российской империи» А. Орлова и И. Мушкетова, изданный в 1890 году, сообщает только о крымских землетрясениях нового времени (10 событий различной силы) [54].

Тема древнего землетрясения была затронута лишь в вышедшей в 1888 году статье А.Л. Бертье-Делагарда [55], посвященной знаменитой «Надписи императора Зенона», которая датируется 488 (489) годом н.э. В надписи повествуется о строительстве башни и возобновлении стен Херсонеса. Автор предположил, что поскольку в «Хронографе» Георгия Амартола (его перевод на французский язык приводится в труде Э. Муральта «Эссе византийской хронографии») имеется информация о разрушительном землетрясении, случившемся в 480 году в Константинополе, то и Херсонес мог пострадать от того же землетрясения, что и заставило горожан спустя 9 лет (!) отремонтировать городскую стену.

Сообщение Георгия Амартола (по Э. Муральту) выглядит следующим образом: «Sept. 24*.: 2. C. P. Tremblement de terre qui se prolonge pendant 40 jours; les deux portiques de la Troade s'écroulent de même que la statue de Théodose-le-Grand sur le marché du taureau*. ***Marc;*** **Théod. 5970, ind. I; Sept. 27; Ced. Zenon 4**» [56].

Перевод вышеприведенного фрагмента на русский язык по просьбе автора выполнила С.И. Курганова: «*Землетрясение, которое продолжалось 40 дней; в Троаде обрушилось два портика, а на Бычьем рынке – статуя Феодосия Великого*».

Из текста видно, что разрушения были не слишком значительными, о жертвах не говорится; а повреждения коснулись лишь Константинополя (Бычий рынок) и области Троада (на азиатском берегу Дарданелл), т.е. землетрясение было локальным.

Предположение о разрушительном воздействии этого землетрясения на Херсонес сделано А.Л. Бертье-Делагардом мельком, очень осторожно, в линии совершенно иных рассуждений. Задача упомянутой статьи состояла в другом: во-первых, доказать, что «Надпись императора Зенона» происходит из Херсонеса, а не из Фессалоники. Во-вторых, определиться с датировкой «херсонесской эры» и, соответственно, датировать надпись. В третьих, доказать, что Херсон во время правления императора Зенона был уже частью империи и потерял свою «элевтерию». Тема землетрясения вплетена в нить авторских рассуждений мимоходом: «*Самая необходимость в восстановлении стен могла оказаться в Херсонесе вследствие огромного землетрясения* (почему огромного? – В.Х.), *продолжавшегося в течение 40 дней, в сентябре 480 г. по Р.Х.;* ***быть может****, не только в Константинополе, но и в других городах многое было повреждено; таким образом, посылка комита Диогена могла быть общею мерою, касавшеюся многих городов, почему и в нашей надписи, вероятно, не напрасно, выражено, что милость оказана Херсонесу «наравне с другими городами*» [57].

Сейсмологической науки в те времена не существовало, поэтому, подтвердить или опровергнуть предположение ученого было просто невозможно. Авторитет А.Л. Бертье-Делагарда был столь высок, что его гипотеза мгновенно превратилась в «аксиому», и о ней зачастую стали говорить как о доказанном факте. Например, Е.Г. Суров в очерке «Херсонес Таврический», упоминая землетрясение 480 года вскользь, гипотезу А.Л. Бертье-Делагарда излагает как бесспорный факт и строит на этом основании далеко идущие выводы: «…*Для Византии Херсонес был форпостом, о котором надо было постоянно печься.* ***Поэтому Зенон восстанавливает стены Херсонеса, поврежденные землетрясением****, не ожидая нашествия неприятеля на Херсонес*» [58]. Не удивительно, что предположение А.Л. Бертье-Делагарда приняли на веру и многие представители естественных наук. Вот, например, что писал об этом А.А. Никонов: «*С начала нашей эры известно только одно… землетрясение в западном Крыму, разрушившее стены античного Херсонеса в 480 г.*» [59].

Большинство историков и археологов предпочитали все же высказываться сдержаннее, помня о сослагательном наклонении, примененном автором гипотезы.

В.В. Латышев поддержал предположение А.Л. Бертье-Делагарда, а А.И. Маркевич осторожно раскритиковал: «*Академик В.В. Латышев считает предположение Бертье-Делагарда «правдоподобным», но, конечно, его* ***нельзя признать достоверным и вполне убедительным***» [60].

Наиболее взвешенно спустя шесть десятилетий это предположение прокомментировал А.Л. Якобсон: «*Сильное землетрясение 477 или 480 г. в Константинополе и в части Малой Азии, если оно действительно распространилось на Крым (хотя это и не*

установлено), могло явиться лишь причиной разрушения укреплений, но этот факт недостаточен для объяснения причин их восстановления» [61].

Большинство исследователей, затрагивавших данную тему после А.Л. Якобсона, тоже предпочитали говорить о нем в сослагательном наклонении. С.Б. Сорочан писал: «*Часть этих средств (упомянутых в надписи – В.Х.) была использована для укрепления оборонительных стен и важнейшей фланговой башни в Херсоне, возможно, пострадавших в результате сильнейшего землетрясения, прокатившегося по империи в 488 году*» [62]. Столь же осторожно высказывается об этом и А.И. Романчук: «*Известно, что император Зенон повелел отпустить средства для восстановления стен Херсона. Произошло это в 480 году, вскоре после землетрясения на Балканах (и, возможно, землетрясения в Крыму)*» [63].

Однако в истории науки был период, когда любое сообщение о сейсмических катастрофах прошлого принималось на веру, в том числе и учеными. Так было после разрушительных землетрясений 26 июня и 11 сентября 1927 года, нанесших значительный ущерб южной части Крыма, особенно – региону Ялты, и вызвавших невероятную панику. В вышедших в 1927–1933 годах статьях и небольших монографиях, в которых затрагивались вопросы крымской сейсмики в древности и средние века, был использован и растиражирован методический прием, предложенный А.Л. Бертье-Делагардом (а ранее П.С. Палласом) в вышеупомянутой статье. Суть его в том, что землетрясения, имевшие место в Византии (или, по П.С. Палласу, в Центральной Европе), якобы могли иметь разрушительные последствия и в Крыму.

Наиболее четко эта позиция была выражена в статье П.А. Двойченко: «*В Константинополе с IV и до XV столетия зарегистрировано 49 землетрясений, из которых 8 достигли разрушительной силы и* ***должны были ощущаться в Крыму****. А именно: в 447 году, 25.9.478 года, 480 год (40 дней), 11.07.555 года, 14.12.558 года, 26.10.740 года, в 865 году, в 975 году и в 1296 году. Эпифокальные области этих землетрясений располагались преимущественно в северной части Мраморного моря*» [64]. К сожалению, П.А. Двойченко не сослался на источники информации, которые он использовал. Поэтому, с точки зрения дат комментировать его список сложно.

Вопрос о том, почему ни одно из катастрофических землетрясений с эпицентром в районе Мраморного моря, случившихся в новое и новейшее время, не вызывали в Крыму разрушительных и, более того, ощутимых сейсмических колебаний, в статье П.А. Двойченко не затрагивался.

К сожалению, эта тема и сегодня не освящается ни в широкой печати, ни в специальных изданиях историко-археологического направления. Поэтому, ниже приводятся параметры сильнейших землетрясений, с эпицентрами в районе Мраморного моря, произошедших за последние три столетия. Информация собрана американскими сейсмологами.

Таблица 2.
Параметры сильнейших землетрясений
с эпицентрами в районе Мраморного моря
(XVII-XX вв.) [65]. По данным NEIC USGS [66]

NN	Год	Месяц	День	Время	Широта N град.	Долгота E град.	Глубина	Ms (магнитуда)	Io, Баллы
1	1672	05	25		41.00	30.00	14	6.1	8-9
2	1719	05	25	12ч	40.80	29.40	14	6.1	8-9
3	1878	04	19		40.70	30.00	17	6.5	8-9
4	1943	06	20	15-32-54.0	40.80	30.50	18	6.5	8-8
5	1957	05	26	06-33-35.0	40.70	31.00	100	7.1	10
6	1957	05	26	09-36-39.0	40.8	30.8	10	6.0	8-9
7	1957	05	27	11-01-27.0	40.70	31.00	36	6.2	7-7
8	1967	07	22	16-56-58.0	40.67	30.69	9	7.1	10

Землетрясения с эпицентрами в районе Мраморного моря не оказали серьезного сейсмического воздействия на Крымский полуостров (см. таблицу 3). Особенно убедительно об этом свидетельствует последнее разрушительное землетрясение, произошедшее близ города Измит (древней Никомедии) 17 августа 1999 года. О параметрах и природе этого землетрясения подробно писал А.А. Никонов в статье «Сейсмическая катастрофа в Турции», вышедшей спустя всего несколько месяцев после землетрясения: «*Последнее событие в Турции в районе г.Измит — землетрясение*

силой до 10 баллов при магнитуде 7.4 – 7.8. Интенсивность его примерно такая же, как Спитакского 1988 г. и японского (в Кобэ) 1995 г., но энергия в очаге значительно выше» (см. рис. 3) [67].

Каково же было воздействие этого землетрясения на Крымский полуостров? **Оно не превысило 3-х баллов**!

Макросейсмические сведения о землетрясении 17 августа 1999 г., по оперативным данным Геофизической службы Российской Академии Наук, распространенным на следующий день после катастрофы, были следующими: *«Землетрясение 17 августа 1999 г. было одним из сильнейших землетрясений в Турции в этом столетии. По данным ИТАР ТАСС имеются большие разрушения и человеческие жертвы. Сразу обрушились несколько десятков высотных жилых домов. На нефтеперерабатывающем заводе в г. Измите возник пожар. Город Стамбул остался без электричества (произошло автоматическое отключение электросети). По данным ИТАР ТАСС на 18 часов московского времени 17.08.1999 г 3500 человек погибло* (реально потери приблизились к 30 тысячам человек – В.Х.*), около 16000 тысяч ранено.* ***Землетрясение ощущалось в городах России, Молдавии и Украины: в Анапе, Кишиневе, Симферополе и по всему Черноморскому побережью Крыма силой 2-3 балла*»** [68].

Таким образом, историографическая иллюзия, порожденная авторитетом А.Л. Бертье-Делагарда и столь широко растиражированная, должна быть, наконец, преодолена. Историки и археологи в своих сейсмоисторических построениях должны исходить из того, что сообщения византийских историков о разрушительных землетрясениях в районе Константинополя к **Крыму не имеют никакого отношения**.

Но вернемся к серии работ, посвященных историческим землетрясениям Крыма, и опубликованных после 1927 года. Среди многочисленных публикаций (в основном газетных), появившихся тогда на тему сейсмичности Крыма, выделим 4 важнейших и наиболее научных. Это - статья А.И. Маркевича «Летопись землетрясений в Крыму» [69], в основном посвященная землетрясениям нового времени, «Очерк крымских землетрясений» А. Полумба [70], носивший геофизический характер, «Каталог землетрясений в Крыму» М.В. Смирнова [71], и уже упоминавшаяся выше статья П.А. Двойченко.

В связи с обсуждаемой в настоящей статье темой подробнее следует остановиться на работах А.И. Маркевича и М.В. Смирнова. Все, что пишет о древних и средневековых землетрясениях А.И. Маркевич, изложено в сослагательном наклонении, предельно осторожно, с выражением всевозможных сомнений. О землетрясении IV в. до н.э. он говорит как о вероятном извержении грязевого вулкана, землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове не упоминает. Гипотезу А.Л. Бертье-Делагарда насчет землетрясения 480 г. и его воздействии на Крым считает весьма сомнительной. О землетрясении 1292 года в Судаке высказывает предположение, что оно охватило все побережье Крыма, но свою догадку не аргументирует.

Авторитет Н. Мурзакевича оказывает на А.И. Маркевича «гипнотизирующее» воздействие. О землетрясении 1341 года он пишет как о событии бесспорном, но при этом ни на кого не ссылается: ни на первоисточник, ни на самого Н. Мурзакевича. Зато высказывает собственную гипотезу, что под воздействием именно этого землетрясения сильно изменилась береговая линия, а в море упала часть Уваровской базилики. Идея А.И. Маркевича об «изменении береговой линии» тоже со временем превратится в устойчивый миф [72].

Сообщения о землетрясении XV в. А.И. Маркевич упоминает, но не комментирует.

Землетрясение 1615 г. в Каффе вслед за П.А. Двойченко А.И. Маркевич датирует неправильно – 1625 годом, причем без указания источника. О землетрясении 1751 г. в Кучук-Кое рассказывает, но кратко, делая ссылку на вышеупомянутую статью «К появлению оползней Яйлы близ деревни Кучук-Кой» [73].

В тексте своей «летописи» А.И. Маркевич говорит о возможной связи землетрясений, упоминаемых в русских летописях, с крымскими сейсмическими событиями: «*В русских летописях имеются указания на землетрясения на Руси под 1108, 1170, 1198, 1230, 1446, 1474, 1596 и др. годами. Епископ Владимирский Серапион (XIII ст.) в слове «О знамениях» говорит: ныне же землетрясение своими очами видехом».* ***Но заключать отсюда, что эти землетрясения происходили и в Крыму, конечно, нельзя с уверенностью, а только предположительно***» [74]. Как будет показано ниже, землетрясения, ощущавшиеся на Руси, действительно, скорее всего, имели иную природу.

К сожалению, осторожные предположения А.И. Маркевича были некритично восприняты в последующие годы, породив целую серию новых мифов (см. Приложение 1).

«Каталог землетрясений в Крыму» М.В. Смирнова по сей день является единственным изданным региональным каталогом крымских

землетрясений, в котором указаны, в том числе, и сейсмические события древности и средневековья. Таких событий в каталоге упомянуто шесть:

– землетрясение IV в. до н.э. (по Флегонту Траллийскому);

– землетрясение 480 г.н.э. в Херсонесе (по А.Л. Бертье-Делагарду);

– землетрясение 1292 г. (по судакскому синаксарю);

– землетрясение 1341 г. (по Н. Мурзакевичу);

– землетрясение XV века (по П.И. Сумарокову);

– землетрясение 1751 г. (по А.И. Маркевичу).

Степень достоверности сведений об этих землетрясениях выше уже обсуждалась. К сожалению, каталог М.В. Смирнова до сих пор служит источником информации для историков и археологов, несмотря на то, что он безнадежно устарел.

По мере того, как разрушительные землетрясения 1927 года уходили в прошлое, снижался и интерес к истории крымских землетрясений: и у населения полуострова, и у специалистов. Советские сейсмологи (эта наука стала развиваться только со второй половины XX века) сосредоточились на изучении землетрясений, случившихся в последние два столетия, о которых имеются более-менее точные сведения; историки и археологи при необходимости пользовались историографией, изданной в 20-30-е годы XX столетия.

Особняком среди исследований этого периода стоит фундаментальная четырехтомная монография А.С. Башкирова «Антисейсмизм древней архитектуры». Ее четвертый том практически полностью посвящен антисейсмическим строительным приемам, применявшимся на Боспоре и в Херсонесе [75]. Автор не пишет историю землетрясений. Он подробно и скрупулезно изучает приемы антисейсмического строительства, их преемственность и развитие. В том числе и на крымском материале. Ценность исследований А.С. Башкирова для обсуждаемой в настоящей статье темы состоит в том, что антисейсмические приемы строительства, применяемые в той или иной местности в определенное время, служат косвенным свидетельством недавней сейсмической активности. К сожалению, труды А.С. Башкирова остались малоизвестными. Количество ссылок на них в литературе историко-археологической направленности минимально [76].

В 70-е годы XX века в ходе археологических раскопок продолжали обнаруживать разрушения I в. до н.э. на Боспоре, которые традиционно связывали с землетрясением 63 г. до н.э. Кроме того, следы сейсмической активности средневекового периода были обнаружены Д.Л. Талисом при раскопках Тепе-Кермена: «*В северо-восточной части городища Тепе-Кермен завершено исследование большого четырехкамерного здания. В каждом помещении дома имелись большие вырубки. Материал из верхнего слоя датирует гибель здания XIV веком. Своеобразный характер разрушения стен, в частности, худшая сохранность угловых частей кладки по сравнению со срединными, указывает на* ***землетрясение*** *как на возможную причину разрушения дома. Раскопки в центральной части городища выявили стены сооружения, сложенного из крупных блоков, частью довольно тщательно обработанных. Это сооружение погибло в результате землетрясения, как и вышеупомянутое, о чем свидетельствует специфический вид разрушенной кладки... Слой датируется фрагментами грушевидных и плоскодонных амфор и красноглиняной поливной керамикой XIII-XIV веками*» [77].

Обращает на себя внимание некоторая нелогичность сообщения Д.Л. Талиса. Керамику автор датирует XIII-XIV веками, а разрушение домов, в которых она найдена – однозначно XIV веком. Видимо, автор «подгонял» свои выводы под сообщение Н. Мурзакевича о землетрясении 1341 года, «достигшем Крыма» и «причинившем вред неописанный».

Тема крымских землетрясений в 70-е годы XX века была «не на слуху», и сообщения археологов о найденных ими следах сейсмических событий прошлого не привлекли тогда пристального внимания ученых и общественности.

В 1976 году опубликована книга геолога и археолога-любителя Л.В. Фирсова «Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического» [78], посвященная как методике радиоуглеродных измерений, так и изучению конкретных проб из раскопок херсонесского городища. Вне прямой связи с основным текстом (т.е. вне связи с радиоуглеродной хронологией) в книге опубликовано Приложение II «О землетрясениях в Крыму» [79], которое можно назвать «полным собранием» мифов о рассматриваемом нами вопросе. Эта часть книги требует серьезного внимания, т.к. ссылки на нее и основанные на сообщениях Л.В. Фирсова гипотезы встречаются в целом ряде работ, написанных историками и археологами. Поэтому, в Приложении I к настоящей статье приводим полный текст заметок Л.В. Фирсова о крымских землетрясениях и наши комментарии к нему.

Интерес к исторической сейсмике Крыма вновь возрос в 80-е годы XX века. В этот

период в СССР создавалась новая научная дисциплина – историческая сейсмология. Ее пионером стал московский геофизик профессор А.А. Никонов. Его работа «Землетрясения. Прошлое, современность, прогноз» [80] стала первым пособием по сейсмологии и исторической сейсмологии для неспециалистов. Среди других регионов мира, в книге рассматривается и Крымский полуостров. В частности, автор предпринял попытку привлечь местные предания в качестве источника по исторической сейсмологии.

Эта тема увлекла А.А. Никонова: он целый ряд публикаций посвятил мифологии народов мира как возможному источнику по сейсмической истории. Среди них были и две крымские легенды: миф об Ифигении в Тавриде и легенда о Медведь-горе. Последняя из упомянутых легенд была впервые рассмотрена автором в статье «Землетрясения в легендах и сказаниях» [81], затем получила отражение в работе «Землетрясения. Прошлое, современность, прогноз» [82], позднее развита в статье «Цунами на берегах Черного и Азовского морей» [83].

Суть высказанных автором идей такова. Легенда об огромном медведе, в порыве ревности топтавшем крымское побережье, вызывая оползни и обвалы, сформировавшем современный рельеф Ялтинской котловины, вызвавшем цунами в районе Фороса [84], на самом деле является мифологизированным отражением конкретного исторического факта - землетрясения: «*Легенда точно отражает реальные приметы сильнейшего землетрясения на Южном берегу Крыма: цунами (по-видимому, неоднократное), сплошные разрушения поселений, срывы и оползни на склонах, обвалы и камнепады, крупные изменения рельефа, последующие толчки – афтершоки. Мы видим здесь все признаки землетрясения и цунами необычайного масштаба*» [85].

На основании упомянутых выше заметок В. Броневского и Е. Хойецки автор выдвинул гипотезу, что землетрясение произошло в XV в. и предложил две более точные даты. Вначале он полагал, что землетрясение случилось в 1471 году (незадолго до турецкого завоевания) [86], затем выдвинул иную датировку: 1427 год $\pm$ 10 лет. Эту версию исследователь не аргументировал [87].

Сопоставив данные легенды и реальную тектоническую обстановку, А.А. Никонов предположил, что сейсмическая картина землетрясения XV века схожа с картиной землетрясений 1927 года, в том числе и по разрушительной силе – около 8+1(?) баллов [88].

К рассмотренной выше гипотезе позитивно, как к достаточно обоснованной, отнеслись и другие сейсмологи [89]. Как будет показано ниже, находит она и археологические подтверждения, благодаря которым может быть не только подтверждена, но и уточнена, в том числе по датировке.

Согласно другой гипотезе А.А. Никонова, о крымском землетрясении античной эпохи повествует миф об Ифигении в Тавриде [90]. Свою догадку автор строит, опираясь на два момента:

1. В трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» есть такие строки: «*Как вдруг земля, как мне почудилось, заколебалась в волнообразном движении, я бегу и, выйдя из дворца, вижу: рушится карниз дома, упав на землю с вершины поддерживавших их столбов. И одна только единственная осталась колонна, как показалось мне, в доме моего отца*» [91]. Несмотря на то, что в тексте однозначно сказано: землетрясение, которое, кстати, лишь приснилось героине, происходит в доме ее отца Агамемнона, т.е. в Греции, в Фивах, автор предположил, что на самом деле оно имело место в Крыму, т.к. приснилось героине именно там.

2. Автор, рассматривая роспись знаменитого краснофигурного кратера IV в. до н.э. из Южной Италии (Апулии), изображающую сцену из мифа об Ифигении, где жрица вместе со статуей Артемиды стоит в портике храма, предполагает, что колонны раскачиваются. А это будто бы указывает на признаки землетрясения (рис. 4).

Поскольку гипотеза получилась слишком уж умозрительной, она не получила дальнейшего развития, в том числе и в трудах самого А.А. Никонова.

Еще одно предположение о связи народных преданий с воспоминаниями о землетрясениях было высказано Т.Н. Фадеевой [92]. Она полагает, что в легенде о вражде между жителями Тепе-Кермена и Кыз-Кермена, завершающейся разрушением (точнее, саморазрушением) моста между двумя этими пунктами, в качестве причины разрушения моста может выступать землетрясение. Хотя бурный паводок, например, мог бы сделать это с намного большей вероятностью.

У историков и археологов в середине 80-х годов XX века интерес к теме исторических землетрясений значительно возрос. Побудительными мотивами к этому послужили, с одной стороны, обнаруженные к тому времени археологические артефакты, которым не находилось объяснения в рамках традиционных представлений. С другой стороны – общественный ажиотаж вокруг сейсмической темы, подогретый сначала борьбой за закрытие Крымской АЭС, а с 1988

года – катастрофическим Спитакским землетрясением.

В этот период особенно пристальное внимание археологов в данном аспекте привлек Херсонес. А.А. Никонов обратил внимание специалистов на наличие следов сейсмического воздействия, обнаруженных им на Юго-восточном участке оборонительной линии города. Особенно – на башне XVII («башне Зенона»). Еще А.С. Башкиров предполагал, что трехкратное усиление башни, осуществленное в начале новой эры, в V и X веках было вызвано стремлением защитить ее от сейсмического воздействия (сбрасывания со скалы «Девичья гора», на склоне которой построена башня) [93]. А.А. Никонов убежден в правильности выводов А.С. Башкирова. Совместно с И.А. Антоновой он несколько лет изучал этот вопрос, и оба исследователя пришли к выводу, что сейсмический фактор сыграл немалую роль в истории строительства и реконструкций юго-восточного участка обороны Херсонеса [94].

Высказанная авторами гипотеза нашла отражение в коллективном труде С.Б. Сорочана, В.М. Зубаря и Л.В. Марченко «Жизнь и гибель Херсонеса»: «*Как показали раскопки И.А. Антоновой, здание* (в «цитадели» Юго-восточного района, близ башни XVII – В.Х.) *было построено в середине II века и просуществовало до конца первой четверти III века, когда оказалось внезапно разрушено, вероятно, в результате сильного землетрясения. В ходе его мог быть уничтожен и большой лагерь в Балаклаве, некоторые постройки в портовом районе, надвратная башня над древнегреческими воротами, которые были заложены. Сейсмические трещины остались в кладке некоторых башен и куртин*» [95].

Особенно пристальное внимание ученых привлек в истории Херсонеса рубеж X-XI веков. Археологическими раскопками были выявлены следы массовых разрушений и грандиозного пожара, постигших город в это время. Еще в XIX в. А.Л. Бертье-Делагард выдвинул гипотезу, что причиной катастрофы стали осада и взятие города князем Владимиром около 988 года [96], известные нам из древнерусских летописных источников, агиографической литературы и туманного сообщения византийского писателя Льва Диакона о «взятии тавроскифами Херсона» [97].

Идею А.Л. Бертье-Делагарда поддержал и развил А.Л. Якобсон, после чего она превратилась в историографическую константу [98]. Однако с середины 80-х годов XX века это положение стало подвергаться всесторонней и весьма аргументированной критике. Суть возражений сводилась к тому, что содержание древнерусских источников не позволяет говорить о разрушении города Владимиром. Лишь однажды, в XVI веке автор Тверской летописи написал, что город «разорень бысть от Руси» [99]. Но разорен – не значит разрушен! Не говорится о разрушении и у Льва Диакона. Следов осады и пребывания русского войска в городе археологи тоже нашли очень мало [100].

Поэтому, возникла гипотеза о землетрясении как возможной причине херсонесской катастрофы. Приоритет публикации и обоснования этой гипотезы принадлежит А.И. Романчук. Впервые это было сделано в 1989 году в статье «Слои разрушения X века в Херсонесе (К вопросу о причинах Корсунского похода Владимира)» [101]. В этой статье о землетрясении еще не говорится впрямую. Автор в заключительном абзаце лишь приводит данные из работы Л.В. Фирсова, о которой сказано выше, и делает следующий осторожный вывод: «*Таким образом, слои разрушения, возможно, и не следует объяснять военными действиями и осадами. К аналогичным последствиям могли привести и природные явления*» [102]. В дальнейшем А.И. Романчук развивала этот тезис, и предположение о землетрясении как причине разрушения Херсонеса высказывала прямо. Значительное место уделено ему в монографии «Очерки истории и археологии византийского Херсона» [103].

Исследовательница полагает, что землетрясение (и соответственно, разрушение Херсонеса) произошло в первой половине – середине XI века. Аргументируется такая датировка следующим образом:

1. В слоях разрушения обнаружены херсонесские монеты с монограммой «**kBw**», выпуск которых В.А. Анохин гипотетически и очень осторожно относит к 1016-1025 годам, т.е. к позднему периоду правления Василия II и Константина VIII, после подавления в 1016 году мятежа херсонского стратига Георгия Цулы [104]. Правда, И.В. Соколова датирует эти монеты рубежом IX-X веков, временем совместного правления Василия I и его сына Константина [105], но А.И. Романчук в вышеупомянутой работе точку зрения И.В. Соколовой не рассматривает.

2. В надписи стратига Льва Алиата, датированной 1059 годом, говорится о «возобновлении прочих ворот города», помимо сооружения новых ворот претория. Слово «возобновление» в данном контексте воспринимается исследовательницей в значении «восстановление», а не «ремонт».

Гипотеза А.И. Романчук о разрушении города на рубеже X-XI веков в результате землетрясения была воспринята очень позитивно [106]. Объясняется это просто. На

многих памятниках Юго-западного Крыма обнаружены следы катастрофических разрушений и пожаров, датированные этим же временем: на Мангупе [107], в Партените [108], на Басмане [109], Бакле [110], ближней хоре Херсонеса [111]. Объяснить их все какой-либо одной военной акцией, не представлялось возможным. А вот сильное землетрясение такие массовые разрушения вызвать могло.

Особняком здесь стоит лишь позиция С.А. Беляева, который убежден, что на рубеже X-XI веков Херсонес вообще не был разрушен, а смена домов и храмов, произошедшая в это время, вызвана реконструкцией и перепланировкой городских кварталов [112]. Однако эта точка зрения поддержки у специалистов не нашла.

Вопрос о датировке предполагаемого землетрясения требует дополнительного изучения, т.к. привлекаемый для этого монетный материал (монеты с монограммами «**kBw**» и «**Rw**») пока не удается датировать точно: разброс датировок огромен. Для монет с монограммами «**Rw**» он простирается от IX до XIII века [113]!

Сравнение материалов из слоев разрушения рубежа X-XI веков со всех тех памятников, где он обнаружен, пока не осуществленное, могло бы способствовать разрешению вопроса о причинах столь масштабной катастрофы. При этом, возможно, удастся установить примерные параметры и дату предполагаемого землетрясения.

В последние годы специалистами высказаны гипотезы еще о двух возможных разрушениях Херсонеса в результате землетрясения.

А.И. Романчук предполагает, что тотальное разрушение города во второй половине XIII века тоже могло быть вызвано сейсмической катастрофой [114]. Правда, доказательств этой гипотезы исследовательница не приводит.

В работе 2004 года «Строительные материалы византийского Херсона» А.И. Романчук, вновь возвращаясь к предположению о разрушении Херсонеса в конце XIII века землетрясением, в качестве аргумента приводит следующий тезис: «*…в сводке крымских землетрясений, составленной геологом Л.В. Фирсовым, приведено землетрясение катастрофической силы 1341 года*» [115]. О том, что в этой «сводке» гораздо больше мифологии, чем геологии, уже было сказано выше.

С.Б. Сорочан в монографии «Византийский Херсон. Очерки истории и культуры» [116] высказывает предположение, что массовое строительство храмов, реконструкция оборонительных стен, перепланировка кварталов, прекращение функционирования многих рыбозасолочных цистерн в VI-VII веках, также было вызвано разрушительным землетрясением «*с магнитудой не меньше 5-6 баллов*» [117].

Следует отметить, что магнитуда в баллах не измеряется. В баллах визуально измеряется разрушительное воздействие землетрясения на постройки в конкретной точке земной поверхности. Об этом в работах, адресованных широкой общественности, неоднократно писал А.А. Никонов: «*Шкала Рихтера — это устанавливаемая по инструментальным записям энергетическая характеристика (от 1 до 9 усл. ед.), определяющая количество энергии, высвобождающейся в очаге, т.е. на глубине. Это магнитуда. Ее показатель позволяет сравнивать энергии разных сейсмических толчков. Шкала бальности (от 1 до 12 баллов) характеризует степень воздействия землетрясения на поверхность в конкретном месте. Бальность даже в эпицентральной области зависит не только от энергии очага, но и от его глубины, механизма и грунтово-геологических условий. Именно бальность — величина, определяемая визуально, используемая в строительных нормах независимо от магнитуды, наиболее доступна пониманию неспециалистов*» [118]. Шкала бальности называется шкалой MSK-64. Магнитуда же не определяется визуально, а вычисляется как десятичный логарифм амплитуды наибольшего колебания грунта. Поэтому, разница магнитуд в 1 единицу соответствует различию энергии в 30 раз [119].

Логика рассуждений С.Б. Сорочана, приведшая к выдвижению самой гипотезы, возражений не вызывает. А вот выстроенная им система доказательств, к сожалению, находится в плену тех сейсмоисторических иллюзий, о которых было сказано выше.

1. Автор утверждает, что Херсонес находится в зоне 9-бальных разрушительных землетрясений с периодичностью примерно в 500 лет, ссылаясь при этом на монографию Л.В. Фирсова «Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического».

Между тем, в Крыму никогда не фиксировались землетрясения с разрушительной силой более 8 баллов. Лишь землетрясение XV века предположительно оценивалось А.А. Никоновым как 8-9 бальное, но не для региона Севастополя, а для региона Ялты [120]. С момента присоединения Крыма к России до 1927 года, согласно каталогу М.В. Смирнова, зафиксированы следующие заметные сейсмические события.

Таблица 3.
Сильные землетрясения, имевшие место в Крыму в новое время [121]

Дата	Место	Воздействие (по MSK-64)
23 января 1838 года	Южный берег Крыма	7 баллов
11 октября 1869 года	Судак	7 баллов
Апрель 1872 года	Феодосия	6-7 баллов
1873 год	Бахчисарай	7 баллов
25 июля 1875 года	Севастополь	7 баллов

Землетрясение 26 июня 1927 года было форшоком события 11 сентября 1927 года. Его магнитуда составила 6,0; разрушительная сила на побережье вблизи эпицентра, находившегося на дне Черного моря между Ялтой и Алуштой, составила 7 баллов. Разрушений было немного, погибших не было [122].

Магнитуда землетрясения 11 сентября 1927 года составила 6,8. Максимальная разрушительная сила достигла (в районе Большой Ялты) 8 баллов. В Севастополе, Симферополе и Алуште – 7 баллов, в Феодосии и Евпатории – 6 баллов, в Керчи – 5 баллов, в Новороссийске и Ростове – 4 балла, в Одессе и Киеве – 3 балла. Значительные (но не катастрофические) разрушения были в районах 7-8 бального воздействия. Большинство поврежденных домов впоследствии восстановили. Погибло 16 человек, 830 были ранены (в т.ч. 375 тяжело). В Ялтинском районе осталось без крова 17 тысяч человек (более половины населения). Землетрясение принесло колоссальные убытки (до 50 млн. руб.), но ни один населенный пункт не был разрушен полностью [123]. Сравните с катастрофой 1999 г. в Измите или 1988 г. в Спитаке!

После 1927 года в Крыму были отмечены следующие сильные землетрясения.

Таблица 4.
Сильные землетрясения, имевшие место в Крыму в новейшее время (после 1927 г.) [124]

Дата	Место	Воздействие (по MSK-64)
30 августа 1949 года	Ялта, ЮБК	6 баллов
18 марта 1957 года	Севастополь	6 баллов
12 июля 1966 года	Анапа, Новороссийск, Восточный Крым	6-7 баллов
6 августа 1972 года	Севастополь, Крым	6 баллов

О девятибальных землетрясениях, о «*сейсмических катастрофах с магнитудой 7-8 баллов*» у нас нет никаких достоверных сведений, тем более – об их периодичности в 500 лет, о чем также говорится в доказательной базе С.Б. Сорочана [125].

2. Далее автор гипотезы сообщает о разрушительных землетрясениях в Нижней Мёзии (т.е. современной Болгарии), Вифинии и Константинополе в 553, 554, 556 и 557 годах, ссылаясь при этом на вполне достоверные исторические источники: труды Иоанна Малалы, Агафия и Феофана [126]. Нет оснований им не верить. Правда, тот факт, что землетрясения идут подряд, может говорить как об описании одного и того же события из-за трудностей датировки, так и о серийном землетрясении (форшоки, главное событие, афтершоки). Но попытка перенести эти события на крымскую почву не имеет естественнонаучных перспектив. Объясним, почему (по А.А. Никонову).

Сейсмические события в Турции (и, соответственно, Византии) связаны с геофизическим явлением, именуемым в науке Северо-Анатолийским разломом (North Anatolian Fault Zone), сокращенно NAFZ. Это – зона субширотных разрывов, простирающаяся на 1000 километров вдоль северного побережья Малой Азии, примерно в 50-100 километрах от берега Черного моря. Этот разлом служит границей двух подвижных литосферных плит – Анатолийской и Черноморской. Сдвигаясь относительно друг друга, они периодически вызывают землетрясения вдоль всей протяженности разлома – от Мраморного моря до Армянского нагорья (рис. 5) [127].

Почему же эти землетрясения в Крыму не достигали разрушительной силы? Это объясняется следующим образом. Во-

первых, чем ближе к поверхности Земли находится очаг землетрясения, тем быстрее затухает интенсивность толчков при удалении от эпицентра [128]. Подавляющее число землетрясений, связанных с NAFZ – мелкофокусные, с глубиной очага 9-18 км (см. данные в табл. 2). Во-вторых, сейсмические волны не расходятся концентрическими кругами. Если они идут вдоль глубинных геологических структур, то распространяются дальше, если поперек – затухают быстрее. Поэтому изосейсты любого землетрясения представляют собой кривые линии. Например, глубокофокусные «карпатские» землетрясения с эпицентром в горном массиве Вранча, происходящие часто и достигающие в эпицентре разрушительной силы в 9-10 баллов, приносят сотрясения силой в 4 балла и в Крым, и в Москву, хотя последняя находится гораздо дальше от эпицентра [129]. Физические свойства литосферных плит за последние 2-3 тысячи лет практически не изменились. Поэтому, если известные нам в деталях землетрясения с эпицентрами над NAFZ не достигают в Крыму разрушительной силы сегодня, то не достигали они ее и 1000, и 1500 лет назад.

3. С.Б. Сорочан обращается к данным письменных источников и археологическим находкам, относящимся к Европейскому и Азиатскому Боспору. Согласно приведенным им сведениям, Китей в VI веке перестал существовать из-за нарушения водоносных слоев; разрушению подверглись Фанагория, Зенонов Херсонес, Илурат и Кепы. В пожаре погибло Ильичевское городище, в 90-е годы VI в. восстанавливаются общественные здания города Боспор. Традиционно все эти несчастья связывали с набегами гуннов и тюрок, а С.Б. Сорочан полагает, что виной всему землетрясение [130]. Не станем с этим спорить: гипотеза о землетрясении на Боспоре нуждается в специальных исследованиях, чтобы быть подтвержденной или отвергнутой. Зададимся иным вопросом: могло ли землетрясение, достигшее разрушительной силы в Восточном Крыму и на Тамани, иметь столь же разрушительные последствия в Юго-западной Таврике? Ответ, скорее всего, – отрицательный. Объяснение этому таково.

Геологическое строение Крымского полуострова неоднородно. Его северная часть, расположенная на Одесско-Сивашском прогибе, представляет собой фрагмент молодой палеозойской платформы. Субширотный сброс отделяет его от Симферопольско-Евпаторийского поднятия, также являющегося частью платформы. От геосинклинальной области горного Крыма Симферопольско-Евпаторийское поднятие отделено глубинным разломом. Расположенная южнее Черноморская впадина также является частью геосинклинали. Керченский полуостров тоже находится в геосинклинальной (т.е. нестабильной, сейсмоопасной) области, но другой – Кавказской. Протекающие там тектонические процессы тяготеют именно к Кавказской геосинклинали [131].

Очаги известных нам черноморско-крымских землетрясений находятся на материковом склоне Черного моря на глубине 15-20 км. В районе Ялты есть поверхностные очаги (5 км), есть глубинные (40 км). Очаг землетрясения 11 сентября 1927 г. находился на глубине 30 км [132].

Сейсмологи выделяют в Крымско-Черноморском сейсмическом регионе 5 сейсмоопасных участков (сейсмических районов): 1 – Севастопольский, 2 – Ялтинский, 3 – Алуштинский, 4 – Судакско-Феодосийский, 5 – Керченско-Анапский (рис. 6) [133]. Сейсмические процессы в них протекают по-разному. И нам не известны случаи, когда землетрясение, случившееся в районах 1 или 2 имело бы разрушительные последствия в районе 5 и наоборот [134]. Напомним, что землетрясение 11 сентября 1927 года ощущалось в Керчи силой всего в 5 баллов.

Таким образом, гипотеза С.Б. Сорочана пока не подкреплена убедительными доказательствами. Это вовсе не означает, что она неверна. Просто историкам, археологам и сейсмологам необходимо совместно создавать четкую и понятную методику сейсмоисторических исследований, чтобы с ее помощью проверялись гипотезы, выдвигаемые представителями этих наук.

В последние годы В.П. Кирилко предпринял сейсмоисторическое исследование в связи с изучением строительной истории крепости Фуна на склоне горного массива Демерджи [135].

В своих рассуждениях автор отталкивается от обнаруженной при раскопках Фуны картины разрушений первого строительного периода крепости. Они предстают, во-первых, очень масштабными, а во вторых – весьма специфичными по облику. Стены разрушались пластично, порой винтообразно изгибаясь, без разрывов, как будто были построены не из бута на известковом растворе, а из пластилина [136]. Этот парадокс автор объясняет тем, что между возведением крепости и ее первым разрушением прошло очень мало времени: настолько мало, что известь раствора еще не успела должным образом «схватиться» и оставалась очень пластичной. То есть связующий раствор к моменту разрушения был таковым пока лишь условно: от момента возведения крепости до ее разрушения прошло (по версии автора) менее года [137].

Автор констатирует, что разрушения, в том числе и катастрофические, обнаружены и на других памятниках южного побережья Крыма [138]: Каламите [139], Аю-Даге (монастырь в б. Панаир) [140], Святой горе [141], Чембало [142].

В.П. Кирилко, изучив историографическую традицию о землетрясении XV века (от сообщений путешественников начала XIX в. до изысканий А.А. Никонова), утверждает, что об этом землетрясении известно давно, и авторы источников информации добросовестны.

Сопоставив данные письменных источников о ходе войны 1423 года между княжеством Феодоро и генуэзцами, В.П. Кирилко приходит к выводу, что ее внезапное прекращение в разгар боевых действий, склонявших чашу весов в пользу феодоритов, и предпринятое затем обеими сторонами конфликта масштабное строительство, было вызвано тем самым землетрясением. Его разрушительную силу А.А. Никонов предположительно оценивал в 8-9 баллов (для региона Большой Ялты) [143].

На основании изложенных выше фактов и их сопоставления, автор предположил, что разрушительное землетрясение в регионе Южного Крыма произошло в октябре-ноябре 1423 года.

Предпринятое В.П. Кирилко исследование является важным шагом на пути создания методики сейсмоисторических изысканий. Автор опирается на материалы археологического изучения (тщательно документированных раскопок) широкого круга памятников, расположенных в трех тектонически зависимых друг от друга сейсмических районах Крымско-Черноморского региона: 1, 2 и 3 [144]. Изучены признаки разрушений, обнаруженные на этих памятниках на предмет их сейсмического происхождения, с опорой на специальную литературу в области сейсмологии. Привлекаются средневековые письменные источники и записки путешественников нового времени, относящиеся именно к изучаемому региону, а не к отдаленным местностям. Поэтому, оценка полученных В.П. Кирилко результатов и предложенная на его основе датировка выглядят достаточно аргументированными.

Изучение археологических памятников Крыма продолжается. Многие из них, возможно, хранят следы природных катастроф исторического прошлого и предостерегают на будущее. Осталось только научиться правильно понимать и интерпретировать эти свидетельства ушедших времен.

Приложение 1

Комментарии к сведениям, приводимым в Приложении II к работе Л.В. Фирсова «Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического» [145]

Текст Л.В. Фирсова	Комментарий
Ниже приведены краткие данные об исторических землетрясениях в Крыму, заимствованные в основном из работы А. И. Маркевича. По-видимому, это далеко не все сейсмические катастрофы. Статистика инструментальных наблюдений за последние 50 лет и ее экстраполяция в прошлое дает основание считать, что повторяемость землетрясений с магнитудой 7–8 (катастрофических) составляет для Крыма около одного за 100–150 лет. Это подтверждают землетрясения XIV–XX столетий.	Вызывает удивление следующее: 1. Как на основе статистики наблюдений за последние 50 лет можно сделать вывод о повторяемости землетрясений каждые 100–150 лет? 2. На каком основании автор полагает, что в Крыму случаются землетрясения с магнитудой 7-8? Ее вообще трудно измерить для событий, произошедших в далеком прошлом, т.к. магнитуда измеряется инструментально. В трудах профессиональных сейсмологов выводов о повторяемости землетрясений через 100-150 лет не встречается. 3. Напомним, что магнитуда самого сильного достоверно известного черноморско-крымского землетрясения 11.09.1927 г. составляла 6,8, а энергия, выделяемая при землетрясении с магнитудой 8 в 30 раз больше энергии, выделяемой землетрясением с магнитудой 7.
Античность – Геродот упоминает землетрясения в Скифии.	Геродот. История. IV.28.: «*Гроза зимой вызывает изумление, как чудо; так же и землетрясения (летом или зимой) в Скифии считаются диковиной*» [146]. Из приведенной цитаты (и контекста источника) нельзя понять, где конкретно в Скифии, простиравшейся в V в. до н.э. от Дона до Дуная, происходят «диковинные» землетрясения. Зато из источника понятно, что землетрясения в этих краях – большая редкость.
II в. н. э. – Флегонт Траллийский (ссылаясь на сочинение Феопомпа Синопского) упоминает внезапное землетрясение на Боспоре (возможно, извержение грязевых вулканов).	В вопросе о природе этого землетрясения мнение авторов совпадает.
480 г. – сорок дней продолжалось сильнейшее землетрясение во всей Византийской империи. Возможно, именно оно привело к обрушению стен и башен Херсонеса (это предположение высказано А. Л. Бертье-Делагардом, В. В. Латышевым, А. И. Маркевичем). Оборонительные сооружения города, в частности, круглую угловую башню цитадели восстановил комит Роман Диоген по повелению византийского императора Зенона (надпись 488 г.).	«Вся Византийская империя», точнее, Восточная Римская империя во времена императора Зенона простиралась от Египта и Западных Балкан до Ефрата и Закавказья. Вопрос о статусе Херсонеса в тот период (как младшего союзника империи или входящего в ее состав города) пока еще дискутируется [147]. Пространства Византии столь огромны, что предполагать землетрясение по всей ее территории невозможно. Если же речь идет конкретно о константинопольских землетрясениях, связанных с подвижками геологической структуры NAFZ (а именно это вытекает из данных, приводимых Амартолом), то об их слабом воздействии на Крым было многое сказано в настоящей статье.
1292 г. - землетрясение в Судаке. В русских летописях землетрясения на Руси упомянуты под 1108, 1170, 1198, 1230, 1446 и др. годами. Может быть, это были отголоски крымских землетрясений.	Информации о разрушительном характере судакского землетрясения у нас нет. Что же касается отголосков разрушительных крымских землетрясений на Руси, то напомним, что землетрясение 11.09.1927 в Харькове ощущалось силой 2 балла [148] (т.е. фактически только инструментально), севернее – почти совсем не чувствовалось. Приведенные автором даты землетрясений, ощущавшихся на Руси, (особенно учитывая их частоту в XII

	веке) позволяют предположить скорее их «карпатский» характер, учитывая данные инструментальных наблюдений новейшего времени [149].
1341 г. - страшное землетрясение в Крыму (по свидетельству византийского историка Кедрина), море выступило из берегов, сильно изменился рельеф прибрежья.	В приводимой Н. Мурзакевичем цитате сказано не о землетрясении в Крыму, а о землетрясении, «достигшем самого Крыма», т.е. ощущавшемся на полуострове. Об изменении рельефа побережья там также не сказано, а говорится, что море причинило «вред неописанный». Идея об изменении рельефа, причем в качестве гипотезы, принадлежит А.И. Маркевичу. Л.В. Фирсов говорит об этом уже как о факте, хотя никто гипотезу А.И. Маркевича не проверял. Информация о том, что Константинопольское землетрясение 17 января 1341 г. оказало какое-либо разрушительное воздействие на Крым, по нашему убеждению, является полностью недостоверной и появилась в результате неверного и недобросовестного перевода пассажа из «Римской истории» Никифора Григоры, жившего на два столетия позже Кедрина.
Конец XV в. - землетрясение в Ялте, обрушилась гора с крепостью; запустение Ялты продолжалось около столетия (по упоминанию польского путешественника Хоецкого; цитировано по П. А. Сумарокову).	В.П. Кирилко датирует это землетрясение 1423 годом.
1625 г. - сильное землетрясение; точных данных нет.	Возможно, ошибка в датировке (так же полагает и А.А. Никонов). В 1615 году сильное землетрясение, согласно дневнику Хачатура Кафаеци, произошло в Каффе. Афтершоки: 1617 год, 1618 – три раза, 1619 г., 1640 г., 1656 г. [150].
1751 г. - землетрясение на Южном Берегу.	По сведениям А.И. Маркевича.
1786 г. - сильный оползень на Южном Берегу у деревни Кучук-Кой (ныне Бекетовка; описано П. А. Сумароковым, П. С. Палласом) вызван землетрясением.	Эта дата названа в том же сообщении А.И. Маркевича, но в связи с оползнем, который, возможно, был спровоцирован землетрясением 1751 г. То есть, в 1786 г. землетрясения не было.
1790 г. - землетрясение, охватившее весь Крым.	Источник информации неизвестен.
Далее локальные и региональные землетрясения разной силы и с разными последствиями отмечались в 1793, 1799, 1802, 1811, 1814, 1821, 1823, 1829, 1832, 1838, 1844, 1855, 1859, 1869, 1872, 1873, 1875, 1878, 1892, 1893, 1897, 1900, 1901, 1902, 1908, 1919 и 1920 гг.	См. информацию о сильных землетрясениях XIX в. в таблице 3 этой статьи (слабые в ней не упоминаются).
После 1927 г. сейсмостанции Крыма регистрируют подземные толчки разной силы (чаще 1—2 балла), случающиеся каждый год и неоднократно.	См. таблицу сильных землетрясений XX века в таблице 3 этой статьи (слабые в ней не упоминаются).
В промежутке между 480 и 1229 гг. могло быть, по крайней мере, пять крупных сейсмических катастроф: около 600 г., в середине VIII в., около 900 г., в середине XI в., около 1200 г. Но сведений об этом в источниках нет.	Названные даты фантастичны и взяты произвольно на основании гипотетически выведенной автором периодичности. Но мы знаем, что в 480 г. землетрясение случилось не в Крыму, а в 1292 (а не в 1229 как у Л.В. Фирсова) землетрясение в Судаке было явно не катастрофическим. То есть, даже посыл для выведения периодичности базируется на мифах, а не на фактах. Что уж говорить о выводах!

	Историки и археологи, пытаясь отыскать в пределах установленных Л.В. Фирсовым дат следы разрушительных землетрясений в Крыму, выстраивают одну историографическую иллюзию на основе другой.
С сейсмическими катастрофами глубокой древности связаны колоссальные обрушения скал и каменные лавины в Батилимане, Ласпи, Тессели, Форосе, у Чертовой лестницы, Алупки и других пунктов Южного Берега. Землетрясения XIV — XV столетий вызвали обвалы на Аю-Даге, в Качи-Кальене и в других местах.	Следов сейсмического воздействия на геологические структуры в Крыму действительно много, но мы, как правило, не можем их датировать в пределах исторического периода. Поэтому, доказательствами в исследованиях историков и археологов они выступать не могут.

Примечания

1. Цит по: *Смирнов М.В.* Каталог землетрясений в Крыму. Симферополь, 1931. С. 24.
2. Сообщения о грязевулканической деятельности в регионе Северного Причерноморья и прилегающей акватории см.: *Шнюков Е.Ф., Митин Л.И., Цемко В.П.* Катастрофы в Черном море. К.,1994. С. 9–12.
3. *Никонов А.А.* В поисках неизвестного землетрясения // Знание-сила. 1987. №10. С. 38.
4. *Попов Г.И.* Землетрясения Крыма и территорий, прилегающих к Черному морю // Недра. Ч.I. гл. «Крым». М., 1969. С. 447–459; *Ананьин И.В.* Сейсмичность Северного Кавказа. М., 1977; Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. (под ред. Н. Кондорской и Н. Шебалина). М. 1982.
5. Цит по: *Traina G.* From Crimea to Syria. Re-defining the alleged historical earthquake of 63 B.C. // Annali di geofisica, Vol. XXXVIII, №5–6, November–December. 1995. P. 481. Для сравнения предлагаем английский вариант перевода (см. там же): «*Since the Roman forces were steadily increasing their hold and those of Mithridates were becoming steadily weaker, and also partly because one of the greatest earthquakes ever recorded came and destroyed many of their cities, (Mithridates') allies departed and the army broke up, and there were those who kidnapped some of his sons, and took them to Pompey*».
6. Цит по: *Traina G.* Ibid. P. 480–481. Для сравнения предлагаем английский вариант перевода (см. там же): «*When Mithridates was in the Bosporus to celebrate the feast of Ceres, there came a sudden earthquake so violent that it is said to have had disastrous effects in town and country alike*».
7. Историография этого вопроса столь обширна, что может стать темой отдельного большого исследования. Поэтому здесь приведем для примера лишь несколько работ: *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1945 г.// КСИИМК. 1947. XVII. С.110; *Блаватский В.Д.* Новые данные о строительстве Пантикапея // СА. 1952. XVII. С.171; *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмикия // КСИИМК. 1952. XLV. 1952. С. 113; *Голенко В.К.* Исследования на поселении Полянка // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 72; *Аракелян П.О.* Изучение раскопок древних памятников на Керченском полуострове для возможного определения интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН Армянской ССР, 1983. №36 (4). С. 40–49. Обзор зарубежной историографии см. в кн.: *Hind, J.G.F.* Archaeology of the Greeks and Barbarian Peoples around the Black Sea 1982–1992, in Archaeological Reports for 1992-1993. London, 1993. P. 82–112. Соответствующие методические рекомендации В.Д. Блавацкий давал археологам и на будущее: *Блаватский В.Д.* Античная полевая археология. М., 1967. С. 37, 108, 200, 2004.
8. *Guidoboni, E.* (Editor). Erremoti prima del Mille in Italia e nell'area Mediterranea. Storia archeologia sismologia, ING-SGA. Bologna, 1989. P. 765.
9. *Guidoboni, E., Comastri A., Traina G.* Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area, up to the 10-th Century A.D. Bologna, 1994. P.504.
10. *Traina G.* Ibid. P. 479–489.
11. *Traina G.* Ibid. P. 481-483.
12. Цит. по: *Traina G.* Ibid. P. 486. Для сравнения предлагаем английский вариант перевода (см. там же): «*Although Syria was safe from enemy attack, it was devastated by an earthquake, which killed one hundred and seventy thousand people and destroyed many cities. The haruspices declared that this prodigy foretold a change in things*».
13. Там же. P.488.
14. «*That is, of course, a possible hypothesis; yet we doubt it can be supported without proper enquiries based on the methodology of seismic archaeology*» (Там же. P.483).
15. «*We therefore reject the Crimean hypothesis, as the result of a «provincial» interpretation of the evidence. This example confirms the need to reject a strict regional perspective in historical seismology, at least as far as A.D. 1500*». (Там же. P. 488.).
16. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. Одесса, 1863. Т.5. С.601.
17. Заметки XII–XV века… С. 595–628.
18. Там же. С. 597.
19. *Мурзакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.
20. Там же. С. 26–27.
21. Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия, собранных Георгием Кедриным и другими. 3 кн. Перев. И. Иванова. СПб., 1794. (при этом, номер страницы Н. Мурзакевич указывает неправильно. На самом деле этот текст опубликован на С. 81, а не на С. 91. см. рис 2).
22. Бывшая Библиотека им. В.И. Ленина (г. Москва).
23. Все три части «Деяний» в этом издании опубликованы одним томом, но с сохранением прежней нумерации страниц, выполненных кириллицей. При этом название слегка изменено. (См.: Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова… Ч. I-III. М., 1802).
24. Ioannis Cantacuzeni historiarum libri IV, ed. J. Shopen. Bonnae, 1828-1832. Vols I–III.
25. Источниковедческую оценку «Истории» И. Кантакузина см. в кн: История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 9.
26. Деяния церковные и гражданские… кн. 3. С. 81.
27. *Никифор Григора*. Римская история. СПб., 1862. С. 454–455. (Nicefori Gregorae Byzantina historia, ed. J. Shopen, v. I-II. Bonnae, 1829–1830. P. IX, 14.)
28. Мелкие хроники XVII-XVIII вв. Ереван, 1951. Т.1. С. 208–209, 222, 227 (на армянском языке).

29. *Никонов А.А.* Землетрясения XVII века в Восточном Крыму // Известия АН СССР. Физика Земли. 1986. №6. С. 79-85.
30. *Степанян В.А.* Краткая хронология наиболее значительных землетрясений в исторической Армении и прилегающих районах // Закавказская конференция по антисейсмическому строительству. Ереван, 1942. С. 59–72; *Степанян В.А.* Землетрясения в Армянском нагорье и прилегающих окрестностях. Ереван, 1964 (на армянском языке).
31. Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР. М., 1977.
32. *Никонов А.А.* Землетрясения XVII века... С. 81 (табл).
33. Год в источнике приведен по армянскому календарю. Его эра, провозглашенная в 584 году, отсчитывается от 11 июля 552 года. Значит, чтобы перевести дату в источнике в эру «от Рождества Христова», учитывая, что событие произошло до армянского нового года, к 1064 нужно прибавить 551. Получается 1615. День месяца в источнике приводится по юлианскому календарю. Его разница с Григорианским календарем в XVII в. составляла 10 суток. Отсюда – дата по Григорианскому календарю: 5 июня.
34. *Никонов А.А.* Землетрясения XVII века... С. 79.
35. Там же. С. 80.
36. *Зайончковский А.* «Летопись кипчакской степи» (теварих-и дешт-и кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-восточной Европы. М., 1969. Вып.II. С.10–24.
37. Там же. С. 16.
38. *Никонов А.А.* Землетрясения XVII в. в Восточном Крыму. С. 80.
39. Там же. С. 80–81.
40. *Zajaczkowski A.* La chronique des Steppes Kiptchak du XVII^{e} siècle, edition critique. Warszawa, 1966.
41. *Зайончковский А.* Летопись… С. 16.
42. *Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805. Ч.2. С. 202–203.
43. *Броневский В.Б.* Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822. С. 68–69.
44. Там же. С. 68.
45. *Choiecky W.* Wspomenia z podrozy po Krymie. Warszava, 1845. P. 40–43.
46. *Маркевич А.И.* К появлению оползней Яйлы близ дер. Кучук-Кой, Ялтинского уезда, в марте 1915 года (архивная справка) // ИТУАК. Симферополь, 1915. №52. С. 254–259.
47. Там же. С. 256.
48. Осип Михайлович Дерибас. Впоследствии руководил строительством г.Одессы.
49. *Сумароков П.И.* Указ. соч. С. 189–193.
50. *Маркевич А.И.* К появлению оползней… С. 255.
51. Там же. С. 256.
52. Там же. С. 257.
53. *Смирнов М.В.* Указ.соч. С. 3.
54. Там же. С. 3.
55. *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времени императора Зенона // ЗООИД. Одесса, 1888. Т.16. С. 81-82.
56. *Muralt E.* Essai de chronographie Byzantine. SPb., 1855. P. 96.
57. *Бертье-Делагард А.Л.* Указ.соч. С. 81–82.
58. *Суров Е.Г.* Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 61.
59. *Никонов А.А.* Землетрясения в легендах и сказаниях // Природа. 1983. №11. С. 72.
60. *Маркевич А.И.* Летопись… С. 65.
61. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА, 1959. №63. С. 22–23.
62. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 140.
63. *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С.134.
64. *Двойченко П.А.* Черноморские землетрясения в Крыму // Зарисовки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1928. С. 125.
65. Информация о сильных землетрясениях мира (Официальный сайт Геофизической службы РАН) // http://zeus.wdcb.ru/wdcb/sep/strong/19991112/hist.html
66. NEIC USGS – Национальный центр информации о землетрясениях Геологической службы США.
67. *Никонов А.А.* Сейсмическая катастрофа в Турции // Природа. 1999. №11. С. 3–9.
68. Официальный сайт Геофизической службы РАН // http://zeus.wdcb.ru/wdcb/sep/strong/19990817/macro.html
69. *Маркевич А.И.* Летопись… С. 64–73.
70. *Полумб А.* Очерк Крымских землетрясений. Симферополь, 1933.
71. *Смирнов В.М.* Указ. соч. С. 1–48.
72. *Маркевич А.И.* Летопись… С. 65.
73. Там же. С. 66.
74. *Маркевич А.И.* Летопись… С. 65.
75. *Башкиров А.С.* Антисейсмизм древней архитектуры. Т. IV. Юг СССР. Калинин, 1948. С. 300–356.
76. См. например: *Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны 1423-1475 гг. Киев, 2005. С. 242.
77. *Талис Д.Л., Маркелова С.П., Рудаков В.Е.* Работы на Второй гряде Крымских гор // АО 1972 года. М., 1973. С. 335.
78. *Фирсов. Л.В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976.
79. Там же. С. 160–161.
80. *Никонов А.А.* Землетрясения... Прошлое, современность, прогноз. М., 1984.
81. *Никонов А.А.* Землетрясения в легендах и сказаниях. С. 66–75.
82. *Никонов А.А.* Землетрясения... Прошлое, современность, прогноз. С. 41–44.
83. *Никонов А.А.* Цунами на берегах Черного и Азовского морей // Физика земли, 1997. №1. С. 86–96.
84. Легенды Крыма. Симферополь, 1967. С.50–51.
85. *Никонов А.А.* Землетрясения в легендах и сказаниях. С. 72.
86. Там же. С. 74.

87. *Никонов А.А.* Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение существующих карт и параметров реальных событий // IV Науково-технічна конференція «Будівництво в сейсмічних районах України»: Доповіді. Ялта, 18-21 травня 1999. С. 181–186.
88. *Никонов А.А.* Землетрясения в легендах и сказаниях. С. 73.
89. *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Каменобродский А.Г.* Об изучении исторических землетрясений Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 г. Симферополь, 1995. С.104-111; *Дублянский В.Н., Амеличев Г.Н., Вахрушев Б.А.* Палеосейсмическая активность горного Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 г. Симферополь, 1995. С. 118–123.
90. *Никонов А.А.* Землетрясения в легендах и сказаниях. С. 71–72.
91. *Шварц А.* Эврипид. Ифигения в Тавриде. М., 1896. С. 150.
92. *Фадеева Т.М.* По Горному Крыму. М., 1987. С.146–147.
93. *Башкиров А.С.* Указ. соч. С. 329.
94. *Антонова И.А., Никонов А.А.* Следы сейсмических воздействий на оборонительных сооружениях Херсонеса // Проблемы сейсмоопасности Крыма. Сборник материалов конференции. Севастополь, 1995. С. 36.
95. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Указ. соч. С. 535.
96. Бертье-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. 1909. Т.14. Кн.1. С. 59.
97. *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 90.
98. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 65.
99. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1883. Т.15. С. 104.
100. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Указ. соч. С.296–297; *Беляев С.А.* «Базилика на холме» в Херсоне и «церковь на горе» в Корсуни, построенная Владимиром // Byzantinorussica, 1994. №1. С. 7–47.
101. *Романчук А.И.* Слои разрушения X века в Херсонесе (К вопросу о причинах Корсунского похода Владимира) // ВВ, 1989. №50. С.182–188.
102. Там же. С. 188.
103. *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии… С.82, 133, 135.
104. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.н.э.). К., 1977. С. 122–123; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии… С. 41, 46, 56, 82, 133–134, 140.
105. *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 42.
106. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. С. 751.
107. *Мыц В.Л.* Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. №1. С. 226.
108. *Паршина Е.А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика: Сб. научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов). К., 1991. С. 95.
109. *Иванов Б.Н., Дублянский В.Н., Домбровский О.И.* Басманские пещеры в горном Крыму // Крымское государственное заповедно-охотничье хозяйство. Симферополь, 1963. С. 28–30.
110. *Талис Д.Л.* Исследования в Горном Крыму // АО 1970 года. М., 1971. С. 301.
111. *Яшаева Т. Ю.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХС. 1998. Вып. IX. С. 349–358.
112. *Беляев С.А.* Поход князя Владимира на Корсунь (Его последствия для Херсонеса) // ВВ. 1990. №51. С. 153–164.
113. *Анохин В.А.* Указ. соч. – С. 163–165; Соколова И.В. Указ. соч. С. 51–62.
114. *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии… С. 185.
115. *Романчук А.И.* Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004. С. 39.
116. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 753–756.
117. Там же. С. 753.
118. *Никонов А.А.* Сейсмическая катастрофа в Турции. С.4.
119. *Никонов А.А.* Землетрясения... Прошлое, современность, прогноз. С. 20–22.
120. *Никонов А.А.* Землетрясения в легендах и сказаниях. С. 71.
121. *Смирнов М.В.* Указ. соч. С. 24–30.
122. *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В.* Землетрясения Крымско–Черноморского региона. К., 1989. С. 42-55.
123. *Никонов А.А.* Раненый Крым. По следам разрушений крупнейшего на полуострове в XX веке природного бедствия. Феодосия // Крымский альбом 2002. М., 2003. Вып. 7. С. 74.
124. *Пустовитенко Б.Г. и др.* Землетрясения Крымско-Черноморского региона. С. 55–60.
125. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 754. (сноска № 268). А.И. Романчук, со ссылкой на ту же страницу работы Л.В. Фирсова (*Фирсов Л.В.* Указ. соч. С. 160), излагает мысль автора иначе: «*землетрясения катастрофической силы (с магнитудой до 7-8)… происходили в Крыму каждые 100-150 лет*» (*Романчук А.И.* Очерки истории и археологии… С. 134). Наш комментарий по этому поводу см. в Приложении 1.
126. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 754. (сноска № 269).
127. *Никонов А.А.* Сейсмическая катастрофа в Турции. С. 4.
128. *Никонов А.А.* Землетрясения. Прошлое, современность, прогноз. С. 76.
129. Там же. С. 74.
130. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. С. 754–755.
131. *Геофизические исследования и тектоника юга Европейской части СССР.* К., 1969. С. 141.
132. *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В.* Указ. соч. С. 55.
133. Там же. С. 7.
134. *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е.* Особенности проявления сейсмических событий в Крыму // Геофизический сборник. К., 1975. № 67. С. 55–62.

[135]. *Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475 гг. Киев, 2005. С. 49–59.

[136]. *Кирилко В.П.* Указ. соч. С. 49–51.

[137]. Там же. С. 59.

[138]. Там же. С. 57.

[139]. *Никонов А.А.* Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли, 1994. № 11. С. 26.

[140]. *Адаксина С.Б.* Исследования монастырского комплекса на юго-восточном склоне г. Аю-Даг // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 13; *Адаксина С.Б.* Монастырский комплекс X-XVI веков на горе Аю-Даг. СПб., 2002. С. 7, 10–11, 13–15.

[141]. *Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. С. 128–130; *Лысенко А.В., Тесленко И.Б.* Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. К., 2002. С. 70.

[142]. *Кирилко В.П.* Указ. соч. С. 58.

[143]. Там же. С. 53–57.

[144]. *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е.* Указ. соч. С. 55–62.

[145]. *Фирсов Л.В.* Указ. соч. С. 160–161.

[146]. *Геродот.* История. Л., 1972. С. 193–194.

[147]. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // ХС. Севастополь, 1998. Вып. IX. С.118–132.

[148]. *Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В.* Указ. соч. С. 55.

[149]. *Никонов А.А.* Землетрясения. Прошлое, современность, прогноз. С. 78.

[150]. *Никонов А.А.* Землетрясения XVII в. в Восточном Крыму. С. 81–82.

= 26 =

составивъ флотилію изъ двѣнадцати галеръ и другихъ судовъ, грабили купеческіе корабли и тѣмъ наносили большіе убытки Венеціянамъ, Генуэзцамъ и Кафянамъ. Послѣдніе, не будучи столь сильными, чтобы отдѣльно напасть на Турецкихъ грабителей и отъ ихъ судовъ очистить море, обратились съ просьбою помощи къ Симоне да Кварто, приплывшему изъ Генуи съ семью купеческими галерами. Да Кварто, освѣдомившись о понесенныхъ жителями Кафы убыткахъ, выгрузивъ товары и вооруживъ суда, какіе тогда нашлись въ Кафѣ, (всего съ галерами двадцать), пустился въ море преслѣдовать Турецкіе корабли. Встрѣтивъ самаго Ялаба, начальника Синопскаго и не слушая его льстивыхъ обѣщаній, истребилъ весь флотъ его, — а десять судовъ, привелъ въ Кафу, гдѣ честно роздалъ принадлежащее Венеціянамъ и своимъ, чѣмъ пріобрѣлъ великія похвалы себѣ и Кафѣ (*).

rum consilio, et Apostolicae plenitudine potestatis in Civitatem ereximus, et Civitatis vocabulo duximus decorandam, ac a villa Varna in Bulgaria usque ad Saray inclusive in longitudinem; et a mari Pontico usque ad terram Ruthenorum in latitudinem pro dioecesi duximus adsignandam: statuemus etiam, et decernen tes, ut ecclesia S. Agnetis dicti loci Caphensis, ex tunc haberetur, et existeret perpetuis futuris temporibus Cathedralis. — datum Avenione IV cal. Mart. an IV.»

(*) Giustiniani. lib. IV, 129. Foglietta. lib. VII, 234. — Кедринъ III, 91 подъ 1341 годомъ упоминаетъ слѣдую-

= 27 =

Возрастающее благоденствіе Кафы сдѣлало граждань ея высокомѣрными. За девяносто лѣтъ предъ тѣмъ, униженные просители мѣста для поселенія, теперь сдѣлались своевольными распорядителями въ занятомъ краѣ. Питая презрѣніе къ Татарамъ, Генуэзцы стали ихъ оскорблять. И одна частная ссора, въ которой Генуэзецъ убилъ Татарина, положила начало явной между ими вражды. Ханъ Джанибекъ, узнавши объ этомъ, повелѣлъ поселенцамъ Кафы немедленно оставить Крымъ (39). Но поселенцы, огражденные надежными укрѣпленіями съ сухаго пути и съ моря, дали Хану гордый отвѣтъ. Раздраженный ослушаніемъ пришельцевъ, Ханъ двинулъ къ Кафѣ безчисленную толпу ратниковъ, и въ 1343 году, осадилъ ее (40). Татары бросались на укрѣпленія, дѣйствовали оружіями но не могли нанести вреда, между тѣмъ какъ жители Кафы изъ за укрѣпленій, въ толпы осаждающихъ, посылали вѣрную смерть. Осада Татаръ превратилась въ блокаду. Но Кафяне, владѣя моремъ, не ужасались и даже изъ осажденныхъ

щее произшествіе: » въ продолженіе сего(т. е. 1341 года) Византія подвержена была страшному и долговременному землетрясенію, которое досязало самаго Крыма. Въ тоже время случился тамъ необыкновенный потопъ, при коемъ свирѣпствующее море выступило изъ своихъ береговъ на десять верстъ и причинило вредъ неописанный«. — Вотъ эпоха естественныхъ переворотовъ южнаго берега Крыма.
5.

Рис. 1. Страницы 26-27 книги Н. Мурзакевича «История генуэзских поселений в Крыму» с текстом сообщения о землетрясении 1341 г., «достигшего самого Крыма».

Рис. 2. Страницы 80-81 книги «Деяния церковные…»
с оригиналом текста сообщения о землетрясении 1341 г., «достигшего самого Крыма».

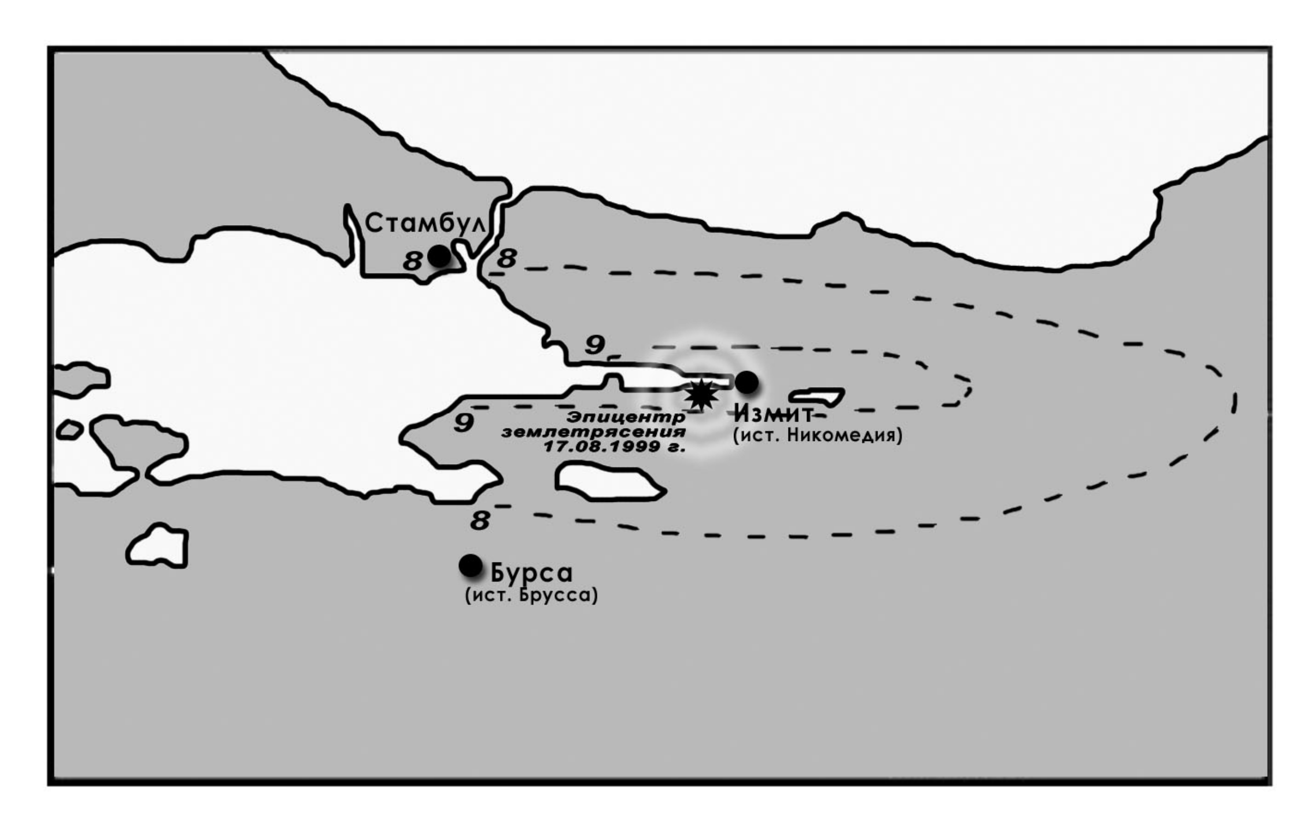


Рис. 3. Изосейсты землетрясения с эпицентром в районе г. Измит 17 августа 1999 г. (по А.А. Никонову)



Рис. 4. «Ифигения – жрица таврского храма Девы»
Рисунок на краснофигурном кратере изАпуллии. IV в. до н.э.



Рис. 5. Северо-Анатолийский разлом (NAFZ). По А.А. Никонову

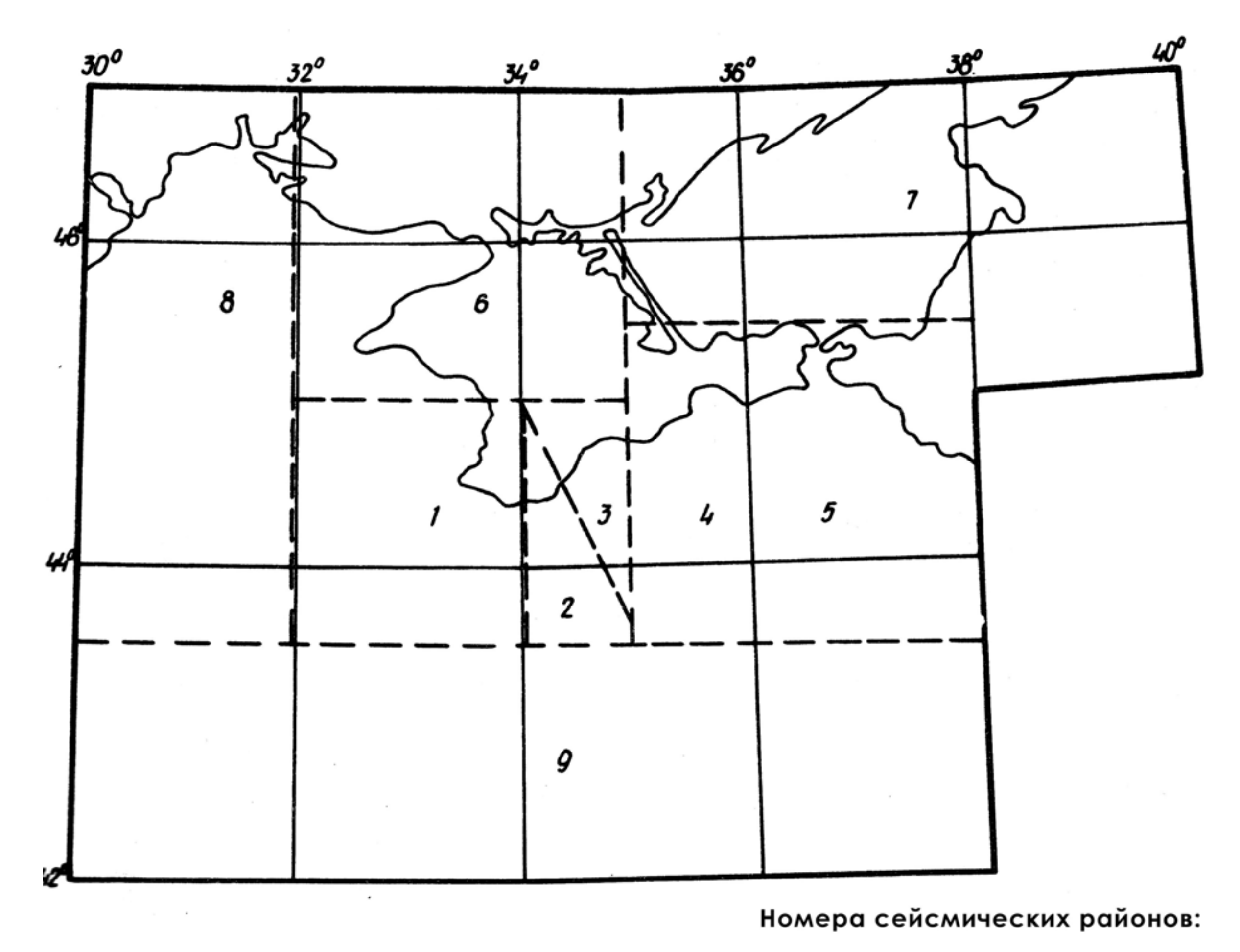


Рис. 6. Сейсмические районы Крымско-Черноморского региона (по Б.Г. Пустовитенко, В.Е. Кульчицкому, А.В. Горячуну).

М.М. Чореф

К ВОПРОСУ О НОМИНАЛАХ БРОНЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

посвящается Кристине Чореф

Известно, что основной задачей нумизматики является всестороннее изучение монетного материала. Так, к примеру, специалист в этой отрасли знания обязан, как минимум, не только определить эмитента, дату и место выпуска, металл или сплав, из которого был изготовлен объект исследования, но и выяснить его номинал. Однако лишь немногие нумизматы стараются описывать монеты в этом ключе. Более того, до настоящего времени так и не были выработаны методы иконографического определения денежных номиналов, наиболее очевидного для их современников. Конечно, для датирования культурного слоя не принципиально выяснение достоинства монетных находок. Но, в случае, когда из-за недостатка специальных знаний вероятность точного определения не высока, то малейшая ошибка в трактовке текстов или изображений на них может привести к неверной атрибуции всего археологического объекта.

Отметим, что на начальных этапах изучения, подобные проблемы вставали перед исследователями, изучавшими состав денежного обращения почти всех античных и средневековых государств. Однако с ходом времени, в научный оборот вводились многочисленные более или менее обоснованные теории, по мнению их создателей, способные разрешить эту проблему. Особо удачные гипотезы были разработаны учеными, старающимися учитывать разнообразный фактический материал, т.е. привлекать не только нумизматические, но и археологические, и эпиграфические источники, а также тщательно анализировавшими хроники, в которых содержатся сведения, актуальные для темы их исследования.

В настоящее время особо сложное положение сложилось в отрасли нумизматики, специалисты которой исследуют монетное дело Херсона. Дело в том, что за более чем 200 лет изучения, лишь немногие нумизматы попытались определить достоинство разменных денег его чекана или литья [1]. К примеру, по В.А. Анохину при Юстиниане I (527–565) в Херсоне чеканили пентануммии [2]. Позже Н.А. Алексеенко высказал свои предположения о номинале хорошо известных бронз этого города с «Rw» на аверсе [3]. Однако к настоящему времени практически не предпринимались попытки рассмотреть в этом аспекте большинство типов монет Херсона, отлитых в VIII–X веках. В то же время, спорность атрибуции ряда бронз его производства, волей судьбы пригодных для освещения наименее изученного периода истории этого города, т.е. VIII–IX веков, требует внимательного повторного анализа нумизматического материала. Надеемся, что наши предположения о датировке и о номиналах монет, выпускавшихся в Херсоне в VI–X веках [4], помогут в этом деле.

Мы выбрали данный исторический промежуток, так как в это время в городе были отлиты как наиболее известные, так и самые редкие его бронзы, как правило, не имеющие обозначения достоинства. Дело в том, что сама технология монетного производства в Херсоне не позволяла размещать на их лицевых или оборотных сторонах сложные легенды, содержащие сведения об эмиссиях и номиналах, а также изображения правителей, как было принято на византийских монетах того времени. Это обстоятельство значительно затруднило их датирование. Однако возможность выявить номинал большинства из этих литых бронз, как нам кажется, позволила бы не только сопоставить результаты их исследований с известными фактами из истории денежного хозяйства Византии, что, естественно, не только упростило бы их атрибуцию, но и дало бы необходимые сведения для освещения исторических процессов, происходивших в Херсоне в тот период.

Есть мнение, что первые литые монеты, появившиеся в денежном обращении Херсона, являлись подражаниями местной меди Юстиниана I (Рис.1,*1*). Как считает их первооткрыватель В.А. Анохин, эмиссия этих имитаций происходила во второй половине VIII века. Исследователь объясняет ее возникшим

в тот период недостатком средств платежа [5]. Мы, в свою очередь считаем, что эта единственная предположительно литая монета на самом деле просто сильно коррозированный чеканный деканумий из серии «VICTOR», находившейся в обращении до 539 г. [6]. В любом случае, литые монеты такого типа появились в обращении значительно раньше, во второй половине VI–начале VII века, т.е. до начала контрамаркирования при Ираклии (610–641) [7]. Не можем мы согласиться и с предположением В.А. Анохина о номинале этой бронзы. Ведь пентануммий, активно используемый в VI веке, уже в начале следующего столетия фактически выпадал из обращения [8]. А о том, что предположительно литые подражания декануммиям серии «VICTOR» не ходили в начале VIII века говорит и отсутствие на известных экземплярах надчеканок, широкомасштабно используемых в Херсоне при Ираклии для клеймения как мелкой местной, так и крупной позднеримской и византийской меди.

Попытаемся определить номинал остальных, бесспорно литых бронз этого города, также не имеющих соответствующих обозначений. В поисках необходимой информации обратимся к разработанным к настоящему времени теориям, способным, по мнению их создателей, осветить эту проблему. К примеру, попытаемся осмыслить уже введенную в научный оборот гипотезу В.А. Анохина о причинах преобразований в денежной сфере Херсона в начале VII века и их последствиях. Хотя определение достоинств чеканных монет этого города, выпускавшихся в тот период, на данном этапе изучения не является нашей первоочередной задачей, мы все же будем вынуждены оспаривать до сих общепринятое предположение этого исследователя, пытавшегося объяснить контрамаркирование провинциальной, позднеримской, боспорской и византийской меди, в том числе и местного чекана, как результат унификации денежного обращения при Ираклии, после которой продолжали ходить только фоллисы, гемифоллисы и пентануммии, перечеканенные из всех прежде ходивших мелких монет. Дело в том, что создатель этой теории не учел того, что объектами надчеканки стали не только бронзы античных государств и Херсона, не имевших стандартных для Византии обозначений номинала, но и медь в 20 и 10 нуммий, чеканенная при предшественниках этого правителя. Мы вынуждены заметить, что гипотеза В.А. Анохина не только не подходит для объяснения процессов, происходивших в тот период в денежном обращении этого города, но и не учитывает современные ему реалии в монетном деле Византии. Дело в том, что при Ираклии по всей империи происходило цикличное облегчение веса вновь выпущенной меди, в результате чего наблюдалась массовая перечеканка обращавшихся прежде разменных денег, приведшая к постепенному выпадению из обращения всех мелких номиналов. Естественно, этот правитель не мог принимать мер с целью «унифицировать все разнородные типы разменных денег, ходивших в городе после прекращения собственной чеканки, приравняв их к номиналу 5 нуммий» [9]. Вероятно, контрамаркирование обращавшейся на денежном рынке меди проводилось не с целью понизить её достоинство до уровня совершенно обесценившихся в тот период монет, а, наоборот, поднять его для обеспечения хозяйства в должном объеме средствами платежа. Не вдаваясь в рассуждения о номиналах позднеримских монет, а также, не касаясь устоявшихся представлений о контрамарках Ираклия [10], считаем нужным отметить, что прослеживаемая реформа должна была, и, вероятно, привела к узаконению сложившейся к тому времени рыночной оценке мелкой меди, которую мы и попробуем установить.

Для начала, с целью определить причину и последствия преобразований в денежной сфере при этом императоре, обратимся к материалам по экономической истории Византии VII века. Известно, что хроническое падение веса фоллиса, начавшееся при Ираклии, продолжалось и при его преемниках. Следовательно, неоднократно проводимые при василевсах его династии перечеканки меди не могли проводиться для «унификации» ходячей монеты. Судя по тому, что контрамаркирование разменных денег в тот период сопровождалась битьем новых выпусков из фракций прежних, относительно тяжеловесных, то получается, что целью преобразований была попытка наполнить казну путем максимально интенсивного использования монетной регалии.

Об остроте момента говорит и возвращение в денежное обращение Херсона бронз античных государств. Судя по обильным находкам, в тот период вместе с ними в качестве разменных денег использовали и не контрамаркированные монеты прежних выпусков. Мы не считаем эту ситуацию ненормальной. Дело в том, что, как уже было отмечено выше, острая потребность в мелких деньгах должна была привести к поступлению в обращение всех бронз, подлежавших надчеканке, даже без ее следов. Вероятно,

власти города вынуждены были некоторое время мириться с этим.

В любом случае, если бы преобразования в денежной сфере при Ираклии и были обусловлены насущной потребностью в унификации средств платежа, то, в любом случае, они не могли привести к долговременному насыщению обращения разменной монетой. Сам факт реформ свидетельствуют о хронической нехватке мелких денег в тот период.

К сожалению, мы вынуждены отметить, что большинство современных исследователей считает ситуацию, сложившуюся в первой половине VII века в Херсоне нормальной. Но, если учесть, что в ходе неоднократных денежных реформ в Римской империи, к примеру, самых известных: Диоклетиана (284–305) [11], Константа (337–350) и Констанция II (337–361) [12], а также Анастасия I Дикора (491–518) [13], в обращение, взамен ранее эмитированных, поступали новые виды разменных денег, то получается, что в городе продолжали использовать в качестве средств платежа обесцененные ниже стоимости металла монеты, котировать в которых византийскую валюту того времени без современного математического образования было бы невозможно [14]. Мы считаем эту чрезвычайно распространенную точку зрения ошибочной, а нумизматам, придерживающимся её, советуем подумать о целесообразности их датировок. Ведь, если они правы, то привлекать результаты нумизматических исследований в археологии было бы бессмысленно.

Мы уверены, что отмеченное массовое поступление в денежное обращение Херсона бронз, эмитированных за 200 и более лет до того в ту эпоху нельзя считать ординарным явлением [15]. Оно является показателем острой нехватки платежных средств. Возможно, на монетном дворе Херсона в тот период отказались от относительно дорогой и трудоемкой процедуры переплавки изъятых из обращения старых монет и изготовления из их металла новых разменных денег. Ведь куда проще было надчеканить их, и, таким образом, получить столь необходимую разменную медь. А так как для контрамаркирования использовался один штамп, то всем им было присвоено одно достоинство. В таком случае, для определения этого нового номинала нам достаточно будет установить первоначальную стоимость в византийской валюте крупнейшей бронзы, надчеканенной в ходе этой операции. Дело в том, что номинал контрамаркированных монет не мог быть меньше первоначального, так как обесценивать в ущерб казне обращавшиеся в тот период разменные деньги было бы преступно невыгодно. К счастью, к настоящему времени определены первоначальные достоинства большинства таких бронз. Из них крупнейшими являются гемифоллисами Юстина II (565–578), чеканенные как в Херсоне, так и в других городах империи. Следовательно, в результате контрамаркирования многочисленные позднеантичные и херсонские бронзы II-VI веков были введены в обращение в качестве монет в 20 нуммий [16].

Таким образом, к середине VII века в Херсоне ходили монеты только двух номиналов: фоллисы и гемифоллисы. Причем со временем все позднеантичные и ранние херсонские бронзы с контрамарками и без, а также литые подражания пентануммиям Юстиниана I были изъяты из обращения. Их вытеснили монеты, выпущенные в первой половине VII века, достоинство которых обозначалось буквами «**Н**» – фоллисы и «**D**» – гемифоллисы. Высокая потребность рынка в мелких платежных средствах вызвала массовое копирование бронз наименьшего из перечисленных номиналов. В настоящее время известны два типа таких литых монет: с «В» на аверсе или без этого символа (Рис.1,*2,3*).

Отметим, что ряд исследователей монетного дела Херсона уже высказали свои предположения о значении «**В**» на лицевых сторонах литых подражаний гемифоллисам VI-VII веков. Так, И.И. Толстой отнес её к литью Василия I (867-886) [17]. Правда, это определение казалось и самому исследователю спорным. В свою очередь, В.А. Анохин отнес эмиссию литых подражаний гемифоллисам ко второй половине VIII века [18]. И.В. Соколова, развивая его мысль, предположила, что их могли изготавливать на протяжении всего VIII века [19]. В процессе изучения монетного материала ей удалось проследить эволюцию оформления этих монет, что позволило выделить три их разновидности. По мнению И.В. Соколовой, если самые ранние из них были точными копиями оригинала, то со временем был совершен отход от первоначального канонического типа. На лицевых сторонах монет исследователь проследила появление большого креста в руках и нимба у правой фигуры. Кроме того, ей удалось проследить трансформацию на реверсе «**D**» в крест на Голгофе. И.В. Соколова связала эти явления с выработкой новых правил оформления монет при Юстиниане II (685-695, 705-711). Позже всех, по её мнению, в обращение поступили бронзы с «**В**» на лицевых сторонах, отнесенные И.В. Соколовой

к литью Вардана Филиппика (711-713) [19]. Правда, исследователь посчитала свое предположение спорным, так как не смогла объяснить наличие контрамарок с этим символом и на фоллисах Тиверия III Апсимара (698-705) [21].

Попытаемся разрешить это противоречие. К сожалению, мы вынуждены отметить, что она переоценила значение незначительных изменений в оформлении литых бронз с «**D**». Да, отмеченная И.В. Соколовой закономерность эволюции оформления аверсов имеет место. Однако, как известно, на лицевых сторонах монет, выпущенных от имени Юстиниана II и его сына Тиверия (705-711), были выбиты изображения правителей, держащих в руках большой крест [22]. Но на аверсах бронз Херсона, относимых И.В. Соколовой к литью этих императоров, только одна из фигур – правая, держит этот христианский символ. Кроме того, на его монетах правители изображались без нимбов [23]. В любом случае, медь Юстиниана II чекана Константинополя была оформлена иначе, чем представлялось И.В. Соколовой. Так, на аверсах были выбиты погрудные изображения автократора с сыном или без него, а на реверсах – стандартные для Византии обозначения номиналов. Нам не известна и медь этого правителя с изображением Христа [24].

К сожалению, и предположение И.В. Соколовой о развитии «**D**» в крест на Голгофе на их реверсах не менее спорно. Дело в том, что на оборотных сторонах вероятных прототипов этих бронз просматривается небольшой крест [25]. Видно, что херсонские монетчики размещали его выше и левее, а боспорские – над «**D**», так, что он практически соприкасался с ней. На известных литых подражаниях гемифоллисам этот христианский символ помещен, как правило, над обозначением номинала. Следовательно, их прототипами могли быть только боспорские бронзы, вероятно, Маврикия Тиверия. Скорее всего, в этом городе было налажено производство нескольких разновидностей литых гемифоллисов [26].

Как видим, отмеченные И.В. Соколовой явления носят случайный характер. Можно предположить, что в результате эксплуатации формы, периодически разрушавшейся в результате воздействия с расплавленным сплавом и регулярно подправлявшейся, происходило значительное искажение изображений, выражавшееся не только в огрублении сложных элементов оформления, к примеру, фигур людей, но и в слиянии или к утере относительно простых и заметных геометрических фигур и символов. Возможно, в результате этого произошло объединение «**D**» и креста.

Считаем, что предположения И.В. Соколовой о закономерности в развитии этого монетного типа явно спорны. А попытка отнести начало преобразований к первому правлению Юстиниана II завела исследователя в тупик.

Пользуясь случаем, приведем и наши соображения, позволяющие, как нам кажется уточнить датировки этих литых бронз. Итак, судя по сохранению прежнего обозначения достоинства, первый из перечисленных знаков не был помещен с целью изменения номинала. В таком случае, его наличие может свидетельствовать только о легализации обращения этих монет, т.е. является своего рода контрамаркой. Воспользуемся ситуацией и попробуем её расшифровать. Нам известно, что правители того времени использовали в качестве эмблем свои монограммы или первые буквы имени. Такие надчеканки помещали, как правило, на аверсах монет. К примеру, подобные контрамарки Ираклия на бронзах Херсона и Боспора хорошо известны [27]. Значит, нам остается только установить правителя по первой букве в его имени. Действительно, нам известен один из императоров Византии – Вардан Филиппик, правивший в начале VIII века и начавший свой поход на столицу из Херсона.

К сожалению, вопрос о возможности эмиссии от его имени в Херсоне еще не разрешен [28]. Мы не считаем возможным вступать в спор по этому вопросу, отметим только, что если все наши рассуждения верны, нам удалось найти еще одно подтверждение предположению И.В.Соколовой. Разделяя её точку зрения на предмет возможности денежной эмиссии в Херсоне от имени Вардана Филиппика, считаем, что она происходила в период его борьбы с Юстинианом II с целью финансирования военных расходов. В этом случае оригиналами могли служить самые распространенные и узнаваемые населением монеты, производство которых было относительно хорошо налажено и сравнительно дешево. А для узаконения их обращения, на аверсах, рядом с портретами некогда правивших императоров, была размещена его монограмма.

Выдвинутое предположение позволяет уточнить и датировку остальных серий подражаний гемифоллисам. Сама их немногочисленность и замеченная преемственность типов свидетельствует о кратковременности их производства. В то же время отсутствие на них упоминаний представителей

дома Ираклия не может быть случайным. Вероятно, городские власти наладили в тот период эмиссию копий самой распространенной в городе разменной монеты – гемифоллисов этого императора и его ближайших предшественников. Выбор оригиналов говорит о нежелании элиты Херсона считаться с Константинополем. Ведь, в противном случае, город мог выпустить чеканные или литые бронзы от имени Юстиниана II. Считаем, что литье самых ранних их разновидностей началось в начале VIII века, вернее всего, во время восстания против этого императора, а выпуски Вардана Филиппика были последней серией монет этого типа.

Вероятно, высокая потребность в мелких деньгах должна была сохраняться в Херсоне и позже. В таком случае, его монетный двор мог эмитировать в обращение монеты наименьшего достоинства. Действительно, известные к настоящему времени литые бронзы этого города, выпущенные, по мнению большинства исследователей, до прихода к власти Василия I весят не более 2,25 г при диаметре 12–15 мм. Отметим, что в тот период на византийский фоллис шло не менее 5 г бронзы [29].

Так как в настоящее время нет ни только единого мнения по вопросу о номиналах этих бронз, то мы, продолжая ранее начатое исследование [30], попытаемся высказать и обосновать свои предположения.

Итак, все литые бронзы Херсона интересующего нас периода имеют общие тенденции в оформлении. Так, на аверсах большинства из них присутствуют буквы, вероятно, монограммы имен или сокращения, а на реверсах – сокращенные надписи типа «Π̊», «Π̊**L**», «Π̊**C**» или кресты с поперечными отрезками на окончании перекладин. На остальных на оборотных сторонах были размещены символы «**C**» или, возможно, «Ѧ» [31] (Рис.1,*4-17*). Заметно, что некоторые монеты первой и второй групп имеют одинаково оформленные реверсы. На данном этапе изучения мы не ставим перед собой задачи определить и датировать эти монеты [32]. Отметим только, что изобилие типов свидетельствует о длительности их эмиссии, а выявленные соответствия в оформлении позволяют нам предполагать, что все они имели один номинал.

Попытаемся его определить. Для ускорения разрешения этой проблемы предположим, что монеты раннесредневекового Херсона могли быть только известных византийскому миру номиналов. Мы можем быть уверены в истинности этого постулата, так как, в любом случае, обилие монетных типов бронзы чекана этой империи позволяет нам с достаточно большой вероятностью считать, что и в её северном форпосте не могли выпускать разменные деньги какого–либо неизвестного в центре достоинства. Раз так, то обратимся к трудам, посвященным монетному делу Византии. Оказывается, что в VIII–IX веках в этом государстве продолжилась наметившаяся ранее тенденция к выпадению из обращения наименьших номиналов разменных денег. Если еще при Ираклии практически перестали чеканить монеты, достоинство которых было менее декануммия [33], то при Феофиле (829–842) прекратилась эмиссия полуфоллисов [34]. Таким образом, бронзы Херсона, эмитированные в тот период, должны быть большего номинала, чем 10 нуммий, но меньшего, чем фоллис. Действительно, в Византии с VIII века чеканили только один вид таких монет – гемифоллисы. Таким образом, одновременные им литые бронзы Херсона должны были иметь тот же номинал. Последние городские монеты, оформленные в этом едином стиле, были выпущены при Василии I.

Как видим, даже не ставя перед собой задачи датировать бронзы, традиционно относимые к литью Херсона начала IX века, мы смогли установить период их обращения. Кроме того, если все наши умозаключения верны, то предположения некоторых исследователей, изучающих денежное обращение Херсона, могут быть опровергнуты выявленными фактами. Так, хорошо известные бронзы с «Ѧ» на аверсе и с «Π̊**C**» на реверсе, относимые И.В. Соколовой вслед за А.В. Орешниковым к литью Александра (912–913) [35], как видим, перестали изготавливать уже к концу правления его отца.

Итак, нам удалось определить номинал литых бронз Херсона второй половины VI – первой половины IX веков. Для достижения поставленной цели нам нужно только установить достоинство монет этого города, выпущенных при правителях Македонской династии [36] (Рис.2,*1–22*). Мы уже приводили доводы в пользу нашего предположения, согласно которому в городе в тот период лили фоллисы [37]. Не желая утруждать читателя, заметим только, что номинал этих монет второй половины IX–X веков был установлен применяемым нами методом. Считаем нужным только заметить, что выявленное задолго до нас увеличение веса херсонской бронзы IX–X веков с 2,25 до 5,59 г является косвенным подтверждением нашего предположения.

Таким образом, проведя небольшое нумизматическое исследование, нам удалось установить номиналы основной группы литых бронз Херсона. Однако результаты анализа монетного материала не должны ограничи-

ваться простой констатацией факта, что в этом городе в VIII–X веках лили деньги двух достоинств. Как мы уже писали, на монетах двух выявленных групп, т.е. гемифоллисов и фоллисов, заметны стандартные тенденции в оформлении. То есть, на реверсах бронз меньшего номинала, как правило, размещался или восьмиконечный крест, или аббревиатуры «Π̊», «Π̊**L**», «Π̊**C**» или символы «Λ», «**C**», а на оборотных сторонах крупных монет императоров IX–X веков был оттиснут или патриарший крест на трёх ступенях, или крестовидная монограмма [38]. Замеченная тенденция не может быть случайной. Подобные элементы оформления уж очень точно подходят для обозначения номиналов монет. Кроме того, подобное использование крестов разной конфигурации прослеживается на золоте и серебре Византии [39] (Рис.2,*23-27*). Дело в том, что на монетах из драгоценных металлов, как правило, никаких буквенных обозначений их достоинства не использовали. А наличие на части мелкого серебра, чеканенного в западных провинциях империи в VI–VIII веков [40] обозначения номинала в нуммиях только подтверждает наше предположение. Считаем, что жители Херсона, как и прочие византийцы, могли без ошибок различать монеты по выявленным нами признакам.

Примечания

1. Так как Херсон в интересующий нас период находился под влиянием Византии, то его жители активно использовали на ряду с местной литой и общеимперскую чеканную монету. В дальнейшем, для обозначения достоинств денег этого города мы будем использовать наименования номиналов, принятые в этом государстве. В качестве справки приведем необходимые сведения о монетной системе Византийской империи в VI-X веков. В этот период крупнейшей ходячей монетой был солид (лат. solidus – прочный, массивный), введенный в обращение Константином I Великим (306-337) сначала в Трире, а с 314 г. по всей империи. Он соответствовал 1/72 римского фунта (4,55 г), т.е. 24 кератиям (греч. **ker£tion** – стручки, караты). В Византии его называли номизмой (греч. **nÒmisma** – законная норма, полная мера, монета). Одновременно с солидом в обращение поступили и его фракции: семис (лат. semis – половина), тремис (лат. tremis – треть), содержавшие 2,27 и 1,52 г драгоценного металла соответственно. Из серебра в Византии первоначально чеканили милиарисии (лат. miliarensis – содержащий тысячу) и силиквы (лат. siliqua – стручок), весившие первоначально ок 4,5 г и 3,4 г соответственно, стоившие 1/1000 и 1/1728 фунта золота. Позже, при Ираклии (610-641), в обращение поступили гексаграммы (греч. **˜ksagrammon** – шесть грамм, кератиев), весом в 6,82 г. Их чеканили до середины VIII в. Кроме монет из драгоценных металлов ходили медные и бронзовые разменные деньги, номиналы которых обозначались в нуммиях (лат. nummus – мелочь, наличные деньги, денежный курс). Обозначениями их достоинства служили как греческие, так и латинские буквы. К примеру, в Константинополе на фоллисах (лат. follis – мешок, кошелек) выбивали «**M**» или «XXXX», на гемифоллисах (греко-лат. **¹mi-fÒllij** – половина фоллиса, 20 нуммий) – «**K**» или «XX», на декануммиях (десять нуммий) – «I» или «X», а на пентануммиях (пять нуммий) – «**E**» или «V», на монетах в 1, 2, 3 или 4 нуммия «**A**», «**B**», «**G**» или «**D**» соответственно. Отметим, что с ходом времени соотношение золото: серебро : медь неоднократно менялось. Но, по крайней мере, в 498-602 годах 1 солид = 2 семиса = 3 триенса = 12 милиарисиев = 24 силиквы = 288 фоллисов = 11520 нуммий (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P.* The Sixth-Century Economy // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century. Washington, 2002. Vol. 1. P. 213).

2. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 98–99, 101, 103, 107. Таб.XXII, *310–314*. Отметим, что исследователь для доказательства своего предположения о номиналах херсонских бронз Юстиниана I воспользовался косвенным методом. Так как нумизмату не были известны аналогично оформленные ранневизантийские разменные монеты, то для подтверждения гипотезы о переходе в Херсоне в первой половине VII века на особую денежную систему, в которой наименьшим номиналом был пентануммий, он без какого–либо обоснования выдвинул тезис об изначально высокой роли выпусков этого достоинства в финансовом хозяйстве города. Далее В.А. Анохин, излагая свою точку зрения на причины, ход и последствия реформы Ираклия, писал, что еще при Юстиниане I в Херсоне был налажен регулярный чекан пентануммиев (См.: Анохин В.А. Указ. соч. С.103, 107). В связи с этим заметим, что крупные медь и бронзы с аналогично оформленным реверсом выпускали Лев I (457–474) и Зинон (474–491). По мнению Дж.П.С. Кента все эти монеты были одного номинала (*Kent J.P.C.* The Roman Imperial Coinage. London, 1994. Vol. X. P.105). Действительно, единство оформления не могло быть случайным. В таком случае, попытаемся определить их достоинство. Известно, что при Зиноне Æ1, выпускавшиеся на западных монетных дворах, весили 10-16 г и официально стоили 40 нуммий (См.: *Kent J.P.C.* Указ. соч. P.18). В свою очередь, медные монеты этого императора, в настоящее время относимые к чекану Херсона (См.: *Белова Л.Н.* Неизданные

монеты Херсонеса // СА. М.–Л., 1941. Т.7. С. 327. – №2), весят от 4 до 7 г. Если в V веке в Римской империи сохранялась единая денежная система, то достоинство бронз этого города можно установить из приведенного соотношения. Получается, что при Зиноне в Херсоне чеканили гемифоллисы. Как видим, вопрос о номиналах херсонских монет Юстиниана I все еще остается открытым. С целью приблизить его разрешение, приведем наши соображения. Мы знаем, что на реверсах разменных денег Юстина I (518–527) и Юстиниана I размещали изображения, не являвшиеся обозначениями номинала. Это Тихе Антиохийская на троне (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Byzantine coins and their values. London, 1987. P.51, 55. №111, 133), христограммы (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P.47, 49. №77, 92) и монограммы монетных центров (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P.66, 75. №197, 245. Monograms 1, 2). Вероятно, они служили самостоятельными элементами оформления. Последние не сопровождались какими-либо обозначениями монетного достоинства. Получается, что в империи ходили разменные деньги, на части которых не было необходимости размещать обозначение номинала. Но нам известно, что все они – пентануммии. Следовательно, аналогично оформленные херсонские бронзы Юстиниана I являлись монетами этого же достоинства. Отметим, что их весовые характеристики (См.: *Grierson P.* Byzantine Coinage. Washington, 1999. P.18–19) не противоречат нашему предположению.

3. См.: *Алексеенко Н.А.* К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХС. Севастополь, 1996. Вып. VII. С. 187–191. Исследователь, сопоставив вес и размеры херсонских и сельджукских монет, пришел к выводу, что эти бронзы были одного номинала (См.: Там же. С. 189). В связи с этим мы вынуждены заметить, что в средневековье медные деньги были разменными и кредитными, следовательно, не было четкой регламентации их весовых и размерных характеристик. К примеру, монеты из этого металла, одновременные изданным Н.А. Алексеенко, чеканенные в XIII веке в Никейской, Трапезундской, Латинской империй, а также в Золотой Орде, имеют значительный разброс в весах и в диаметрах. И, если в Херсоне пытались выпустить подражания меди какого-либо государства, предназначавшиеся для внутригородского обращения, то для этого не нужно было изготавливать монеты с теми же, как и у образца, весовыми характеристиками. Ведь куда важнее скопировать изображения и легенды оригиналов. К примеру, для изготовления «медного дирхема» проще всего отлить его копию. Отметим, что прецеденты такого рода нам известны. Но литые копии каких-либо восточных медных монет из Херсона нам неизвестны. К счастью, Н.А. Алексеенко, как видно далее из его текста, сам отказывается от своей излишне смелой гипотезы, утверждая, что в XIII веке обращались не только предполагаемые подражания сельджукской меди, но и прежде выпущенные крупные городские литые монеты (См.: Там же. С. 190). Однако, как ни странно, позже он возвращается к этой теме, пытаясь доказать что «сельджукская монета доминирует в Херсонесе на протяжении первых трех десятилетий XIII века» (См. *Алексеенко Н.А.* К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII веке // ХС. Севастополь, 1997. Вып. VIII. С.5). И это с учетом того, что во всех исследованных городских комплексах большинство найденных монет было местного производства (См.: *Алексеенко Н., Костромичева Т.* Опись монет из раскопок портового района Херсонеса в 1991 году // Архив НЗХТ; *Алексеенко Н., Костромичева Т.* Опись монет из раскопок А. Романчук портового квартала 2 за 1993 год // Архив НЗХТ; *Головченко Л.Н.* Опись монет из раскопок портового квартала 2. Раскопки 1994 г. Участок А.И. Романчук // Архив НЗХТ; *Костромичева Т.И.* Опись монет из раскопок Портового квартала 2 Херсонеса. 1978 // Архив НЗХТ; *Костромичева Т.И.* Опись монет из раскопок юго-восточного участка портового квартала 2 Херсонесского городища. 1988 год // Архив НЗХТ; *Костромичева Т.И.* Опись монет из раскопок портового квартала 2 Херсонесского городища. 1990 г. Раскопки А.И. Романчук // Архив НЗХТ), а привозных было относительно мало, причем они были не только султанов Рума, но и императоров Византии, Никеи и Трапезунда, государей крестоносцев, а также Артукидов Хисн-Кайфы и Хорезмшахов (См.: *Алексеенко Н.А.* К вопросу о деятельности… С.187-190; *Алексеенко Н.А.* К вопросу о денежном обращении… С.5). Вероятно, нумизмат всеми силами стремится обосновать свой тезис об исключительном влиянии Сельджукидов на Херсон в XIII веке, выдвинутый им еще в 1987 г. (См.: *Алексеенко Н.А.* Из истории денежного обращения Херсона в XIII в. // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. Тезисы докладов конференции молодых ученых. Севастополь, 1987. С.30–31). В любом случае, сама авторская методика обоснования предположений не столько способствует разрешению проблемы, сколько запутывает исследователя. Действительно, монеты пригодны для датировки комплексов. Однако уверенность Н.А. Алексеенко в том, что в Херсоне практиковалось длительное, до 200-300 лет обращение местных бронз, как минимум исключает использование нумизматических материалов как исторических источников. Мы считаем, что приведенный пример лишний раз убеждает в необходимости

тщательного и непредвзятого исследования монетных находок.

4. Эта статья является только предварительным сообщением. На данном этапе исследования считаем достаточным определить только номиналы бронз этого города, по мнению большинства исследователей поступивших в обращение до 988 г., а также изложить и обосновать наши предположения по их датировке.

5. *Анохин В.А.* Указ. соч. С.103.

6. *Чореф М.М.* К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции (Нижневартовск, 17-18 апреля 2008 года). Нижневартовск, 2008. С. 246–249.

7. В правление Ираклия были проведены две денежных реформы. В ходе первой из них, прошедшей в 610-613 гг., прошла надчеканка большей части находившейся в обращении крупной меди: на реверсах монет был оттиснут круглый штамп с монограммой имени правителя, напоминающей хризму (См.: *Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора (590-668 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. XI. С. 373; *Bendall S.* An ‘eagle’ countermark of sixth century Byzantine coins // Numismatic Chronicle, 1976. P. 230; *Goehring J.E.* Two New Examples of the Byzantine ‘Eagle’ Countermark // Numismatic Circular, 1974. №82:3. P. 94–96; *Goehring J.E.* Two New Examples of the Byzantine ‘Eagle’ Countermark // Numismatic Circular, 1974. №82:4. P. 140–141; Goehring J.E. Two New Examples of the Byzantine ‘Eagle’ Countermark // Numismatic Circular, 1974. №82:5. P. 189–190; *Sayles W.G.* Ancient coin collecting. Iola, 1998. P. 16). Так как хорошо известная херсонская надчеканка – т.н. «хризма» – весьма схожа с вышеописанной контрамаркой как по оформлению, так и по месту размещения, то предполагаем, что и её выбивали в тот же период и с той же целью. В ходе второй реформы, прошедшей в 630-632 гг., в обращение поступила контрамаркированная полноценная медь, вытесненная к тому времени облегченными разменными монетами (См.: Сидоренко В.А. Указ. соч. С. 373). Странно, но по мнению В.А. Анохина, контрамаркирование в Херсоне прошло в один заход в первой четверти VII века (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С.104–107).

8. Известно, что с 580-х годов пентануммии и отчасти декануммии практически выпадают из обращения (См.: *Morrisson C.*, *Sodini J.-P.* Op. cit. P. 215). Следовательно, во времена Ираклия не было практической необходимости налаживать массовый чекан этих монет. Вообще, мы не считаем необходимым оспаривать представления В.А. Анохина о монетном деле Византии. Позволим себе высказать лишь крайне необходимые замечания. К примеру, известно, что наименьшим номиналом после реформы Анастасия I Дикора был не пентануммий, как считает этот исследователь, а нумм. Вообще, денежное хозяйство Византии в первые два века её существования легко усваивало мелкую монету. К примеру, известны эмиссии бронз мельчайших номиналов: 1, 2, 3 и в 4 нуммия, выпускавшихся в V-VII веках как в столице, так и в провинциальных центрах (См.: *Sear D.R., Bendall S., O’Hara M.D.* Op. cit. P. 37, 40, 42, 47, 63, 65, 76, 79, 83, 85, 88, 98, 101, 132, 158, 160, 186, 188. №13, 31, 46, 81-82, 173, 194-196c, 249, 277–283c, 310–311, 326a–326b, 340–342, 387, 406, 571–572b, 717, 727a, 865–865b, 881). Не меньше возражений вызывают его попытки приурочить чекан анонимных фоллисов и гемифоллисов Боспора конца VI – начала VII вв. к херсонским выпускам Юстина II (565-578), Тиверия II Константина (578-582) и Маврикия Тиверия (582-602) (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. – С. 101). К примеру, специально этим вопросом занимался В.А. Сидоренко (См.: *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 355–392). Не менее спорно и прочтение В.А. Анохиным монограммы «DNTH», в которой, по мнению этого исследователя, были зашифрованы титул и имя императора Феофила (829-842) (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 113). Признаем, что сама идея выявить первые эмиссии фемы Херсона для многих исследователей крайне заманчива. Но, к сожалению, мы вынуждены заметить, что при этом императоре монетных легенд на латинском языке не составляли (См.: *Sear D.R., Bendall S., O’Hara M.D.* Op. cit. P. 320–322), а в греческом алфавите, используемом в тот период на всей территории империи, звук «Th» - первый в имени правителя, обозначается с помощью буквы «Θ», а не буквосочетания «Th». Мы не считаем необходимым оспаривать в этой статье и выводы В.А. Анохина о возможности эмиссий в Херсоне монет от имени протевонов и архонтов, на которых для обозначения эмитента якобы размещали первую букву наименования должности чиновников (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 127). Заметим только, что печати жителей этого города, как, впрочем, и многих сановных византийцев, были оформлены куда лучше, чем его литые бронзы (См.: *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 155–170; *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. V. С. 701–743; *Алексеенко Н.А.* Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. – С. 256–266; *Алексеенко Н.А.* Христианские сюжеты на печатях представителей херсонской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Сборник научных трудов. Севастополь, 2001. С.45–52, 227–228; *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 455–

500; *Алексеенко Н.А.* «Корсуньские врата» – как отражение культа «святых мест» в византийской сфрагистике // Культ святых мест в древних и современных религиях. Тезисы докладов и сообщений VII Международной Крымской конференции по религиоведению (Севастополь, 16-20 мая 2005 г.). Севастополь, 2005. С. 3; *Алексеенко Н.А.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Часть II. С.564–570; *Алексеенко Н.А.* Митрофан Смирнский – ссыльный митрополит в Таврике // Небесные патроны и их земные служители. Тезисы докладов и сообщений IX Международной Крымской конференции по религиоведению, Севастополь 15-19.05.2007. Севастополь, 2007. С. 3–4; *Алексеенко Н.А., Смычков К.Д.* Несколько новых печатей византийского Херсона // ХС. – Севастополь. 1999. Вып. X. С. 361–370; *Смычков К.Д.* Несколько неизданных печатей Херсона // НиЭ. М., 1989. Т. XV. С. 126-128; *Збайт Н., Збайт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсона // АДСВ: Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 91–97; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 66–171. Схемы III-VIII; *Степанова Е.В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 364–374; *Степаненко В.П.* Патрональные святые в византийской сфрагистике // Небесные патроны и их земные служители. Тезисы докладов и сообщений IX Международной Крымской конференции по религиоведению, Севастополь 15-19.05.2007. Севастополь, 2007. С. 48–49; *Шандровская В.С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 247–254; *Янин В.Л.* Печати Феофано Музалон // НиС. Киев, 1965. №2. С. 76–90; *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1). Однако не смотря на эти досадные неточности, труд В.А. Анохина и до сих пор остается одним из фундаментальных исследований по монетному делу Херсона.

9. *Анохин В.А.* Указ. соч. С.108. Отметим, что христограмма, однозначно трактуемая этим нумизматом как обозначение пентануммия, встречается как на крупнейшей меди, так и на мелком серебре Византии. К примеру, при Юстиниане I её размещали на реверсах фоллисов монетного двора Константинополя (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 60. №162a), на половинах и на четвертях силикв чекана Равенны (*Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 84. №319, 322). При Фоке (602-610) она появилась на гемифоллисах Кизика (*Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 150. №669). Странно, но В.А. Анохин упустил и то, что монограмма Христа встречается и на фоллисах Ираклия 3–5, 11, 13, 14, 30 и 33 годов правления (*Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 171,173. – №805, 806, 811). Кроме того, на пентануммиях Юстина I христограмма не являлась обозначением номинала. На реверсах этих монет обозначение достоинства – « » размещалось правее монограммы Иисуса Христа (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P.47, 49. №77, 92). Как видим, предположение исследователя о возможности использования этого знака для обозначения достоинства монеты совершенно беспочвенно. Кроме того, по поводу необходимости поиска аналогий в обозначениях номиналов на бронзах западных и восточных провинций Византии, являющейся одним из постулатов этого исследователя, мы вынуждены заметить, что в империи не было единого курса меди разных монетных центров. Так, к примеру, к концу правления Юстина II (568-676) декануммий чекана Карфагена стоили в Афинах 21 нуммий медью, выпущенной в центральных провинциях империи (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P.* Op. cit. P.215). К сожалению, спорная теория В.А. Анохина дала возможность некоторым нумизматам обосновать свои ошибочные предположения об уровне жизни простых византийцев. Так, к примеру, Н.А. Алексеенко, издавая клады медных монет V-VI веков (*Алексеенко Н.А.* Новый клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003. С. 48; *Алексеенко Н.А.* Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // ХС. Севастополь, 2003. Вып. XII. С. 339–354; *Алексеенко Н.А.* Новый клад монет V-VI вв. из округи византийского Херсона // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 350–363; *Ковалевская Л.А., Алексеенко Н.А.* Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса // Проблемы античной культуры. Тезисы докладов. – Симферополь, 1988. С. 231–232), пытался установить скрытую в них сумму денег согласно гипотезе В.А. Анохина и определить длительность их накопления. Исследователь, доказывая верность своих предположений, привлек известные ему данные о стоимости неквалифицированного труда в Византии того периода. Из его статьи следует, что жалование водоноса составляло от 3 до 5, а каменщика не более 15 нуммий. Н.А. Алексеенко считает, что минимальный прожиточный минимум в империи в тот период составлял 10-15 нуммий в день (См.: *Алексеенко Н.А.* Клад ранневизантийских монет … С. 343; *Алексеенко Н.А.* Новый клад монет …. С. 352–353). Странно, но по данным огромного количества уже давно введенных в научный оборот документов, рабочий люд в империи в тот период получал и

тратил значительно больше. Так, к примеру, в начале VII века водонос в Египте получал 3 номизмы в год, т.е. ок. 1,5 фоллиса или 60 нуммий в день (См.:*Morrisson C., Cheynet J.-C.* Prices and Wages in the Byzantine Word // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century. Washington, 2002. Vol. 2. P. 864). В начале VI века строитель в Сирии зарабатывал до двух миллиарисиев, т.е. ок. 28 фоллисов в день (См.: Сирийская хроника Захарии Митилинского*, кн.7, гл.6.* // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 49). И этих денег едва хватало на жизнь. К примеру, согласно Иешу Стилиту в Сирии уже в начале VI века литра курятины стоила 300, а яйцо 40 нуммий (См.: Там же. С.35). Кроме того, в связи с падением стоимости фоллиса до 1/36 кератия к концу правления Ираклия (См.:*Morrisson C., Sodini J.-P.* Op. cit. P. 215), зарплаты и стоимость жизни в первой половине VII века должны была возрасти. Как видим, трактовку нумизматического материала необходимо согласовывать с данными письменных источников. Вероятно, досадная ошибка вкралась в рассуждения Н.А. Алексеенко в результате неверного понимания сведений о жизни бедноты V-VI веков. Так, по данным С. Морриссона и Ж.-П. Содини, представители этой прослойки тратили ежедневно не менее 3 нуммий в начале V века, 10 нуммий в первой половине VI века и фоллис после 570 г. (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P.* Op. cit. P. 215).

10. Во многих достаточно хорошо известных трудах, изданных к настоящему времени, уделено должное внимание выявлению причин и последствий надчеканки меди при Ираклии. В ходе исследования были выделены две группы контрамарок: с т.н. «хризмой» («орлом») или с монограммой правителя (См. прим. 4). Как было установлено в ходе длительных и тщательных исследований, контрамаркирование разменных денег, как правило, проводилось не с целью повысить их номинал, а для узаконения рыночной стоимости медной монеты.

11. В 295–296 годах взамен бронзовых антонинианов, к тому времени совершенно обесценившихся, в обращение поступили новые серии золотых, серебряных и крупных бронзовых посеребренных монет (*Sear D.R.* Roman coins and their values. London, 1988. P. 301).

12. В 348–350 гг. был налажен выпуск крупной бронзовой монеты с незначительным содержанием серебра (*Sear D. R.* Op. cit. P.335).

13. В результате реформы, проведенной в 498 г., в обращение поступила новая медная монета с относительно стабильным курсом.

14. Дело в том, что только за период с 396 по 498 гг. курс медной монеты в золоте упал более чем в 3 раза (См.: *Morrisson C., Sodini J.-P.* Op. cit. P. 212). Недовольство населения её постоянным обесцениванием и стало причиной реформы 498 г., проведенной императором Анастасием I Дикором (См.: *Серов В.В.* Монетная реформа Анастасия I и Херсонес Таврический // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 47; *Morrisson C., Sodini J.-P.* Op. cit. P. 214). Отметим, что многие нумизматы допускают возможность обращения позднеримской монеты в Херсоне чтобы объяснить её наличие в закрытых комплексах вместе с ординарными бронзами Византии. Так, согласно общепризнанной на данный момент точке зрения, медь античных государств могла ходить в Херсоне практически все раннее средневековье. Основываясь на этом утверждении, некоторые историки развивают теорию об особом характере денежного обращения в городе, которому якобы было свойственно длительное, до 200 лет, использование местных и привозных бронз. На самом деле, позднеантичная медь встречается в кладах, содержащих ранневизантийские монеты, сокрытых не только на всей территории империи, но и за её пределами (См.: *Kent J.P.C.* Op. cit. P.CXXIX, CXXX, CXXXIV, CXXXVI–CXXXVII, CXXXIX, CXLI–CXLII, CXLV–CXLVI, CLII–CLIII, CLV, CLIX, CLXX). Самые поздние византийские монеты, выпавших в эти монетные собрания, были выпущены при Маврикии Тиверии (См.: *Kent J.P.C.* Op. cit. P. CXXXIX). Так как сейчас принято датировать клады по последней монете, а не по денежным реформам, то издатели отнесли их к VI веку. Мы не можем согласиться с таким подходом. Наша методика датирования монетных собраний приведена в статье (*Чореф М.М.* Клад монет Крымского ханства из фондов Центрального музея Тавриды // VIII Таврические научные чтения. Симферополь, 2008. Ч.II. С. 162–170). Считаем, что в Византии в первой половине VII века наблюдалось острая нехватка разменной монеты, в результате чего обращение усваивало всевозможные суррогаты – чаще всего уже давно выпавшую из него медь античных государств. Вероятно, некоторые из них были надчеканены. В любом случае позднеантичная монета была окончательно демонетизирована к середине VII века.

15. Считаем нужным отметить, что в Херсоне, как и во всей империи, могли одновременно обращаться монеты разных правителей, чеканивших их по одной монетной стопе. К примеру, нахождение в одном кладе бронз Анастасия I Дикора, Юстина I, Юстиниана I, Юстина II (565–578), Тиверия II Константина (578–582), Маврикия Тиверия (582–602) и Фоки (602–610) не следует воспринимать как нечто экстраординарное. Так, разменные монеты большинства этих правителей одновременно выпадали в сбережения, схороненные на

Балканах: в окрестностях Фив Беотийских, в укреплении Велики Градац, в Приолифе (См.: *Шувалов П.В.* Случайные флуктуации или преднамеренный отбор? (Три клада фоллисов последней четверти VI в.) // Stratum plus. Ваш археологический журнал. СПб.–Кишинев–Одесса, 1999. №6. С. 104–110), в Добрудже: в Кудалби, в Старых Белярах, в Гропени и Мовилени (См.: *Столярик Е.С.* Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и в византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992. С. 40–44). Выпасть в клады они могли только в результате каких-либо общественных потрясений, но, во всяком случае, до первой половины VII века. Отметим, что эту точку зрения разделяла и И.В. Соколова (См.: *Соколова И.В.* Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII-XI вв. // ВВ. М., 1959. Т. XV. С. 55, 57). В позднейших кладах медные монеты VI века уже не встречаются.

16. Так как в Херсоне была контрамаркирована разновременная медь нескольких достоинств, то, мы предполагаем, что в её ходе прошла ревальвация пентануммиев Юстиниана I и введение в обращение позднеримских монет, закупленных прежде казной для переделки в новые серии.

17. В настоящее время она хранится в Государственном Эрмитаже (№ 5935). Сохранилась и её бирка с автографом И.И. Толстого.

18. *Анохин В.А.* Указ. соч. С.103.

19. *Соколова И.В.* Монеты и печати… С. 30–33.

20. Там же. С. 33.

21. Там же. Фоллис Тиверия III Апсимара с надчеканкой «**B**» была найден и издан К.В. Голенко. Исследователь предположил, что он был контрамаркирован на монетном дворе Боспора (См.: *Golenko K.* Gegenstempel auf Chersoner Münzen des Maurikios Tiberios // Hamburger Berträge zur Numismatik. Hamburg, 1965. Helt 18–19. S.9). Действительно, в этом городе в конце VI–VII были налажены чекан и литье разменной меди (См.: *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 355–392). Однако В.А. Анохин посчитал, что эта монета была конрамаркирована штампом с монограммой Ираклия (*Анохин В.А.* Указ. соч. С.103).

22. *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 270–275. – № 1414–1415 , 1420–1421, 1424, 1428, 1431, 1433, 1437, 1438, 1440–1441, 1444, 1446.

23. Там же. P. 270–275.

24. Там же. P. 271–275, №1426–1431, 1435–1438, 1445–1446.

25. *Анохин В.А.* Указ. соч. Табл. XXII. № 318-321; *Соколова И.В.* Монеты и печати… Табл. III. №7; *Сидоренко В.А.* Указ. соч. Табл. I. № 7–11.

26. Первым это предположил В.А. Сидоренко (См.: *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 368, 380. Табл. I. № 12–14).

27. *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 104; *Соколова И.В.* Монеты и печати… С. 27–28; *Сидоренко В.А.* Указ. соч. С. 370–373.

28. И.В. Соколова высказывала предположение о возможности денежной эмиссии в Херсоне от имени этого правителя, но позже от него отказалась.

29. К середине IX века монетная стопа византийской меди значительно поднялась. Вероятно, нормализация положения на границах империи при консолидации политической элиты вокруг первых представителей Македонской династии привели к подъему в экономике империи. В результате этого в обращение поступила относительно полноценная разменная медь. Так, если вес фоллиса при Константе II (641-668) составлял 3–5 г, то при Михаиле II (820–829) он поднялся до 8 г (См.: *Grierson P.* Op. cit. P. 19-20).

30. *Чореф М.М.* Новый тип монетного литья Херсона // VII Таврические научные чтения. Симферополь, 2007. С. 137–144.

31. В настоящее время известна только одна монета этого типа. На её аверсе были оттиснуты буквы «**MB**», а на реверсе «Ѧ» (См.: *Шонов И.В.* Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь, 2000. С. 118. №171).

32. В ближайшем будущем мы планируем закончить это исследование и опубликовать его результаты.

33. Хотя последние монеты этого номинала выпускались еще при Константине V Копрониме (741–775) (См.: *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.*. Op. cit. P. 297. №1563), но уже после Константина IV Погонате (668–685) они уже фактически выпадают из обращения (См.: *Morrisson C.* Byzantine Money: Its Production and Circulation // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century. Washington, 2002. Vol.2. P. 921.).

34. *Morrisson C.* Op. Cit. P. 922.

35. Отметим, что в процессе исследования монетного дела Херсона к литью Александра были отнесены два типа литых бронз. Так, А.В. Орешников все монеты этого города с «Ѧ» на аверсе и с «ПХ» или крестом на реверсе датировал правлением этого монарха (См.: *Орешников А.* Материалы древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. С. 28. Табл. II.*22*; *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты // Оттиск из III тома «Трудов Московского Нумизматического Общества». М., 1905. С. 10. №31. Табл. II. Рис. 22; *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты. (Дополнение) // НС. М., 1911. Т.1.С. 110. Табл. В. Рис. 13). С ним согласна и И.В. Соколова (См.: *Соколова И.В.* Монеты и печати… С. 42–43. Табл.VIII, *12,13).* Однако по В.А. Анохину эти бронзы были отлиты при Михаиле III (842-866) от имени городских архонтов (См.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 125. Табл. XXIII, *337*, XXIV, *349*). Считаем, что в данной статье нет необходимости приводить соображения по этому вопросу. Уже

разнобой в датировках монет нам кажется показательным. В ближайшем будущем мы собираемся ввести в научный оборот наши атрибуции этих монет.

[36] Ограничив временные рамки исследования, мы оставляем за собой возможность привести и обосновать в отдельной работе нашу теорию, позволившую, как нам кажется, датировать и определить номиналы поздних монет Херсона: с «**kBw**» и «**Rw**» на аверсах.

[37] *Чореф М.М.* Новый тип… С.137–144.

[38] Как и большинство исследователей, мы считаем, что изображения Льва VI и Константина VII были оттиснуты на аверсах херсонских монет.

[39] Так, в VII-X веках на реверсах крупнейших золотых и серебряных византийских монет обычно помещали патриарший крест на трёх ступенях, на их фракциях восьмиконечный крест, иногда с добавлением дополнительного элемента – шара.

[40] Во второй половине VI–VIII веках в западных провинциях Византийской империи выпускали серебряные монеты в 250, 200, 125, 120, 100 и в 30 нуммий, а также в ½ и в ¼ силиквы (См.: *Харитонов Х.* Сребро на Византия. Велико Тырново, 2003. С.167, 171, 173-200, 213. № 378-380, 393-396, 396a, 400-488; *Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D.* Op. cit. P. 76, 84, 98, 101–102, 112, 113, 130–131, 136, 140, 153, 156, 157, 186–187, 193–194, 216, 225, 227, 238, 243, 250, 254, 262, 268, 269, 274, 278, 282, 284, 290–291, 299, 300. №253, 313–322a, 392–392b, 411–415, 464, 465, 471, 551–555, 593, 614–615a, 682–683, 702, 711, 869–871a, 905–909, 1048–1052, 1124–1125c, 1135–1138, 1193, 1230, 1232–1233c, 1237, 1265c–1265d, 1308–1309, 1352, 1357, 1404a, 1405, 1410, 1444a–1444c, 1461a, 1482a, 1501, 1534a–1524d, 1579, 1582c). Эмиссия мелкого серебра происходила в Карфагене и в городах Италии. В центральных областях Византии деньги таких номиналов из драгоценных металлов не чеканили. Так как в западной части империи чеканили монеты одного достоинства в меди и в серебре, то получается, что часть жителей этих провинций отказывалась принимать деньги из недрагоценного металла. Впрочем, местное население этих регионов до конца VI века использовало монеты варварских королевств (См.: *Соколова И.В.* Клады византийских монет… С. 52; *Mosser S.* A bibliography of Byzantine coin hoards // Numismatic Notes and Monographs. New York, 1935. P. 33, 56, 78, 100). Отметим, что большая часть этих серебряных номиналов перешла в монетное дело Византии из денежных систем государств вандалов, остготов и гепидов (См.: *Харитонов Х.* Указ. соч. С.205–210; *Morrisson C., Sodini J.-P.* Op. cit. P. 216). Считаем, что мельчайшее серебро эмитировалось для расчетов с варварами-наемниками. По крайней мере, оплата их услуг была основной статьёй расхода во всех завоеванных при Юстиниане I западных провинциях (См.: *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959. С. 518).

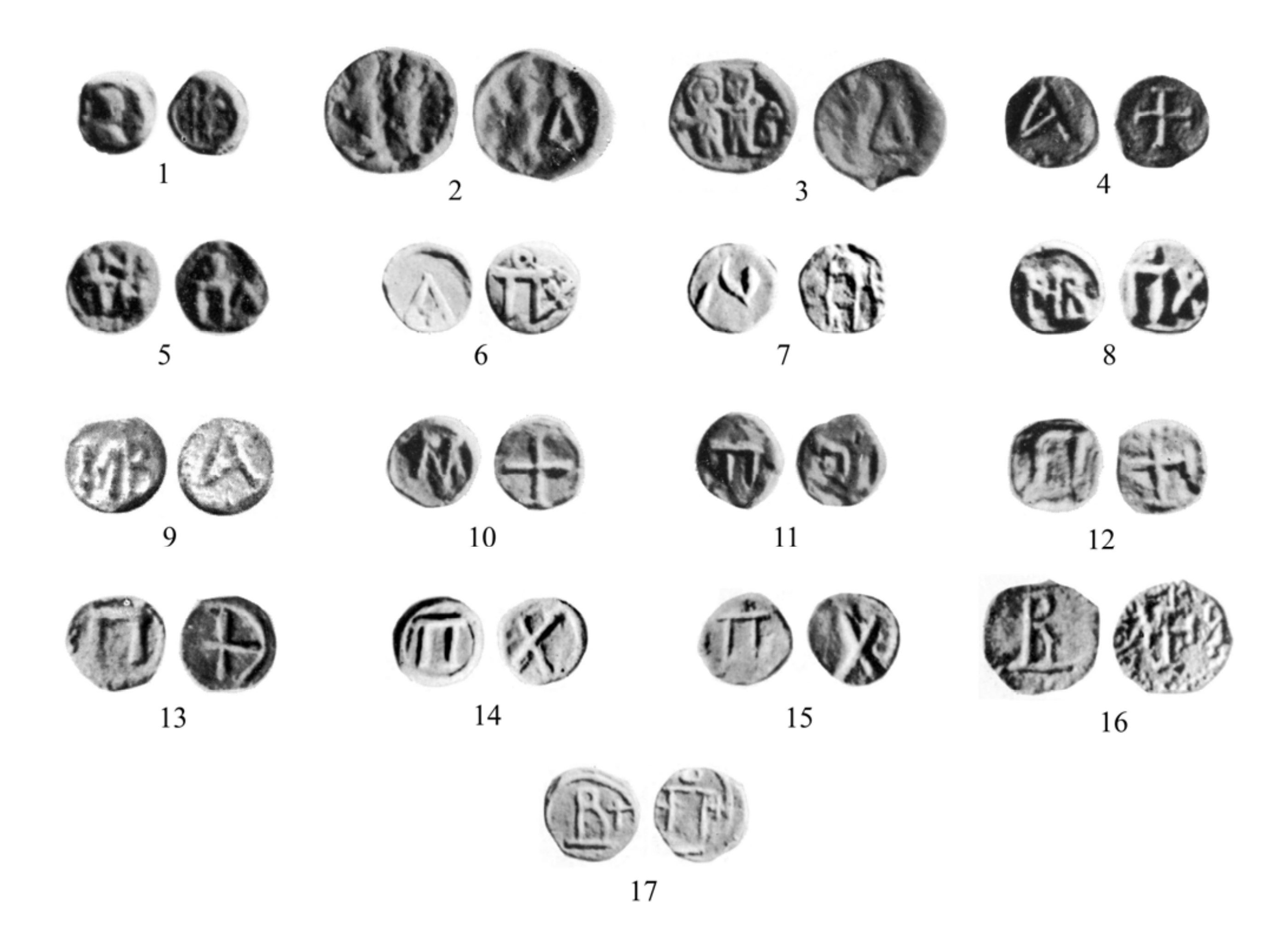


Рис. 1. Предположительно и бесспорно литые бронзы Херсона VI–X вв.

1 – предположительно подражание декануммию Юстиниана I; *2*,*3* – копии гемифоллисов второй половины VI в.; *4-17* – гемифоллисы VIII–IX вв.

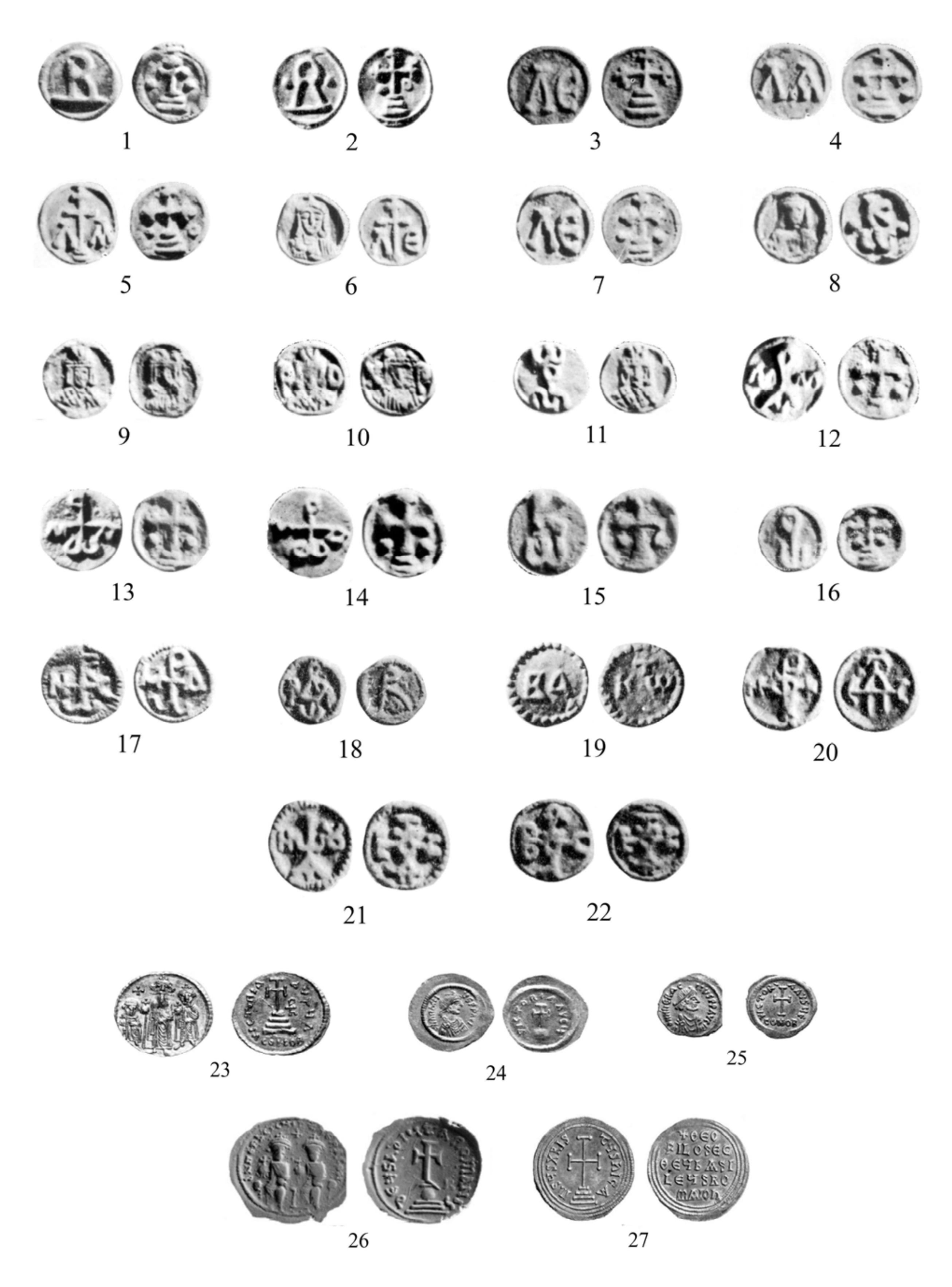


Рис. 2.

1-22 – литые фоллисы Херсона IX-X вв.; *23-26* – солид, семис, тремис и гексаграмм Ираклия; *27* – милиарисий Феофила.

Н.В. Днепровский

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕЩЕРНОГО УБЕЖИЩА СВЯТОГО ВАСИЛИЯ, ЕПИСКОПА ХЕРСОНЕССКОГО

Уже не первое столетие исследуются христианские памятники Таврики. Однако и в настоящее время большинство из них или не изучено в полной мере, или трактуются неоднозначно. К примеру, и до сих пор так и не выработано единая, бесспорная точка зрения по вопросу о месторасположении убежища, в котором скрывался от гонителей св. Василий, епископ Херсонесский.

Казалось бы, в его Житии содержатся исчерпывающие сведения по этому вопросу: «…нечестивцы осыпали св. Василия ударами, изгнали из города: он удалился в гору, отстоящую на сто стадий от Херсониса, называемую Девичья или Парфенон: – водворившись в пещере исповедник радовался, что сподобился Христа ради подъять раны и мучения…» [1].

Свидетельство этого источника было проанализировано еще В.В. Латышевым. Отмечая, что пещера Парфенон не упоминается *при описании Херсонеса* более нигде, кроме жития св. Василия, исследователь писал: «В обоих изводах древнейшей редакции жития, т.е. в славянских переводах С и М и в греческом тексте А «Парфенон» упоминается дважды, именно, а) при описании деятельности св. Василия и б) при определении места, отведённого для поселения военному отряду при св. Капитоне. В позднейшей редакции… имеется только одно упоминание о Парфеноне при изложении деятельности св. Василея, при чём сказано, что он поселился в этой пещере, *будучи изгнан из города язычниками…*(*курсив Латышева – Н.Д.*) Очевидно, на этом основании Болланд и предположил, что пещера находилась на мысе Парфении, упоминаемом Стравоном в 100 стадиях от города. Это предположение Болланда св. Димитрий Ростовский уже в категорической форме внёс в текст составленного им жития Херсонских епископов. Однако если мы подробно рассмотрим упоминания о Парфеноне в древнейшей редакции житий, то придём к несомненному убеждению, что… Парфенон находился *в самом городе* (*курсив Латышева – Н.Д.*), а никак не на расстоянии сотни стадий от него» [2].

Предложенная В.В. Латышевым парадигма в определённой мере нашла своих последователей в лице Д.В. Айналова и С.А. Беляева. «Я оставляю для другой статьи доказательства того, что пещера Парфенона до сих пор существует на левой стороне главной улицы Херсонеса, пересекающей город с востока на запад. Эта таинственная пещера не раз была уже описана археологами, и я сам еще видел остатки лестницы, ведшей внутрь пещеры. Я описал ее подробно в первом выпуске "Христианских древностей Херсонеса" под № 35 (С. 121–122)», - пишет Д.В. Айналов и приводит «последовательность топографии мученического пути св. Василевса», которая, по его мнению, «неукоснительно заставляет предполагать существование внутри Херсонеса пещеры Парфенона и почитание ее, как места пребывания первого херсонесского просветителя и мученика» [3]. «Полученные в ходе археологического исследования «пещерного храма» результаты», - дополняет, в свою очередь, С.А. Беляев, - «полностью подтверждают выводы, сделанные Д.В. Айналовым в основном на основании анализа житийной литературы с учетом, правда, архитектурного облика «пещеры». «Пещерный храм» – действительно часть мартирия. Полностью согласен с предположением Д.В. Айналова, что этот памятник имеет прямое отношение к первому херсонесскому епископу из Иерусалима св. Василию» [4].

Казалось бы, в самое последнее время была сделана и ещё одна находка, которая также может укладываться в контекст рассуждений В.В. Латышева.

На конференции по церковной археологии «Христианские древности и современная культура», состоявшейся в период с 24 по 28 сентября в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический» (г. Севастополь), её участникам был показан новооткрытый, и потому ещё не описанный, подземный храм на Девичьей горе. [5] В связи с этим также возникает обоснованный, на первый взгляд, вопрос - не здесь ли некогда находилась пещера, где укрывался святой.

Как видим, гипотеза В.В. Латышева выглядит достаточно сильной. Однако для полноты картины нам представляется полезным рассмотреть альтернативные версии.

Поэтому для начала вернёмся к аргументам самого В.В. Латышева.

Аргументы эти суть следующие.

Во-первых, он отождествляет пещеру Парфенон, где укрылся епископ, с топонимом Парфенон, который упоминается совсем в другом контексте, а именно, в связи с тем, что жители отдали военному отряду «восточную часть города от рынка до Парфенона». Между тем резонно предположить, что в городе, главным божеством жителей которого была богиня Дева, этому божеству был посвящён, скорее всего, не один объект, а из текста жития вовсе не следует, что разделявший город на части Парфенон был именно пещерой. Это понимал ещё Дюбуа де Монпере задолго до Латышева: «Таким образом, таврская богиня имела свой Парфенон в городе и своё святилище на мысу Парфений, в месте, где, несомненно, некогда приносились человеческие жертвы» [6]. Но самое главное – об этом прямо говорит сам Страбон: «В этом городе находится храм какой-то богини Парфены, по имени которой называется и мыс, лежащий пред городом на 100 стадий от него, носящий имя Парфении; на нём находится храм и статуя богини» [7].

Во-вторых, В.В. Латышев апеллирует к психологической достоверности жития, ссылаясь на то, что оно не упоминает собственно о необходимости выхода из города как сторонников, так и противников св. Василия, желавших его разыскать. Однако в житии ясно сказано, что князь и его присные, желая воскресить княжеского сына, «в тот же день пошли искать человека Божия и обрели его в пещере» [8]. Если св. Василий действительно находился в городе, а, тем более, на его главной улице, фраза о его поисках и «обретении» выглядит более чем странно, но она вполне логично живописует силу любви родителей, если им пришлось при тогдашних средствах передвижения «в один день» проделать двадцатикилометровый путь туда и обратно. Что же касается гонителей святого, то не забудем, что после воскресения княжеского сына «епископа ввели с честию в Херсонес, после чего, князь крестился со всем своим домом, и много народа приложилось к сонму верных. Церковь Христова росла в Херсонесе, а капища языческие упразднялись». В контексте этого фраза: «Собралось множество нечестивых с оружием в руках, и с воплем напали на архиерея Божия: извлекли его из *храмины* (*курсив наш – Н.Д.*), связали ноги и так влачили по улицам…» [9] – может быть понята, на наш взгляд, единственным образом: торжество Православия казалось столь близким, что святителя захватили врасплох *не в его убежище*, надобность в котором к тому времени, казалось, уже полностью миновала, а в тот момент, когда он проповедовал в черте города. В частности, это могло иметь место и в подземной «храмине» на главной улице Херсонеса [10], которая впоследствии по этой самой причине и стала его мартирием, что никак не противоречит выводам Д.В. Айналова и С.А. Беляева.

В-третьих, не ставя под сомнение авторитет В.В. Латышева как учёного, нельзя, однако, не отметить некоторой «выборочности», если не предвзятости, с которой он оставляет за собой право отметать или признавать те или иные подробности славянской версии жития. Отвергая версию о бегстве св. Василия из города фактически на том основании, что детали этого бегства остались только в славянском изводе (хотя сам факт укрытия в «Парфеноне» *имеется и в прототипе*), он в то же время как об историческом факте говорит о существовании двух городских ворот Херсонеса, упоминание о которых *вообще имеется только* в этой же славянской версии [11].

Но гораздо существеннее то, что, как нам представляется, в его рассуждениях не учтён несравненно более важный психологический момент, чем те, на которые он опирается.

Парадоксальность вывода о факте проживания гонимого святителя в непосредственном окружении своих гонителей была настолько очевидна самому исследователю, что он почувствовал необходимость объясниться: «Мне кажется, что этот факт может быть объяснён только предположением, что посвящённая Деве пещера пользовалась правом убежища» [12].

В наши дни С.Б. Сорочан, В.М. Зубарь и Л.В. Марченко повторяют и развивают эту аргументацию. Вот что они пишут: «Может быть, мы и стоим у места, где нашел приют епископ, а название Парфенон (дословно с древнегреческого - «храм девы») объяснимо тем, что Василий укрылся не просто в пещере, а в заброшенном древнем подземном храме, посвященном хтоническим божествам, например, владычице загробного мира - Коре (Персефоне), тоже «деве»? Как и любой греческий храм, даже запущенный, он давал право защиты, и становится понятно, почему Василий пытался, правда, безуспешно, найти убежище именно в этом месте» [13].

Между тем, существует целый ряд апостольских правил (45-е, 70-е, 71-е), которые, хотя и не запрещают в прямой форме *заходить* в языческий храм, однако, в своей совокупности направлены, по сути дела, на осуждение любой попытки прямо или косвенно *признать сакральность* иноверческого храмового пространства, будь то языческого или еретического. Нет никаких сомнений, что эти правила не навязывали ранним христианам подобную точку зрения, а лишь выражали и нормативно закрепляли её как уже сложившуюся. *Бытовые* пространства

христианина и язычника могли пересекаться, *сакральные* - ни при каких обстоятельствах. «У нас одна душа, но не одно учение, мы сообща владеем миром, но не заблуждением» - чеканно формулирует это положение Тертуллиан в своём полемическом трактате «Об идолопоклонстве» [14] и даёт развёрнутое обоснование этому мироощущению. В сущности, квинтэссенцией этого обоснования можно считать две ключевые фразы: «Так поступает и царь Давид, когда упоминает богов, говоря: *Боги язычников - демоны*» [15]. И далее: «…Храня молчание, ты подтверждаешь величие тех, чьим именем ты якобы связан. **И какая разница, своими ли собственными словами ты подтвердишь, что боги язычников – настоящие боги, или только слыша это и ничего не возражая?**» (*выделено нами – Н.Д.*) [16].

Между тем предложенная Латышевым интерпретация предполагает именно акт такого «молчаливого» подтверждения. *Укрыться в святилище* языческого божества означало бы, по крайней мере, в глазах самих язычников, *отдаться под покровительство* этого божества, то есть, де-факто, *признать его власть*, его «истинность», а значит, тем самым, стать если не прямым служителем, то пособником «демонов» – об этом также ясно и недвусмысленно пишет Тертуллиан: «Как можем мы быть враждебны к тем, чьей милости мы обязаны собственным пропитанием?» [17]. Таким образом, даже допуская гипотетическое восприятие христианином языческого убежища «всего лишь» как возможности использовать «суеверия» толпы в своих интересах, мы упустили бы из виду катастрофические последствия, которые это имело бы если не для самой личности св. Василия, то для дела проповеди христианства в среде херсонского социума. Несомненно, святой не мог этого не понимать. Поэтому вариант с укрытием святителя в херсонском Парфеноне представляется нам психологически недостоверным для того времени. И уж совсем невероятной, в этом случае, представляется нам ситуация, при которой «св. Василий не только укрылся в Парфеноне от первого преследования, но и после того, как был найден там родственниками умершего мальчика и чудесно воскресил его, снова вернулся в пещеру и пребывал в ней до кончины» [18]. *Чьим именем*, с точки зрения язычников, должен был воскрешать человек, принявший покровительство их богини? Мог ли не понимать этого св. Василий? Ведь, согласно тому же Тертуллиану, «благословлять языческими богами – всё равно, что проклинать Именем Божьим» [19]! А упомянутая выше Персефона и вовсе была владычицей Аида (Ада), то есть, говоря православным языком, ни много ни мало «хозяйкой» преисподней!

В то же время вариант с уходом св. Василия в отдалённую пещеру не только не противоречит реалиям эпохи, но находит себе в этой эпохе прямые параллели. Так, при совершенно тождественных обстоятельствах, гонимый тбилисскими язычниками св. Давид удаляется из своей пещеры на горе Мтацминда в Гареджийскую пустыню, где и основывает один из известнейших пещерных монастырей Грузии [20].

Вот почему нам по-прежнему представляется целесообразной попытка непосредственной верификации исходного агиографического материала.

Основным препятствием к этому, однако, доныне являлось то обстоятельство, что попытки отыскать мыс Парфенион предпринимались неоднократно, однако назвать их результативными невозможно. Обстоятельный обзор этих попыток произведён в книге Т.М. Фадеевой [21]. Так, академик Паллас и кембриджский профессор Э. Кларк «не менее трёх раз согласились в том, что мысу Парфений могли соответствовать мысы: а) Фанар, или Херсонесский, б) Фиолент, в) Айя-бурун, Святой мыс (замыкающий бухту Георгиевского монастыря, но не мыс Айя! [22])». Кроме того, Паллас допускал существование храма Девы на мысе с гротом Дианы (впоследствии Джаншиев мыс или мыс Лермонтова), итальянец Формалеони и А.С. Пушкин помещали этот храм на мысе Фиолент [23], а Муравьёв-Апостол – на мысе Херсонес [24]. Дюбуа де Монпере почти не сомневался в его локализации на мысе Айя-бурун, но в то же время рассматривал и район Георгиевского монастыря, причём обосновывал это тем, что ранние христиане часто переосвящали места древних святилищ: «святой Георгий пришёл на смену Ифигении, Оресту, Гераклу» [25]. К этому мнению склоняется и сама Т.М. Фадеева [26].

Нам представляется, что одной из основных причин неудачи вышеупомянутых исследователей было чрезмерное увлечение античной историей в её романтизированном варианте. При этом деятели науки и культуры XVIII-XIX вв., особенно прозападной ориентации, рассматривали средневековье как эпоху упадка, а их скептическое отношение к христианству влекло за собой естественное недоверие к агиографическим данным как к историческим источникам.

Мы же, напротив, сделаем основной упор на житие св. Василия и, в предположении его изначальной достоверности и точности, попытаемся проанализировать данные, которые можно было бы интерпретировать как легенду в научном смысле этого слова,

пригодную для поисков возможного убежища херсонского святителя. Эти данные суть следующие.

1. «Гора Парфенион». Отождествление горы Парфенион с мысом Парфенион хотя и представляется достаточно вероятным, но всё же не является бесспорным.

2. Аргументом в пользу такого отождествления по умолчанию считается совпадение расстояний между Страбоновым мысом и «житийной» горой – 100 стадий. Как известно, греческий стадий составлял 178 м, аттический – 177,6 м, т.е. примерно столько же.

3. Наличие пещеры, в которой подвизался святой.

В качестве дополнительных моментов отметим следующие.

4. Необходимым условием отшельнического подвижничества, при всех его самоограничениях, должно было быть устойчивое водоснабжение.

5. Желательная скрытность или труднодоступность убежища.

Таким образом, функционально полное соответствие сохранившимся материалам жития св. Василия имел бы следующий географический объект: *Скрытно расположенная ИЛИ труднодоступная пещера, находящаяся на мысу ИЛИ горе, расположенных в 100 стадиях (17,8 км) от Херсонеса И поблизости от источника пресной воды.*

Данное описание мы попытались, пока что приближённо, представить в виде совокупности логических функций. Заметим, что логическая функция «И» предполагает обязательное совместное существование объектов. Поэтому в строгом виде наше логическое выражение примет вид:

Искомый объект = {[(пещера И мыс) ИЛИ (пещера И гора)] И источник} И 100 стадий.

Такая запись вовсе не является средством достаточно распространённого искусственного «наукообразного затуманивания» очевидных вещей: несмотря на непривычный для гуманитария вид, интуитивный смысл приведённой формулы достаточно понятен. В то же время, как мы увидим из дальнейшего, она открывает перед нами новые возможности: во-первых, не позволит нам пропустить какой-либо из вариантов решения, а, во-вторых (и это главное), путём чисто формальных и не столь очевидных, на первый взгляд, преобразований позволит менять стратегию поиска (подобно тому, как это делается при поиске в Интернете). При этом каждая новая стратегия позволяет нам достаточно гибко брать за основу любой из удобных нам признаков (в зависимости от контекста), а далее осуществлять расширенный поиск по правилам математической логики.

В частности, пользуясь известными переместительным и сочетательным законами (свойства дистрибутивности и коммутативности), мы можем преобразовать данное выражение к виду:

Искомый объект = (пещера И источник) И (мыс ИЛИ гора) И (скрытность ИЛИ труднодоступность) И 100 стадий.

Теперь обратим внимание на следующее.

1. Выражения, находящиеся во второй и третьей круглых скобках (*« мыс ИЛИ гора», «скрытность ИЛИ труднодоступность»*), логически представляют собой альтернативу и потому не могут быть первичными поисковыми признаками (чем зачастую грешили предшествующие исследователи). Именно эта ситуация описывается сказочной формулой «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что».

2. Из признаков, не имеющих альтернативы и входящих в выражения на правах общего сомножителя (т.е. *обязательного условия*), пещеры с источником, с одной стороны, являются в Крыму достаточно многочисленными (неоднозначность решения), а с другой, в силу их малых размеров, никогда нельзя утверждать, что нам известны все подобного рода объекты - как существующие в настоящее время, так и существовавшие раньше. Именно поэтому, на наш взгляд, повисла в воздухе, как непроверяемая, гипотеза В.В. Латышева.

3. Таким образом, как это не покажется парадоксальным, *единственным* критерием, позволяющим эффективно произвести первичный поиск, оказывается та самая дистанция в 100 стадий, которую считал такой недостоверной В.В. Латышев, и, как мы увидим далее, другие исследователи (хотя и из иных соображений). Именно в силу этого, на наш взгляд, оказались безуспешными многочисленные попытки упомянутых выше учёных идентифицировать мыс Парфенион, поскольку в качестве главного признака для расширенного поиска использовались гипотетические остатки святилища Девы, о внешнем виде которого никто не имел представления,

притом, что развалины античных построек встречались в окрестностях Херсонеса на каждом шагу. В настоящее же время поиск этого святилища и вовсе может оказаться безрезультатным, т.к. в годы «холодной войны» почти все мысы в окрестностях Севастополя и Балаклавы были облюбованы военными под радиолокаторы обзора моря и станции наведения ракет. В частности, локаторы находились на мысе Айя, на самом Фиоленте и поблизости от него - вокруг маяка. На Фиоленте и вокруг Балаклавы на мысах были также установлены ракетные и артиллерийские батареи. В Георгиевском монастыре и Мраморной балке находился ракетный полигон. Всё это было демонтировано только в 1990-е гг. Военные же с памятниками могли и не церемониться, особенно если речь шла о насухо сложенной куче каменных глыб, оставшихся от храма. Так, например, пострадало укрепление Кокия-исар на мысе Айя.

В то же время история «пещерных городов» Крыма доказывает, что пещерные сооружения оказываются намного долговечнее наземных.

Чтобы не усложнять далее наше логическое выражение, будем искать его решения по частям, пользуясь правилами раскрытия скобок.

Проверяя версию «100 стадий», мы должны были бы получить в качестве возможных вариантов решения две «особые» точки по обе стороны Херсонеса.

К счастью, одну из этих точек оказывается возможным отбросить на основании результатов, полученных при решении совсем другой задачи в ходе исследований, проведённых В.М. Зубарем и А.В. Буйских: «А.Л. Бертье-Делагард, а вслед за ним и другие исследователи, полагал, что 100 стадий – это расстояние между Херсонесом и Маячным полуостровом, где располагался Древний Херсонес и мыс Парфений…, а несовпадение расстояния, указанного Страбоном в стадиях, с реальным *объяснял ошибкой, «которая у древних самое обычное дело»* [27] (*курсив наш – Н.Д.*)... Но следует обратить внимание не на вероятную ошибку древних, а на то, что Страбон пишет о мысе, расположенном «перед городом». Причём это место, несмотря на ряд разногласий, одинаково трактуется всеми переводчиками…

Страбон достаточно точно описывает побережье Гераклейского полуострова… Поэтому в данном случае Страбон… указывал не на Маячный полуостров, лежащий к западу, а на район мыса Фиолент, расположенный на южной стороне Гераклейского полуострова, как раз на расстоянии 20 км или 100 стадий от Херсонеса…, где следует локализовать мыс Парфений с храмом и статуей Партенос» [28].

Произведём теперь анализ окрестностей найденной «особой точки» на соответствие вторичным поисковым признакам.

Фантастическая панорама мыса Фиолент (*фото 1*), как уже отмечалось, неоднократно побуждала путешественников, художников и поэтов воображать именно здесь кровавые обряды, связанные с отправлением культа Девы. Но нас сейчас интересует пригодность этого места для обитания св. Василия, а с этой стороны результат верификации оказывается неудовлетворительным: даже несмотря на то, что там был найден небольшой христианский храм IX-X в., а под ним слои IV-III вв. до н.э. [29], непосредственно мыс Фиолент беден пресной водой (по крайней мере, в настоящее время), а его исполинские отвесные обрывы не способствуют пещерножительству.

Однако известно, что как хорошие источники пресной воды, так и пещерные комплексы, причём искусственного, и к тому же христианского, происхождения, имеются по обе стороны от Фиолента – как со стороны Балаклавы (Георгиевский монастырь), так и со стороны Херсонеса (мыс Виноградный). Ближе к Херсонесу такие комплексы на сегодня неизвестны, а за Георгиевским монастырём они были зафиксированы (но не исследованы, поэтому точное положение их неизвестно) рядом путешественников уже только вблизи Балаклавы, у села Карани (ныне Флотское). Таким образом, именно указанный в житии св. Василия район оказывается насыщенным средневековыми христианскими пещерными комплексами (около десятка пещер на мысе Виноградный и не менее этого в районе Георгиевского монастыря).

В сущности, на этом в проверке нашей гипотезы можно было бы остановиться. Но попробуем поверить житию св. Василия до конца. Дело в том, что расстояние морским путём между упомянутыми комплексами составляет около 4,5 км или порядка 25 стадий, то есть четверть указанного Страбоном расстояния, что позволяет дифференцировать их достаточно определённо. Поэтому, не делая поспешных выводов, измерим морской путь от Херсонеса до обоих интересующих нас объектов.

В этом случае, если следовать максимально близко к береговой черте, но «срезать» её изгибы (в том числе и гавани) [30], мы получим расстояние от нынешнего Херсонесского заповедника до мыса Виноградный в 20,5 км и расстояние до Георгиевского монастыря в 25 км. Принимая значение греческого стадия в 178 м, получаем 115 стадий и 140,5 стадий соответственно.

Таким образом, пещерные комплексы на мысе Виноградный (*фото 2, 3*), *вопреки мнению А.Л. Бертье-Делагарда об обыкновении древних делать ошибки*, с удивительной, на первый взгляд, точностью (с погрешностью [31] около15%) соответствуют первичному поисковому признаку – расстоянию от Херсонеса до места, где подвизался в период гонений св. Василий. На самом же деле эта точность не так уж и удивительна, если вспомнить, что греки были отличными мореплавателями, а сам Страбон, хотя и имел римское гражданство, но был родом из Амасии, расположенной в ста километрах от южного берега Черного моря.

При дальнейшем анализе нетрудно убедиться, что на Виноградном присутствуют и все остальные – вторичные – наперёд заданные нами поисковые признаки: наличие мыса, относительная труднодоступность (даже сейчас) пещерного комплекса и очень хорошее водоснабжение. Более того, прямо под пещерами существует урочище, именуемое «Митрополичьими садами» (*фото 4*), изобилующее зеленью и как нельзя лучше способное удовлетворить съедобными растениями невзыскательного подвижника. В древности здесь рос и виноград, одичавшие остатки которого попадаются даже сегодня (что и дало название мысу).

В работе Т.Ю. Яшаевой, руководившей раскопками комплекса на мысе Виноградный, отмечается, что он существовал до разрушения турками (в середине XV в.) длительное время: если наземная часть скита сформировалась только в XIII в. (*фото 5*), то найденный на его территории склеп существовал уже в начале или первой половине VI в. [32]. «Естественно», - отмечает исследовательница, - «склеп существовал не сам по себе. Ему, вероятно, предшествовала отшельническая келья и святой источник, вокруг которых позже сформировался скит» [33].

В другой, более ранней работе, Т.Ю. Яшаева уточняет, что и помещение с источником, в действительности, пережило два периода функционирования. На раннем этапе оно, вне всяких сомнений, служило кельей (*фото 6*), о чем свидетельствуют его расположение и размеры, наличие дверного проема, внутренняя обшивка деревом и наличие пазов для крепления встроенной мебели. Второй период связан с появлением в нем источника (очевидно, когда начали вырубать в келье глубокую угловую нишу) (*фото 7*). Судя по вырезанному перед источником кресту, вода источника почиталась святой. После этого келья была перенесена в другое место, а помещение осталось просто молельной комнатой с источником [34].

Таким образом, склепу, вошедшему в состав пещерной части комплекса в начале VI в. (то есть всего через 200 лет после смерти херсонского святителя), *уже* предшествовало существование святого источника, в свою очередь, возникшего в *уже* имевшейся искусственной пещерной келье.

Другими словами, промежуток времени между подвигом святого и основанием скита составляет не более 2-3 поколений.

Нам представляется, что все эти события хорошо укладываются в следующий контекст.

Если св. Василий не оставался в городе, как предполагает Латышев, а удалился от него на мыс Виноградный, то несомненно, что живая память об этом сохранялась в среде херсонских христиан продолжительное время. В частности, было определённо известно и место его пещерного пристанища. Нет ничего удивительного, что вскоре после прекращения гонений (не забудем, что официальное признание христианства состоялось буквально через год после смерти св. Василия) именно вблизи этой пещеры, а, может быть, и в ней самой, обосновались монахи. Вскрытие водоносной трещины, воспринятое как чудо, подтвердило и закрепило славу святого места, и дальнейшее развитие обители происходило по хорошо известной схеме. Как пример, можно привести чудо, совершённое уже упоминавшимся св. Давидом Гареджийским, по слёзной молитве которого в скале открылся источник (так называемая «пещера слёз св. Давида»), давший начало обители. При этом источник, по преданию, дважды иссякал, когда к нему прикасалась рука «нехристя», и лишь после особого богослужения вода возвращалась [35]. Да и в самом Крыму, например, по молитве св. Климента «Господь открыл источник» в Инкерманских каменоломнях [36].

Что же до расположения современного Георгиевского пещерного монастыря, то он с гораздо меньшей вероятностью может быть отождествлён с местом изгнания св. Василия. Прежде всего, погрешность определения его местоположения относительно указанной Страбоном составляет уже не менее 40% (а предполагаемые пещерные комплексы в окрестностях Карани удалены от Херсонеса ещё не менее чем на 3 км, т.е. на 17 стадий, что, в свою очередь, увеличивает погрешность почти до 60%).

К тому же назвать Георгиевский монастырь находящимся на мысу или горе можно только с натяжкой – он находится под самой бровкой обрыва, нависающего над бухтой, ограниченной с одной стороны мысом Фиолент и с другой – мысом Айя-бурун (*фото 8*).

Вдобавок, раннехристианское происхождение его достаточно сомнительно – церковное предание определяет его возраст в

11 столетий, а А.Л. Бертье-Делагард, как известно, сомневался и в этой цифре, считая обитель гораздо более поздней и относя её основание к XV в. [37]. В связи с этим В.Ф. Филиппенко приводит хотя и косвенные, но достаточно правдоподобные аргументы в пользу того, что монастырь был основан выходцами из Инкермана [38].

Однако, если считать, что первые христианские подвижники появились в этой округе задолго до того на мысе Виноградный, освящённом именем св. Василия, то ситуация начинает выглядеть несколько по-другому: не исключено, что именно их последователи иссекли первые кельи там, где была основана впоследствии обитель святого Георгия. Пришедшие из Инкермана монахи только способствовали этому. Заметим, что и сейчас под бровкой обрыва, в нескольких сотнях метров от монастыря, по направлению к мысу Виноградный, сохранились остатки подобных келий (*фото 9*).

Более того, даже известное предание о чудесном спасении мореплавателей может получить совершенно неожиданное объяснение, если окажется, что в этом месте уже проживали монахи, способные какими-то средствами, например, при помощи световых сигналов или колокольного звона, помочь корабельщикам избежать катастрофы. Нельзя полностью исключить и предположения, что образ св. Георгия мог действительно быть установлен этими монахами на самой скале св. Явления, что и дало фактическое основание преданию о «чудесном обретении» этого образа.

В таком случае, споры вокруг вопросов датировки просто теряют смысл: в то время, как отдельные кельи отшельников, удалившихся из обители св. Василия в поисках уединения, могли появиться здесь и тысячелетие назад, *общежительный* монастырь св. Георгия, действительно, мог быть основан в XV в. В.Ф. Филиппенко обосновывает это вытеснением инкерманских монахов из прежней обители, носившей имя св. Георгия, турками после оккупации ими Каламиты [39]. Но заметим, что и жизнь скита на мысе Виноградный также прервалась именно в это время [40]. Поэтому его уцелевшая братия тоже могла присоединиться к своим единоверцам.

Подтвердить или опровергнуть все эти предположения, равно как и гипотезу В.В. Латышева, можно только в ходе дальнейших исследований всех упомянутых выше памятников.

Однако, в любом случае, с учётом того, какую ценность потенциально может представлять с точки зрения истории христианства в Крыму комплекс на мысе Виноградный, нам представляется целесообразным взять его под особую защиту государства и Церкви, чтобы его не постигла печальная судьба других подобных же объектов – мемории св. Климента на островке в бухте Казачьей и средневековой лавры в Сарандинакиной балке. Между тем, пока что «весёлое» времяпрепровождение отдыхающих в пещерах м. Виноградный, ныне расположенных непосредственно под коттеджами дачного посёлка, является «нормой», а в 2005 г. автор наблюдал и документально зафиксировал в этих пещерах следы совершения ритуалов чёрной магии.

В заключение отметим, что наша гипотеза совершенно не касается вопроса о типе и местонахождении храма Девы, а значит, мы и не можем утверждать что он находился в столь непосредственной близости от пещеры святителя, что имел к ней какое-то отношение, кроме топонимического. Следовательно, нет никакого основания считать, что святой Василий, поселившись в пещере, воспользовался правом храмового убежища. Скорее наоборот, именно это могло ускорить его мученическую кончину, как скоро местожительство его было открыто после совершённого им чуда воскрешения отрока, и херсонские язычники выяснили, что ненавистный им христианский проповедник, обладающий, к тому же, даром «наглядно демонстрировать» преимущества своей веры, водворился не где-нибудь, а по соседству с их капищем, то есть – в их понимании – бросил им вызов. В то же время размещение впоследствии на этом месте христианского скита если и не является доказательством существовавшего прежнего языческого святилища, то и не противоречит такой гипотезе – такая практика, действительно, достаточно общеизвестна.

Автор благодарит профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Д.В. Деопика, а также редактора-составителя сборника «Спелестологические исследования» Ю.А. Долотова и ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН Т.М. Фадееву за ценные консультации и предоставленные материалы.

Примечания

1. Жития святых Таврических (крымских) чудотворцев / Сост. Д. Струков. М., 1878. С.17–18.

2. *Латышев В.В.* Жития святых Епископов Херсонских. Исследования и тексты // ЗИАН. СПб, 1900. Т.8. С. 50–51.

3. Цитируется по: *Беляев С.А.* Христианская топография Херсонеса // Церковные древности. Материалы конференции. См.: http://www.rel.org.ru/cgi-bin/run.cgi?action=show&obj=1177.
4. «Христианские древности и современная культура». V международная научная конференция по церковной археологии. Севастополь, 24-28 сентября 2007.
5. Там же.
6. Перевод Т.М. Фадеевой. См.: *Фадеева Т.М.* Тайны Горного Крыма. Симферополь, 2007. С.195.
7. *Косцюшко-Валюжинич К.* Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. Симферополь, 1891. №13. С. 56.
8. Жития святых Таврических (крымских) чудотворцев. С. 18.
9. Там же. С. 19.
10. Заметим, что именно в этом случае термин «извлекли» опять-таки предельно точно характеризует происходившее.
11. *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 56–57.
12. Там же. С. 53.
13. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. Путешествие через века без экскурсовода. К., 2003. С. 107.
14. *Тертуллиан, Квинт Септимий Флорент.* Избранные сочинения. М., 1994. С. 261.
15. Там же. С. 267.
16. Там же.
17. Там же. С. 253.
18. *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 52–53.
19. *Тертуллиан, Квинт Септимий Флорент*. Указ. соч. С. 268.
20. Давид Гареджели и его лавра. Юбилейное издание. Тифлис, 1901. С. 3–4.
21. *Фадеева Т.М.* Указ. соч. С. 195–204.
22. Тем не менее, вид мыса Айя-Бурун, приведённый в приложении к работе З.А. Аркаса и воспроизведённый в работе Т.М. Фадеевой (*Фадеева Т.М.* Указ. соч. С. 198), исключительно похож именно на скалу Кокия-Исар, венчающую мыс Айя, а не Айя-Бурун. Именно там 300-метровая вершина отвесного утёса расколота огромными трещинами на три части, на одной из которых находилось укрепление. В то же время недавно автор настоящей работы видел в частной коллекции гравюру Гейсслера и Куше, изображающую Георгиевский монастырь в начале XIX века, где подобная расколотая платформа отсутствует. Поэтому, на наш взгляд, здесь всё же возможна очередная топонимическая путаница (собственно, Айя-бурун в переводе и означает «мыс Айя», или «Святой Мыс»). Подобная ситуация в Крыму не редкость: так, имеется несколько мысов или скал с названием «Кильсе-бурун», существовало не менее трёх «Ай-Тодоров» (два мыса и село) и т.д.
23. *Фадеева Т.М.* Указ. соч. С. 199, 202.
24. Там же. С. 201.
25. Там же. С. 203–204.
26. Там же. С. 204.
27. Известно, что попытки идентифицировать таинственный мыс Парфений и обнаружить находившееся на нём святилище Девы производились неоднократно, но оканчивались неудачей. Теперь мы видим и возможную причину этого: *сознательное* игнорирование исследователями, как недостоверного, *первичного* (*с нашей точки зрения*) поискового признака – *расстояния*.
28. *Зубарь В.М., Буйских А.В.* По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова. // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. С. 8.
29. *Фадеева Т.М.* Указ. соч. – С. 212.
30. Сделать это чрезвычайно просто самыми элементарными средствами, например, проложив по карте нитку, а потом измерив её длину.
31. Эта погрешность может быть более указанной, если путь корабля пролегал дальше от береговой черты или, наоборот, повторял все её изгибы. Но она также могла быть значительно меньше указанной, т.к. мы не знаем точного места отплытия, от которого отсчитывал расстояние Страбон.
32. *Яшаева Т.Ю.* Пещерный комплекс в округе Херсонеса // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. – С. 175.
33. Там же.
34. Там же. С. 71–72.
35. Давид Гареджели… С. 26-27. Заметим, что иссяк источник и в скиту на мысе Виноградный, когда, после его разорения турками, в монастырских помещениях были устроены кошары для овец и временные жилища пастухов (См.: *Яшаева Т.Ю.* Средневековый скит на мысе Виноградный // Православные монастыри. Симферополь, 2007. С. 177).
36. Жития святых Таврических (крымских) чудотворцев. С. 12.
37. *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие. Вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря // ЗООИД. Одесса, 1910. Т. 28. С. 54–55.
38. *Филиппенко В.Ф.* К истории Инкерманского пещерного монастыря (первый этап существования) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 122.
39. *Там же.*
40. *Яшаева Т.Ю.* Средневековый скит на мысе Виноградный. // Православные монастыри. Симферополь: СОНАТ, 2007. С. 175–177.



Фото 1. Мыс Фиолент. Вид с юго-запада.

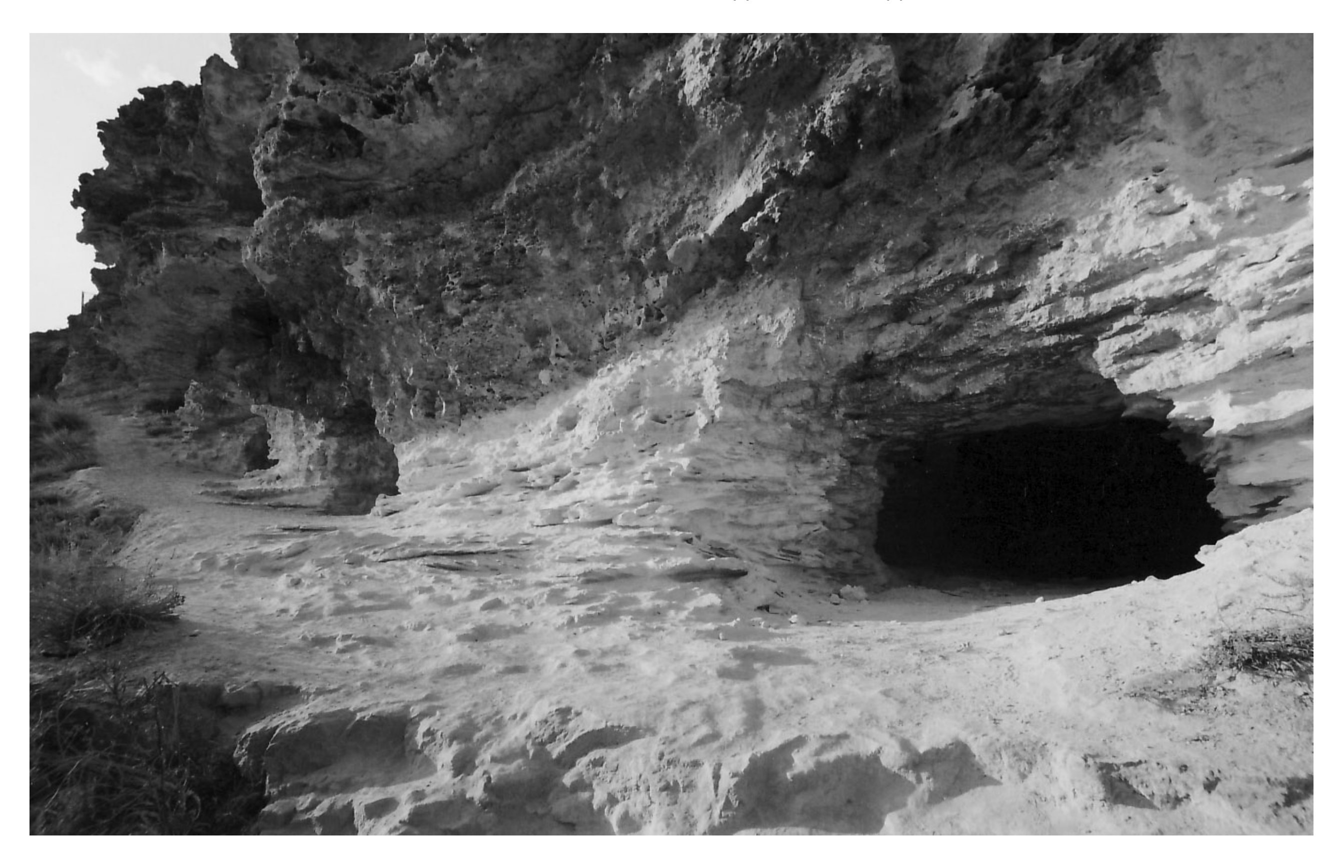


Фото 2. Пещерные комплексы на мысе Виноградный



Фото 3. Пещерные комплексы на мысе Виноградный



Фото 4. Урочище «Митрополичьи сады»



Фото 5. Остатки наземного храма на мысе Виноградный



Фото 6. Пещерная келья с источником на мысе Виноградный



Фото 7. Русло источника в пещерной келье на мысе Виноградный



Фото 8. Георгиевский монастырь



Фото 9. Остатки пещерных келий у Георгиевского монастыря

М.М. Чореф

К ИСТОРИИ ЭСКИ-ЮРТА

Долина Бахчисарая издавна была освоена человеком. К настоящему времени на ее территории обнаружены многочисленные памятники каменного века, античности и средневековья. Однако внимание исследователей привлекает, как правило, только восточная часть долины, т.е. район старой части современного Бахчисарая. Действительно, такие памятники, как Ханский дворец, Эски-Дюрбе и Чуфут-Кале хорошо известны, но в то же время не изучены в полной мере. Однако не менее интересные архитектурные сооружения есть и в западной части долины. Так, к примеру, комплекс Азиза (XV–XVI вв.) и сейчас практически не исследован. В то же время многочисленные находки осколков средневековой поливной и красноглиняной керамики, а также джучидских медных и серебряных монет на всей территории современного города, позволяют нам предполагать не только об освоенности, но и о заселении всей долины людьми в эпоху Золотой Орды.

К сожалению, к настоящему времени мы практически ничего не знаем о ситуации, сложившейся в Юго-Западном Крыму в XIII-XIV вв. Дело в том, что золотоордынские памятники, найденные на его территории, как правило, не исследуются. Мы ничего не знаем и о поселении в Бахчисарайской долине. Даже его первоначальное название нам не известно [1]. Мы не знаем, когда оно возникло и как долго существовало, какую территорию занимало и какой имело статус. Кроме того, активное освоение долины в XX в. лишило нас возможности провести ее полномасштабное археологическое обследование [2]. Однако наличие хорошо сохранившихся архитектурных памятников и изобилие подъемного материала, позволяет нам предполагать, что это было большое поселение, существовавшее достаточно долго, чтобы оставить след в истории. В сложившейся ситуации, для поиска необходимой информации, нам не остается ничего другого, как попытаться собрать все доступные сведения о нем и попытаться их проанализировать. Считаем целесообразным разобрать как письменные источники, в которых есть какие-либо сведения об этом поселении, так и археологический, эпиграфический и нумизматический материалы, найденные на его территории. Надеемся, что в результате мы сможем определить отдельные участки, которые и в настоящее время целесообразно археологически обследовать.

Отметим, что ряд исследователей уже обращались к проблеме возникновения средневековых поселений в Бахчисарайской долине. Так, в настоящее время принято считать, что на западной окраине современного Бахчисарая существовало золотоордынское городище Эски-Юрт. По А.Л. Якобсону, оно возникло в результате проникновения татар в Юго-Западный Крым во второй половине XIV в. и существовало до начала XV века [3]. С его мнением согласны современные исследователи А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев [4].

Вместе с тем, нам известно, что в Бахчисарайской долине в тот период существовал только один административный центр – Кырк-Йер, который, по мнению большинства исследователей, следует отождествлять с «пещерным городом» Чуфут-Кале [5].

Попробуем разобраться в ситуации. Для этого попытаемся осмыслить в первую очередь приведенные А.Л. Бертье-Делагардом, А.Л. Якобсоном, А.Г. Герценым и Ю.М. Могаричевым доводы о локализации Кырк-Йера. Действительно, на территории Чуфут-Кале сохранились памятники XIV–XV вв.: мечеть, условно датируемая периодом правления Джанибека [6], и тюрбе Джанике-ханум (1437 г.). В таком случае получается, что Эски-Юрт, существовавший, по их мнению, одновременно с Кырк-Йером, по каким-то неведомым причинам не стал известен средневековым летописцам и путешественникам [7]. Мы знаем, что историки и географы того времени описывали, как правило, крупные административные и торговые центры. Если следовать логике А.Л. Якобсона, А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева, Эски-Юрт таковым не являлся. Но нам известно, что с ним было связано огромное золотоордынское кладбище, на котором хоронили и представителей правящей династии. Кроме того, если предположить, что города в тот период были окружены некрополями, то к какому населенному пункту можно отнести Эски-Дюрбе и окружающий его могильник XV-XVI вв.? Если следовать логике этих ученых, то в Бахчисарайской долине существовало в тот период по крайней мере три поселения, причем только одно из них стало известным средневековым историкам. С этим очень трудно согласиться. Как видим, к настоящему времени у нас нет даже гипотезы, позволяю-

щей как датировать появление Эски-Юрта, так и привязать его к какому-либо известному в литературе золотоордынскому центру.

Перейдем к анализу данных, содержащихся в письменных источниках. К сожалению, в золотоордынских документах нет информации об Эски-Юрте. Во всяком случае, он впервые был упомянут только в связи с событиями конца XVI в. в труде Халим Гирай султана [8].

Однако в доступных нам средневековых описаниях Крыма, составленных европейцами, есть и интересующие нас сведения. Так, Мартин Броневский, неоднократно посещавший Крым в конце XVI в., писал: «возле города построены каменная мечеть и гробницы ханов из развалин христианских» [9]. Как отдельное поселение Эски-Юрт упомянут и в записках послов России ко двору крымских ханов. Так, по данным многих исследователей [10] в Эски-Юрте стоял с войсками предводитель ногайцев Кантемир во время осады им в 1627 г. Бахчисарая. В 1634/5 гг. русский путешественник монах Иаков записал, что «Искиюрт от Бакчисараев с версту, церковь зело велика и украшена велми была, нынеж сделана мечетью, а кладут в нем крымстии цари и царевичи, а простые мурзы и татарове отнюдь не кладутся» [11].

Во второй половине XVII в. Эвлией Челеби было составлено описание Крыма, в котором приведены и некоторые сведения об Эски-Юрте. К сожалению, эта информация не является достоверной, так как турецкий автор явно не всегда был склонен объективно фиксировать им увиденное. Так, к примеру, он якобы насчитал на территории этого древнего поселения, «имевшего 2000 шагов в длину» несколько тысяч «отличных строений» [12]. По свидетельству путешественника, Эски-Юрт был ранее городом, а позже запустел и стал селом. Близ него путешественник осмотрел 3 тюрбе, в которых «лежат шахиншахи-ханы». Эвлия Челеби писал, что в этих мавзолеях и на окружающем их кладбище хоронили не только членов правящей династии и представителей знати, но и простых жителей Бахчисарая [13].

К сожалению, из довольно большого описания некрополя, приведенного в труде этого турецкого путешественника, только эти сведения можно считать правдоподобными. Вероятно, стремясь угодить как крымским властям, так и своим отечественным покровителям, Эвлия Челеби приводит явно ложную информацию о ханах и их родственниках, похороненных в этих тюрбе или близ них. По его словам, тут были погребены хан Берке и его родичи, а также предки современных путешественнику правителей Турции. А наличие в Крыму этих могил дала автору возможность высказать свои суждения о родстве предков Гираев и Османов [14]. Так как этот текст уже достаточно хорошо разобран, то мы ограничимся простой констатацией факта. Как видим, путешественник осмотрел только район Азиза [15] – по крайней мере, он пишет, что рядом с этим поселением находилось ханское кладбище [16]. Эвлия Челеби писал, что этот культовый центр возник вскоре после монгольского завоевания Крыма, а позже на его территории было обнаружено надгробие праведника Мелек Аштера – мифического сподвижника пророка Мухаммеда, ставшее объектом паломничества [17]. Однако мало вероятно, чтобы мусульмане оказывали такие знаки внимания памятному знаку, поставленном в память о герое мусульманских преданий [18]. Местные жители могли почитать могилу или известного им праведника, или, что более вероятно, знатного человека, возможно, Чингизида. Это смелое предположение подтверждается наличием на надгробии Мелек Аштера «джагатайских» надписей, т.е. текстов на монгольском языке [19]. В связи с этим отметим, что в период становления чингизидских улусов, в канцеляриях правителей наряду с арабским использовался и уйгурский алфавит. Если на священном для мусульман языке составляли текст документа, то имена правителей писали с использованием привычных монголам символов. Надписи на уйгурском языке известны на монетах Джучидов, Хулагуидов, а также Джелаиридов [20]. Вероятно, Азиз почитался как древнее место упокоения Чингизидов. По крайней мере, один из них, удостоившийся царского титула низшего ранга, был похоронен на этом кладбище.

Эвлия Челеби приводит также сведе-ния об этом поселении, почерпнутые им из недошедшей до нашего времени татарской хроники местного летописца Тохта Бая, кстати, написанной на «джагатайском» языке [21]. По ней Беркет-ханом [22] – одним из первых правителей Крыма [23], были основаны города Эски-Сала, Бахчисарай и Эски-Юрт [24].

Как видим, в первые века существования Крымского ханства район Эски-Юрта был редко посещаем иностранцами. Однако в начале XVIII в. ситуация изменилась. Очень важна для изучения истории поселения записка, составленная, как принято считать, Х.-Г. Манштейном в 1736 г. по приказу Б.-Х. Миниха [25]. В ней, кроме всего прочего, описывается взятие русскими войсками Бахчисарая. Крайне интересно для нашего вопроса его замечание о том, что так как «дороги в город прорублены в каменных горах, и того ради очень трудны и худы, а с западной стороны имеется большое предместье, через которое мы к Бахчисараю маршировали» [26].

Получается, что русская армия шла в столицу ханства через территорию Эски-Юрта. Примечательно и то, что в этом тексте нет ни слова о тюрбе. Следовательно, если это свидетельство достоверно, то наступавшие прошли через центральную часть поселения, минуя Азиз с его некрополем. Однако у нас есть веские основания не доверять «Описанию». Дело в том, что Х.-Г. Манштейн в своих мемуарах [27] описал сражение под Эски-Юртом, выигранное русской армией. По его словам, это была последняя попытка крымских татар защитить свою столицу [28].

Считаем, что выявленное несоответствие в текстах не случайно. Мы не можем допустить и мысли, что педантичный и обстоятельный Х.-Г. Манштейн упустил столь важное событие, как сражение у стен Бахчисарая. Вернее всего, «Описание дворца» было составлено в начале XIX в., т.е. незадолго до публикации.

Итак, проанализировав данный источник, мы узнаем, что в начале XIX в. Эски-Юрт стал фактически предместьем столицы ханства.

Новый период в истории изучения это-го древнего поселения начался в 1783 г. После присоединения Крыма к России, объекты Эски-Юрта стали доступны европейским исследователям и путешественникам. Представителями властей и российскими учеными был составлен ряд описаний Крыма. Из них самым информативным, на наш взгляд, является труд П.С. Палласа, написанный в результате путешествия 1793 г. В нем есть и важные сведения об Эски-Юрте. Так, автор писал: «Ниже Бахчисарая, в двух верстах от него, находится деревня Дозис, подле Джурук-Су с капустными огородами, между нею и южными высотами видны древние ханские мавзолеи, называемые татарами Эски-Юрт» [29]. В настоящее время на кладбище Азиз сохранились только четыре тюрбе: Бей Юде Султан (XV в.), Ахмед Бея (нач. XVI в.), Мухаммед бея (1577 г.) и Мухаммед Гирая II (1577–1584) [30] и каменный минбар. П.С. Паллас писал, что первоначально тюрбе в Азизе было больше, но «страсть к разрушениям, много повредила и этим прекрасным памятникам, некоторые из них лежат в развалинах» [31]. Он же пишет, что «между мавзолеями находится много надгробных плит и колон, украшенных резными барельефами из листьев и растений» [32].

Важная информация содержатся и в статье археолога А.В. Терещенко [33].

Отметим, и то, что упоминания поселений, существовавших на момент присоединения Крыма к России, есть и в статистических сводках. Так, в «Камеральном описании Крыма», составленном в 1784 г. капитаном И.Ибрагимовичем и прапорщиком С.Пеичем [34], в состав Бахчисарайского кадалыка [35] одноименного каймаканства [36] входили деревни Азиз и Эски-Юрт [37]. Во второй половине XIX в. эти селения уже считались предместьями Бахчисарая [38].

Как видим, немногочисленные записки путешественников, отчеты ученых и материалы путеводителей практически не содержат нужных нам сведений. Считаем важным отметить единственно то, что из описания М. Броневского мы узнали, об использовании при строительстве памятников Азиза материалов из «развалин христианских». О переделке церкви в мечеть пишет и священник Иаков [39]. Следовательно, в районе современного Эски-Юрта могло существовать какое-то поселение христиан. Однако можно ли его отождествить с каким-либо из известных, по материалам рассмотренных выше источников узнать не сможем.

Итак, проанализировав немногочисленные описания Эски-Юрта, мы не нашли ответы на интересующие нас вопросы. Удалось установить только то, что на территории Бахчисарайской долины некогда существовало большое поселение, вероятно, город, близ которого в XIV-XV вв. возник культовый центр, связанный с почитанием могил Чингизидов, что свидетельствует о его высоком статусе. Однако из разобранных нами источников мы не смогли получить сведений ни о первоначальном названии, ни о времени его возникновения. Обратимся к результатам археологических исследований его территории.

Отметим, что западная часть Бахчисарайской долины так и не была полномасштабно обследована. Только три группы археологов рискнули провести точечные раскопки отдельных ее объектов. Пионером изучения Эски-Юрта стал энтузиаст-краевед, первый директор Бахчисарайского дворца-музея У. Боданинский. В 1923 г. он начал планомерное исследование древностей этого поселения. Для начала, он составил план некрополя [40], располагавшегося близ него, и начал читать эпитафии. Так, к концу 1923 г. он изучил надписи на 3 надгробиях, 2 саркофагах и 11 скульптурных фрагментах [41].

Раскопки начались 5 октября 1924 г. В них участвовали И.Н. Бороздин (руководитель), А.С. Башкиров, Н.С. Эрнст и У.А. Боданинский. Уже в первые дни работ исследователи сделали важные открытия. Так, 9 октября они исследовали 18 купольных погребений (небольших курганов). Ими были найдены склепы с грунтовыми могилами [42]. Одновременно с раскопками исследователи обрабатывали материал. Так, 12 октября У. Боданинский и О.Акчокраклы приступили к чтению эпитафий [43].

Раскопки завершились к 15 октября. После их окончания найденные надгробия были перевезены в Бахчисарайский дворец-музей [44]. Как видим, полевые работы длились всего 10 дней. В ходе работ были найдены «мраморные обломки – части византийских колонн» [45]. Сам факт их обнаружения подтверждает свидетельство М. Броневского о существовании на месте Эски-Юрта поселения христиан [46].

В результате раскопок были исследованы многочисленные надгробные памятники. Исследователи выделили пять их групп:

1. Монолитные плиты с продольным узким выступом-коньком. На узком конце последнего просматривается ниша. Эти лапидарные памятники не были украшены резьбой и не имели надписей;

2. Монолитные плиты, в центре которых заметны гробообразные выступы с отлогой двухскатной крышей. Эти памятники не имели надписей;

3. Гробообразные надгробия с двухскатной крышей, на высоком цоколе, установленном на плите. Узкие стороны обработаны в виде т.н. «рогов». Эти надгробия украшены резьбой и имели надписи;

4. Был найден единственный в своем роде памятник Хесен-хатунь, погребенной в 1369 г. На монолитный постамент из известняка, орнаментированный плетеным жгутом в две полосы, положен мраморный блок в виде низкого гроба с двухскатной крышей с рельефной надписью. По концам надгробия стоят мраморные плиты, специальными вырезами закрепленные в постаменте. На них – имя и дата смерти покойной;

5. Надгробия в виде круглой граненной колонки, увенчанной головным убором. На шейке памятника – надпись.

Исследователи датировали надгробия 3–5 групп XIV–XV вв. [47].

Удивительно, что в результате этих раскопок, представления об Эски-Юрте по сути не были скорректированы. Да, исследователи обнаружили большое число надгробий, многие из которых были с эпитафиями. Но, как ни странно, вышла только одна единственная публикация результатов работ [48]. Судя по ней, исследователям удалось выделить типы надгробий, для большинства которых они нашли аналогии на одновременных некрополях Крыма, Передней Азии и Кавказа [49]. Ученым удалось проследить и эволюцию в оформлении памятников. Крайне интересны их выводы о постепенном развитии элементов двурогих надгробий в копии архитектурных деталей. В частности, рожки памятников, по их мнению, ваяли в форме маленьких тюрбе [50]. В результате исследования, А.С. Башкиров пришел к мнению о сельджукском культурном влиянии в XIV в. на население Юго-Западного Крыма [51].

Действительно, такого рода лапидарные памятники в виде небольших храмов встречаются как на одновременных Кырк-Азизлеру, так и на более ранних или поздних христианских некрополях Горного Крыма. К примеру, подобным образом оформленные надгробия найдены на Эски-Кермене (XIII в.) и на греческом кладбище близ Бахчисарая (нач. XX в.) [52]. Как видим, традиция ваять памятники в виде культовых сооружений в то время была не только у мусульман, готовых воспринять культурные веяния из более развитых исламских государств, но и у православных Крыма. В любом случае, ученые выявили взаимосвязи между развитием стилей сооружения надгробий жителей Эски-Юрта и окрестных христианских поселений [53].

Отметим, что трактовка А.С. Башкировым отдельных элементов памятников Кырк-Азизлера в последнее время оспаривается современными авторами. В частности, С.М. Червонная в своей статье о мусульманских эпитафиях из Крыма доказывает, что двурогие надгробия с рожками-копиями тюрбе появляются не в результате исламизации, культурного влияния сельджуков или местного христианского населения, а стали следствием развития художественных традиций тюркских народов. Исследовательница считает, что эти элементы являются видоизмененными «балбалами» [54].

В любом случае, попытка объяснить местное своеобразие надгробных памятников XIV–XV вв. исключительно влиянием культуры сельджуков, на наш взгляд, кажется необоснованной. Конечно, переселенцы из Малой Азии могли привносить элементы своей культуры, свои обычаи жителям Северного Причерноморья. Однако теория о проникновении сельджуков в Юго-Западный Крым в тот период все еще требует доказательств. Кроме того, как мы уже писали, обычай устанавливать на могилах макеты культовых сооружений был распространен и у христиан. Следовательно, мы можем предположить, что своеобразие надгробных памятников Эски-Юрта объясняется возникшим симбиозом культур кочевников-пришельцев и местного, аборигенного населения.

Вернемся к труду А.С. Башкирова и У.А. Боданинского. К сожалению, в их в работе есть ряд курьезных неточностей. К примеру, авторы считали, что «татары заняли Мангуп после 1475 г., при «князе Исайке» [55]. В связи с этим мы вынуждены заметить, что последним правителем Феодоро был не упомянутый выше Исаак (1465–1475), а его племянник Александр (1475). Кроме того, Мангуп захватили не татары, а турки-османы. Так же спорны

выводы исследователей об уникальности найденного ими изображения кентавра на надгробии №2 [56]. Дело в том, что в эпоху монгольского владычества на Востоке был фактически снят запрет на изображение живых существ, кстати, никогда толком и не соблюдавшийся [57]. Известны многочисленные монеты, как медные, так и серебряные, на которых есть изображения живых существ. Причем их выпускали не только в начале периода исламизации татар. В настоящее время хорошо известна медь Токтамыша (1376/1379-1391, 1391-1395) чекана Крыма, на реверсе которой был выбит всадник, стреляющий из лука [58]. Одновременно на полуострове ходили пулы с изображением льва [59]. Как видим, у нас нет необходимости как-то объяснять присутствие кентавра на вышеупомянутом памятнике.

Осмелимся утверждать, что единственная публикация результатов раскопок некрополя Кырк-Азизлер не была фундаментальной, а объект и после завершения раскопок продолжал нуждаться в научном изучении.

К сожалению, со времени раскопок 1924 г. было предпринято только две попытки археологически исследовать Эски-Юрт. Так, в 1990 г. сотрудники БГИКЗ в заполнении современной ямы на территории этого поселения нашли два фрагмента керамики, а местные жители обнаружили две монеты [60]. Судя по публикации, все эти находки можно отнести ко второй половине XIV в. [61]. В 2005 г. сотрудники отдела археологии БГИКЗ во главе с С.В. Карловым провели обследование небольшого участка Эски-Юрта. В ходе работ были найдены фрагменты керамики и монеты XIII-XV вв. [62].

Как видим, на территории поселения были проведены только точечные раскопки. Причем археологи не могли ни выбирать место для их проведения, ни как-то спланировать длительные, масштабные исследования.

К сожалению, не много важной информации об Эски-Юрте дают и изыскания эпиграфистов. Хотя первые публикации надписей, найденных на его территории, вышли еще в XIX в. [63], но за последние 100 лет только три исследователя попытались ввести в научный оборот результаты своего изучения лапидарных памятников Эски-Юрта [64]. Важно то, что в результате нового прочтения эпитафий А.А. Ивановым было установлено, что кладбище существовало с конца XIII по начало XV вв. [65]. Однако исследователь был вынужден заметить, что не только не установлены размеры некрополя, но и нет единого мнения даже о местоположении и о величине поселения [66]. Из-за недоступности материалов не разрешен вопрос и об использовании кладбища Кырк-Азизлер в XVI в., т.е. при Крымском ханстве [67].

Далее, в поисках информации обратимся к нумизматическим материалам. Известно, что на западных окраинах Бахчисарая были найдены три клада серебра и меди джучидского чекана. К сожалению, информация об этих монетных собраниях сохранилась минимальная. Мы знаем только то, что в 1890 г. в мешочке был найден клад из 282 серебряных монет XIII в., поступивший в собрание Таврической ученой архивной комиссии [68]. В том же году или в 1889 г. в кувшине был найдено древнее сбережение, состоявшее из 282 дирхемов чекана Крыма. Известно, что на некоторых монетах из этого клада, битых в 765 г.х., имелась надчеканка. К сожалению, только 4 экземпляра серебра из этого собрания поступили в Таврическую ученую архивную комиссию [69]. К сожалению, неясно, что именно за монеты были в составе второго клада. Дело в том, что до сих пор неизвестно серебро Крыма этого года. Третий бахчисарайский клад, найденный в 1891 г., состоял не только из серебра, но и из меди джучидского чекана. Однако сохранились сведения только о 87 экз. серебряных монет из этого собрания, присланных в Археологическую комиссию. Все они, по определению В.Г. Тизенгаузена, были однотипными, выпущенными при Узбеке в 713 г.х. [70].

Насколько можно судить по имеющейся лаконичной информации все три клада из Бахчисарая были найдены в районе современного железнодорожного вокзала Бахчисарая, а, значит, могут быть связаны именно с Эски-Юртом.

Попытаемся датировать эти монетные комплексы. Начнем с первого из перечисленных кладов. Нам известно, что в 1310/11 гг. в Золотой Орде была проведена денежная реформа, в результате которой в денежное обращение поступили серебряные монеты нового образца [71]. Прежние выпуски были изъяты государством или выпали в клады. В таком случае, наше монетное собрание должно было возникнуть до 1311 г. Таким образом, мы определили верхний временной предел формирования клада. Теперь попытаемся найти нижнюю дату его возникновения. Известно, что в XIII в. в Золотой Орде не было денежных реформ. В таком случае, наши монеты могли выпасть из обращения в результате какого-либо катаклизма. Следовательно, мы имеем основания предполагать, что клад мог сформироваться в 1299 г., т.е. в результате нашествия Ногая. В любом случае, монетное собрание было схоронено в конце XIII – начале XIV вв.

Но такой крупный по тем временам клад мог быть сокрыт только вблизи какого-то поселения. Следовательно, некий населенный пункт в западной части Бахчисарайской долины мог существовать уже в тот период. Другие упомянутые клады и отдельные монетные находки нам не столь интересны. Само их нахождение только подтверждает существование поселения в XIII–XV вв.

Как видим, на территории западной части Бахчисарайской долины были обнаружены хорошо датируемые материалы XIII–XV вв. Отметим, что подобных находок на Чуфут-Кале нет. Следовательно, общепринятое мнение о локализации единственного известного из источников золотоордынского центра в районе Бахчисарая на плато этого «пещерного» города не бесспорно.

В таком случае, для поиска нужных сведений, привлечем источники, не задействованные А.Л. Бертье-Делагардом, А.Л. Якобсоном, А.Г. Герценым и Ю.М. Могаричевым. К примеру, нам известна хроника «Чингиз-наме», составленная Утемиш-хаджи в первой половине XVI в. Мы выбрали именно этот труд, так как в нем описывается взятие Кырк-Йера – неприступной «крепости из гранита» [72]. Захвачена она была в результате умело и быстро проведенного подкопа [73]. В настоящее время общепринято считать, что в хронике идет речь именно об укреплении на месте Чуфут-Кале. Но ведь известно, что этот «пещерный город» находится на высоком (564 м.) известняковом мысу, в котором «прорыть» четыре подземных хода даже за 10 суток крайне сложно. Единственным доводом в пользу такого понимания текста является приведенная древним историком информация о том, что «говорят, эта крепость находилась на голой скале» [74]. Мы предполагаем, что в хронике шла речь о штурме не этого упомянутого горного укрепления, находящегося не на плато, а на мысу, следовательно, достаточно уязвимого, а какого-то иного, располагавшегося в долине, на каком-то невысоком, но стратегически важном скальном выступе.

Отметим, что обнаружение следов подкопов чрезвычайно облегчило бы локализацию Кырк-Йера. Попытки найти их следы на Чуфут-Кале предпринимались уже неоднократно. В ходе их исследователи смогли обнаружить осадный колодец близ современных Южных ворот [75], схожий по устройству с Эски-Керменским, который мы относим к раннесредневековому пещерному монастырю, находившемуся выше по склону [76]. Но никаких следов подземного хода, прорубленного в город извне, до сих пор не найдено [77].

Проанализировав имеющуюся информацию, мы приходим к выводу, что штурмом была взята крепость, находившаяся на каком-то скальном выступе. Мы предполагаем, что Кырк-Йер может быть локализован в районе современного железнодорожного вокзала Бахчисарая. Дело в том, что его укрепление могло находиться только на возвышенности, закрывающей подходы в долину; близ его предполагаемого местонахождения него были найдены три клада, а неподалеку находятся остатки золотоордынских некрополей. А наличие на месте т.н. Эски-Юрта, по словам путешественников, христианских культовых центров, позволяет нам предполагать, что какое-то поселение существовало на его территории до XIII в. и было захвачено монголами [78].

Таким образом, золотоордынское городище возникло в западной части долины и постепенно заняло ее всю. По крайней мере, следы средневековых мусульманских некрополей встречаются и в восточной ее части. Уже в начале XIV в. это было довольно большое поселение, жители которого вели значительную торговлю (о чем свидетельствуют обилие монетных находок). Возможно, оно являлось административным центром или было резиденцией татарского феодала, вероятно, наместника правителя Золотой Орды. Близ этого поселения появились некрополи, причем на одном из них – Азизе, первоначально хоронили только представителей правящей династии. Вероятно, в результате бурных событий конца XIV–начала XV вв. Кырк-Йер был разорен. Оставшиеся в живых жители покинули западную часть долины и переселились на ее восточную сторону, ближе к горам. Эти районы ранее были заселены, но не являлись центром городища. Теперь же на восточной окраине поселения появилась новая резиденция, а укрепление на плато стало убежищем в случае опасности. Так как все эти районы входили в состав Кырк-Йера, то старое название сохранилось и за ними. В это время центр поселения практически обезлюдел. Уцелел только т.н. Азиз – место упокоения джучидских правителей и их приближенных. А на территории прежнего укрепления, у входа в долину, там, где некогда была ставка, возникло селение Эски-Юрт, давшее название западным районам некогда существовавшего городища.

К сожалению, из рассмотренных выше источников мы не сможем узнать о нем больше. Единственной возможностью уточнить наши представления об Эски-Юрте является планомерное археологическое исследование в районе предполагаемых оборонительных сооружений, т.е. на возвышенности в западной части долины.

Примечания

[1] Одноименное поседение существовало и в Поволжье. Ф.В. Баллод считал, что так называли бывшую резиденцию Бату после основания Нового Сарая (См.: *Баллод Ф.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань, 1923. С. 8; *Баллод Ф.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года) // Татарская археология. Казань, 1998. №1(2). С. 16).

[2] Ситуация осложняется тем, что за последние сто лет территория Эски-Юрта активно осваивалась. Так, в 1930-х гг. на равнинной его части были разбиты сады, позже было перенесено русло р.Чурук-Су, а немногочисленные холмы в 1970-х г. были нивелированы в ходе строительства заводов промышленной зоны г.Бахчисарая. В настоящее время относительно хорошо сохранились только крупнейшие тюрбе, расположенные в Азизе.

[3] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.-Л., 1964. С. 128–129; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973. С. 134–135.

[4] *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь. С. 57.

[5] *Кеппен П.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 29, 309–316; *Терещенко А.* Очерки Новороссийского края. IV. Некоторые местности Южного Крыма // ЖМНП. – СПб, 1854. Часть 84. Октябрь. С. 68; *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. №57. С. 101, 105–107, 122; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Указ. соч. С. 57; *Могаричев Ю.М.* Крымская Алания и Чуфут-Кале // ХС. Севастополь, 2005. Вып. XIV. С. 250; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. С. 128–129; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. С. 134-135.

[6] Дело в том, что квадр с датой был обнаружен в закладе входа здания, находившегося севернее мечети, на другой стороне улочки (См.: *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т.2. С. 172–178). Считаем, что исследователи нашли не закладную плиту, а фрагмент надгробия.

[7] К примеру, по И. Барбаро в Крыму у татар «есть два поселения, обнесенных стенами, но не представляющими собой крепостей». Это были Солхат и Кырк-Йер (См.: *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Л., 1971. С. 154).

[8] Речь идет о месте упокоения Мухаммед Гирая II (1577–1584). (См.: *Гирай, Халим султан.* Розовый куст ханов или история Крымского ханства. Симферополь, 2004. С. 40).

[9] *Броневский, Мартин*. Описание Крыма // ЗООИД. Одесса, 1867. Т.6. С. 345; *Броневский, Мартин*. Описание Крыма / Подг. к публикации М.Мачинской и А.Герцена, предисловие и комментарии А.Герцена // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. №10. С. 68.

[10] *Никольский П.В.* Бахчисарай. Чуфут-Кале. Салачик. Культурно-исторические экскурсии. Выпуск второй. Симферополь, 1924. С. 25; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С. 120; *Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626–28 гг. // ИТУАК. Симферополь, 1905. №38. С. 70–71.

[11] Сказание священника Иакова // ЗООИД. Одесса, 1850. Т. 2. С. 691.

[12] *КП.* Симферополь, 1999. С. 59. Известно, что Эвлия Челеби считал необходимым подсчитывать длину пути, проходившего через поселение для оценки его величины. К примеру, таким же образом он характеризует размер территории, занимаемой г.Бахчисараем (Там же. С. 42). Как следует из его подсчетов, столица ханства была всего в четыре раза «длиннее» Эски-Юрта (Там же. С. 42, 59). Вообще, приводимые автором данные о величине городов и о применяемых им методах ее нахождения должны убедить читателя в правдоподобности его сведений. Однако многочисленные курьезные преувеличения не позволяют нам принимать все его свидетельства на веру.

[13] Там же. С. 60.

[14] Там же. С. 60-61.

[15] По данным А.В. Терещенко, это предместье Азиз получило такое название, так как на его кладбище была погребена «мученица, пострадавшая за веру» (См.: *Терещенко А.В.* Указ. соч. С. 54).

[16] КП. С. 60

[17] Там же. С. 66.

[18] На данный момент нет единого мнения по вопросу толкования приведенного свидетельства Эвлии Челеби. Так, А.Е. Гайворонский предположил, что Азиз близ Бахчисарая был основан на «макаме – месте поминовения святого, похороненного в египетском городе Аль-Ариша» (См.: *Гайворонский А.Е.* Азиз Мелек-Аштера – мусульманская святыня Бахчисарая // Культ святых мест в древних и современных религиях. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2005. С. 17; *Гайворонский О.* Мысли об Эски-Юрте // Восточная нумизматика на Украине. Сборник публикаций, часть II. Монеты Джучидов XIII–XV веков и сопредельных государств. Киев, 2007. С. 86). Заметим, что сама идея связать могилу с «уйгурской», следовательно, доисламской эпитафией с памятным знаком в честь мусульманского святого достаточно интересна.

[19] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 29–30.

[20] *Савельев П.* Монеты Джучидов, Джагатаидов и Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1857. Вып.1. С.21, №9; *Савельев П.* Монеты Джучидов, Джагатаидов и Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1858. Вып. 2. С. 290, 292–294, 340, №499, 506, 508, 509, 573; *Френ Х.М.* Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий. СПб., 1832. С. 5, №27; *Artuk İ., Artuk C.* İstanbul arkheoloji müzeleri teşhirdeki islâmi sikkeler kataloğu. Istanbul, 1974. Cilt II. S. 769–775, 777–778, 780, 796–804, 812, №2209–2229, 2235–2237, 2243, 2289–2315, 2341–2343; *Марков А.* Каталог джелаиридских монет. – СПб., 1897. С. LVIII. Рис. 4. С. 7, №24.

[21] КП. Указ. соч. С. 119.

[22] Хан Берке (1256–1266) правил не только Крымом. Возглавив род Джучидов, он управлял огромным юртом, возникшим в результате завоеваний первой половины XIII в.

[23] Мы не можем согласиться с этим мнением Тохта Бая. Ведь этот Чингизид никогда не был на территории полуострова.

[24] КП. Указ. соч. С. 120. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что и эти сведения, приведенные путешественником, явно не достоверны.

[25] В этом интересном сообщении, кроме сведений о пути российского экспедиционного корпуса к столице ханства, было приведено и на удивление подробное описание Бахчисарайского дворца (См.: [*Манштейн Х.-Г.*], Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное по приказу графа Миниха капитаном Манштейном // Отечественные записки. М., 1824. Ч.19. №51. С. 76-83; *Маркевич А.* К истории ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. Симферополь, 1905. №23. С. 133–136).

[26] *Манштейн*, Указ. соч. С. 75–76.

[27] «Записки о России» были закончены в 1754 г., т.е. за три года до его героической смерти.

[28] [*Манштейн Х.-Г.*] Записки о России генерала Манштейна // Русская старина. М., 1875. Т.XIII. С. 83–84; *Манштейн, Христофор.* Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны М. 1997. С. 77.

[29] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 гг. Москва, 1999. С. 34.

[30] *Крикун Е.* Архитектурные памятники Крыма. Симферополь, 1977. С. 36–37.

[31] *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 34.

[32] Там же.

[33] *Терещенко А.В.* Указ. соч. С. 53–54, 74.

[34] *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 99–116.

[35] Тур. «судебный округ», управлялся мусульманским судьей – кади. К сожалению, нам не известно, по какому принципу происходило деление на кадалыки. Нам известно только то, что во времена Эвлии Челеби на территории ханства было 24 таких округа (См.: *КП.* С. 45). Но так как в Крыму в тот период было 40 бейликов, то получается, что кадалыки уже в середине XVII в. не совпадали с феодальными владениями. Вероятно, в последние годы существования Крымского ханства в связи с попытками централизации, предпринятыми Шахин Гираем (1777–1783), была проведена административная реформа. С учетом вошедших в состав ханства турецких владений, было выделено 44 кадалыка (См.: *Лашков Ф.Ф.* Шагин-Гирей, последний крымский хан. Симферополь, 1991. С. 22).

[36] Основной административной единицей в Османской империи являлся санджак (тур. «знамя»), соответствовавший губернии в Российской империи. Заместитель паши-правителя такого округа носил титул каймакама (или, в некоторых источниках, каймакана). Вероятно, в Крымском ханстве существовала аналогичная должность наместника хана. При Шахин Гирае (1191–1197 гг. х., 1777–1783) было учреждено 6 каймаканств (Там же).

[37] Там же. С. 101.

[38] Список населенных мест Российской империи. Таврическая губерния. 1865 г. // Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998. Симферополь, 1999. С. 145.

[39] Сказание священника Иакова. С. 691.

[40] Для ясности вопроса приведем краткие сведения об этих некрополях. Нам известно, что с запада поселение было ограждено большими кладбищами: Кырк-Азизлер, Эски-Юрт и Азиз. Судя по данным раскопок 1924 г., на территории первого из них были найдены погребения XIV-XV вв. (См.: *Башкиров А., Боданинский У.* Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. М., 1925. №8–9. С. 311). Когда возникло и как долго существовало кладбище Эски-Юрт мы уже не узнаем, так как оно не было своевременно описано и уже уничтожено. На территории Азиза в настоящее время сохранились только четыре тюрбе, а окружавшие их надгробные памятники исчезли.

[41] Дневник // Фонды БГИКЗ. КП – 9569 / К – 386. С.2.

[42] Там же. С. 102–106.

[43] Там же. С. 109–110.

[44] Там же. С. 120.

[45] Там же. С. 121.

[46] *Броневский, Мартин*. Описание Крыма. С. 345.

[47] *Башкиров А.С., Боданинский У.* Указ. соч. С. 311.

[48] Там же. С. 295–311.

[49] Там же. С. 299–301.

[50] Там же. С. 300.

[51] *Башкиров А.С.* Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. М., 1926. №2. С.108–125.

[52.] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Табл. XXII, 2,3.

[53.] *Башкиров А.С., Боданинский У.*, Указ. соч. С.302.

[54.] *Червонная С.* Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // Татарская археология. Казань, 1997. № 1. С. 115–116.

[55.] *Башкиров А.С., Боданинский У.* Указ. соч. С. 299.

[56.] Там же. С. 303–304.

[57.] К примеру, изображения людей, исчезнувшие с монет исламских государств в результате денежной реформы 693/4–695/6 гг., проведенной омейядским халифом Абд аль-Меликом (685–705) (См.: *Тизенгаузен В.Г.* Монеты Восточного халифата. СПб., 1873. С.VII), появились вновь при Сельджуках Рума (См. *Райс Т.* Сельждуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М., 2004. С. 113–114, Фото 79,80). Мы не считаем необходимым перечислять все подобные случаи. Отметим только то, что уже в XIX в. в Мекке чеканили медь с изображением птицы и рыбы (См.: *Krause, Chester L., Mishler, Clifford.* Standard catalog of Word Coins, 1801–1900. Iola, 2001. P.992, KM# 2,3,4).

[58.] *Лебедев. В.П.* Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XIV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. Одесса, 1999. №2. Рис. 9. М52.

[59.] Там же. Рис. 9. М53.

[60.] *Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В.* Поливная керамика золотоордынского времени из Эски-Юрта // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. Т.1. С. 183–190. Судя по публикации, в руки исследователей попали два пула Золотой Орды. Один, по их мнению, был выбит в г.Крым в 1360-х гг., а второй выпущен при Тохтамыше (См.: Там же. С. 183). К сожалению, непонятно, о каких именно монетах идет речь в этой статье. Ведь медь чекана Крыма 1360-х гг. нам вовсе не известна, а что имелось ввиду под «пулом Тохтамыша» остается загадкой. Дело в том, что при этом правителе было выпущено множество разновидностей меди (См.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 193–199. Табл. XVI–XIX. №229–274). К сожалению, отсутствие в тексте рисунков или фотографий монет не позволяет нам проверить эти выводы.

[61.] *Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В.* Указ. соч. С. 183.

[62.] *Карлов С.В.* Археологические исследования средневекового поселения Эски-Юрт в г. Бахчисарае // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ-Запоріжжя, 2006. С. 182–184; *Карлов С.В.* Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Эски-Юрт в г.Бахчисарае в 2005 г. // Архив БГИКЗ, 2007.

[63.] [*Борзенко А.А., Домбровский Ф.М., Кузьмин В.Н., Негри А.Ф.*]. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. Одесса, 1848. Т.II. С. 41–42. Надпись №15.

[64.] *Башкиров А.С., Боданинский У.*Указ. соч. С. 295–311; *Иванов А.А.* Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 24–31.

[65.] *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 25–30.

[66.] Там же. С. 30.

[67.] Там же.

[68.] ОАК за 1890 г. СПб., 1893. С. 117, 124; *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // НиЭ. М., 1960. Т.I. С. 132, № 10.

[69.] ОАК за 1890 г. С. 124; *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет. С. 152, №123.

[70.] ОАК за 1890 г. СПб., 1893. С.132; *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет. С. 152, № 124.

[71.] *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. С.14.

[72.] *Утемиш-Хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости*. Чингиз-Наме. Алма-Ата, 1992. С. 96.

[73.] Там же.

[74.] Там же.

[75.] *Козлов А.Ф., Майко В.В., Полканов Ю.А., Шутов Ю.И.* Кырк-Ерский клад, найденный близ южных ворот городища Джуфт(Чуфут) – Кале // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003. Вип.5. С. 120–123; *Майко В.В.* Кирк-Єрський скарб XV ст. (попереднє повідомлення) // Археологія. Київ, 2003. С. 84–100; *Майко В.В.* Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму. Киев, 2007.

[76.] *Веймарн Е.В., Чореф М.Я., Чореф М.М.* К вопросу о существовании раннесредневековой пещерной церкви в районе Южных ворот Чуфут-Кале // Sacrum et Profanum III. Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. С. 49–56.

[77.] Нами был найден подземный ход, пригодный для бегства из поселения. Он ведет через пещеру Копка-Кую в долину у южного подножия Чуфут-Кале. Судя по подрубкам для монтирования свода, он был довольно хорошо скрыт. Спускаться или подниматься по нему без помощи из Чуфут-Кале было невозможно.

[78.] Возможно, первоначальное название поселения – греческое. Оно могло происходить как от Κύρ[ιον] χῶρ[α] – «*господский город*», так и от Κύρ[ιον] χωρ[ίον] – «*господское село*» (См.: *Бушаков В.А.* Тюркская этноойконимия Крыма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. (На правах рукописи). М., 1991. С. 32-33), или от антропонима **Grhgórioj** – «*Григорий*» (См.: *Georgacas D.J.* The names for the Asia Minor Peninsula and a Register of Surviving Anatolian Pre-Turkish Placenames. Heidelberg, 1971. P. 115).

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века.
АО – Археологические открытия.
БГИКЗ – Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник.
ВВ – Византийский временник.
ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам РАН
Дневник – Дневник Бахчисарайского Дворца Музея. (с 9 декабря 1923 по 21 октября 1924).
ИОЯРС – Известия общества любителей русского языка и словесности.
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.
ЗИАН – Записки Императорской Академии наук.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
КП – Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.).
КСИИМК – Краткие сообщение Института истории материальной культуры.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НА НЗХТ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический».
НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический».
НиС – Нумизматика и сфрагистика.
НС – Нумизматический сборник.
НиЭ – Нумизматика и эпиграфика.
ОАК – Отчет Археологической комиссии.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РГБ – Российская Государственная Библиотека.
СА – Советская археология.
ТМНО – Труды Московского нумизматического общества.
ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия.
ХС – Херсонесский сборник.

Содержание

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Вып. I

Сборник

Редакторы В.В. Хапаев, М.М. Чореф
Техническая редакция М.М. Чореф
Корректура К.С. Панченко
Верстка и оригинал-макет М.М. Чореф

Интернет-издание